

ВАСИЛИЙ
КАМЕНСКИЙ

ЕГО-МОЯ
БИОГРАФИЯ
ВЕЛИКОГО
ФУТУРИСТА

Пермь
2016

**ВАСИЛИЙ
КАМЕНСКИЙ.
ЕГО-
МОЯ
БИОГРАФИЯ
ВЕЛИКОГО
ФУТУРИСТА.**

7 ДНЕЙ ПРЕДИСЛОВИЙ.

3 ПОРТРЕТА.

Книгоизд-во КИТОВРАС.

Москва—1918.

КНИГА
ИСКУССТВА
ВОЛЬНОТВОРЧЕСКОЙ
МОЛОДОСТИ.

**Василий
Каменский.**

**ЕГО-
МОЯ**

**БИОГРАФИЯ
ВЕЛИКОГО
ФУТУРИСТА.**

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К18

Репринтное воспроизведение текста
и страниц (3–5, 39, 274) издания 1918 года.

Каменский В. В.

К 18 **Его-Моя биография Великого Футуриста** /В. В. Каменский;
[вступ. ст.: И. Ёжиков]. — Пермь, 2016. — 304 с.; ил.

Легендарная биография Василия Каменского, его стихи близки творческой молодёжи наших дней. «Его-Моя биография Великого Футуриста» — рассказ о жизни и творчестве от лица самого автора.

Книга представляет собой репринтное переиздание текста с сохранением авторской пунктуации, орфографии и оформления. Дополнена пояснительной статьёй пермского краеведа И. Г. Ёжикова, библиографическим списком и фотографиями.

Издание адресовано литературоведам, учащейся молодёжи и школьникам старше 12 лет.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© В. Каменский (наследники), текст, 2016
© И. Ёжиков, текст, 2016
© РОО «Пермская краевая организация Союза журналистов России», оформление, 2016

Электронная версия книги В. В. Каменского
«Его-Моя биография Великого Футуриста»
подготовлена к размещению на сайте
«Пермская библиотека» при поддержке
Министерства культуры Пермского края

Региональная общественная организация
«Пермская краевая организация
Союза журналистов России» благодарит
Пермский краеведческий музей (Пермь),
Мемориальный дом-музей Каменского (с. Троица),
Государственный музей В. В. Маяковского (Москва),
журналиста и почётного краеведа г. Перми
Ивана Григорьевича Ёжикова
и Елену Васильевну Каменскую за содействие
в реализации культурного проекта

СВЯТОЙ РАЗБОЙНИК ИЗ КОВЧЕГА ГРЯДУЩЕГО

Предисловие к книге композитора стихии,
поэта Василия Каменского
«Его–Моя биография Великого Футуриста»

Из жизни сделал я поэмию.
А из поэмии — стихи.
И стал подобен солнцегению
И композитором стихии...
Я, Стеньку Разина создавший,
«Землянку» и «Танго с коровами», —
Всем навсегда свое сказавший:
Духовно будьте все здоровыми.

Василий Каменский «Моя карьера»

Имя русского поэта Василия Васильевича Каменского (1884–1961) навсегда связано с бурным, чрезвычайно насыщенным и многообразным периодом в истории отечественной культуры первых десятилетий XX века. Именно в эти годы начиналась литературная деятельность Василия Каменского, которая продолжалась почти полвека, хотя казалось, что она пронеслась метеором в культурном пространстве России.

В 1962 году в Москве, в Центральном доме литераторов проходил вечер памяти Каменского. Поэт Семён Кирсанов начал воспоминания словами:

— Высокий, с вьющимися русыми волосами, полный незабываемых ощущений Волги и Камы, он вошел в русскую поэзию, словно лихо спрыгнул с разинского струга.

Василий Каменский рано осиротел, и его детство прошло в Перми, на берегу Камы, в семье родной тетки Александры Трущевой. Ее муж, Григорий Семенович, управлял крупным буксирным пароходством Любимова. О своем детстве и дальнейшей феерической жизни он рассказал в первой автобиографической книге «Его — Моя биография Великого Футуриста».

«Вася всегда знал, что он будет исключительным, необыкновенным, высоким орлом над долинами будней, — напишет он в своей книге. — Быть всеми, пройти все пути лучшей жизни, все пережить, всех понять, полюбить и стать навеки поэтом!».

Надо сказать, что этому девизу Каменский был верен всю жизнь. Амбиции будущего поэта возрастали стремительно. В конце 1906 года он приезжает в Петербург, чтобы продолжить образование. Он сдает экзамены за гимназический курс, поступает на Высшие сельскохозяйственные курсы, слушает лекции на естественном факультете Петербургского университета, полностью окунается в студенческую жизнь, посещает многочисленные диспуты, лекции, политические собрания. В молодежной среде он пользовался большим уважением, и студенты курсов избрали его старшиной. На одной из вечеринок В. Каменский был в своем репертуаре и сказал слова, необычные для будущего агронома:

«Черт возьми, вы пришли ко мне на именины и никто из вас не знает, что мне сегодня 23 года. Баста. Теперь я начинаю восходить. Взгляните на горизонт — там взошла сияющая звезда Василия Каменского».

Заметно расширился круг его друзей и знакомых не только среди студентов. Узнав, что известный журналист Николай Шебуев начинает издание литературного альманаха «Весна» и приглашает

---

¹ *Каменский В. Его — Моя биография Великого Футуриста. М.: Типография Т. М. Дортман, 1918. С. 152–153.*

сотрудников, В. Каменский отправляется к нему со своими стихами и становится ответственным секретарем редакции альманаха. Это был очень важный этап в творческой биографии поэта. Здесь по существу и начиналась его литературная деятельность.

«Как-то само собой вышло, что я с размаху очутился на квартире Федора Сологуба, потом у Александра Блока, у В. Э. Мейерхольда, у Ф. И. Шаляпина, у А. И. Куприна, Л. Андреева, у Боцяковского, — написал Василий Каменский в одной из автобиографий. — Познакомился со шлиссельбуржцем Н. А. Морозовым, С. А. Венгеровым, Л. М. Ковалевским. Задыхаясь от впечатлений, как живут и работают знаменитости, я не спал по ночам не столько от зависти, сколько от стыда своего ничтожества перед теми, кто положил глубокие героические силы творческого труда, чтобы добыть, заработать себе литературное имя»¹.

Вспомним это время, вошедшее в историю, как Серебряный век русской культуры. На поэтическом Олимпе блистали имена В. Брюсова, А. Блока, А. Белого, В. Иванова, Н. Гумилева, С. Есенина, А. Ахматовой.

Для Василия Каменского судьбоносным стало знакомство в редакции альманаха «Весна» с Велемиром Хлебниковым и встреча с художником и поэтом Давидом Бурлюком. Сотрудничество с ними вскоре переросло в многолетнюю дружбу, а, в конечном счете, определило творческую судьбу В. Каменского, привело его в стан будущников и художников-лучистов.

В эти же годы в Москве и Петербурге зарождались разные творческие объединения молодых поэтов, художников, музыкантов, выходцев из мелкобуржуазных слоев и разночинной интеллигенции, которые остро чувствовали необходимость социальных перемен в обществе. А некоторые из них, как, например, Владимир Маяковский и Василий Каменский, активно участвовали в революционных событиях в годы первой русской революции.

---

¹ РГАЛИ, ф. 1497, д. 168, лл. 8.8/1.

В 1909 году итальянский литератор Филиппо Томмазо Маринетти опубликовал во французской газете «Фигаро» свой знаменитый «Манифест футуризма»:

«1. Мы желаем воспевать любовь к опасности, привычку к энергии и безрассудству.

2. Основными элементами нашей поэзии будут: смелость, дерзость и бунт.

3. Тогда как до сих пор литература возвеличивала задумчивую неподвижность, экстаз и сон; мы желаем прославить агрессивное движение, лихорадочную бессонницу, гимнастический шаг, опасный прыжок, пощечину и затрецину...»¹

Другие пункты манифеста не оставляли пощады музеям, библиотекам, архитектуре, всей культуре древней Италии, провозглашали войну, как единственную гигиену мира. Воззвание Маринетти нашло поддержку не только в Италии, но и в других странах Европы, положило начало радикальной революции за обновление общества во всех сферах жизни.

Манифест был первым камнем в фундамент нового авангардного художественного течения, охватившего многие страны мира. Вести из Италии быстро проникли в Россию, вызвали заметный интерес в культурной среде. Идеи футуризма нашли отражение в манифестах, декларациях, а, главное, в творчестве литературных и художественных групп и объединений.

Молодые поэты литературного объединения «Гилея», эгофутуристы, художники Николай Кульбин и Михаил Ларионов, их коллеги по новым выставкам, участником которых был и Каменский, имели представление о зарождении в Италии нового авангардного движения в искусстве. Но всегда подчеркивали свою самобытность и первородство. А когда родоначальник футуризма Т. Маринетти в начале 1914 года приехал в Россию, чтобы прочитать лекции, встретиться

---

¹ Футуризм – радикальная революция. Италия – Россия. К 100-летию художественного движения / Науч. ред. Е. А. Бобринская; ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 2008. С. 31.

с русскими футуристами, многие из них ответили резким неприятием всего, что проповедовал итальянский гость. Особую непримиримость проявили «гилейцы» Велимир Хлебников и Бенедикт Лившиц. Во время первой лекции Маринетти в Петербурге они устроили гостю резкую обструкцию. Они выпустили направленную против него листовку-манифест, в которой прозвучали нелицеприятные слова:

«Сегодня иные туземцы и итальянский поселок на Неве из личных соображений припадают к ногам Маринетти, предавая первый шаг российского искусства по пути свободы и чести и склоняют благодородную выю Азии под ярмо Европы...

Чужеземец, помни страну, в которую ты пришел...»¹

Позднее Бенедикт Лившиц в докладе «Мы и Запад» скажет: «Вряд ли кто-нибудь в России сознает себя больше азиатом, чем люди искусства: для них — Россия — органическая часть Востока, и они это чувствуют всем своим существом»².

Под этим высказыванием вполне могла бы стоять и подпись Василия Каменского, если вспомнить всё, что он написал: стихи, поэмы «Стенька Разин», «Емельян Пугачев», «Иван Болотников», «Ермак Тимофеевич», роман в стихах «Медвежий ров». Во всех этих произведениях кричит, поет и танцует Азия. В каких еще западных творениях вы найдете такую бесшабашную удаль, звенящее слово и тот неповторимый, поистине нутряной говор мятежной Руси, так обогативший его арсенал выразительных средств? Неудивительно, что Василий Каменский выступил за обновление, деэстетизацию поэтического языка, за словотворчество, за визуализацию языка, в чем он был поистине первопроходцем. вполне понятно, что он оказался среди тех молодых литераторов, кто хотел сказать новое слово в искусстве, творить во имя будущего своей страны, которую они мечтали увидеть свободной от всех духовных и социальных пут.

¹ Футуризм — радикальная революция. Италия — Россия. К 100-летию художественного движения / Науч. ред. Е. А. Бобринская; ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 2008. С. 180.

² Там же. С. 183.

«В русской культуре футуризм стал, прежде всего, мифологией и идеологией созидания искусства будущего, преобразующего жизнь и самого человека, — писала Екатерина Бобринская¹.

Русские футуристы, получившие с легкой руки Велимира Хлебникова название «будетляне», призывали молодежь в наступившем веке аэропланов, машин, электричества изменить образ мыслей, всю свою жизнь и пытались создавать произведения в поэзии, живописи, музыке, отвечающие духу нового времени. Они выступали не в салонах и залах библиотек, а на городских улицах и площадях, на пристанях и пароходах — везде, где бурлила жизнь. И надо сказать, что Каменский преуспел в этом, как никто другой. Достаточно напомнить, что еще в юные годы он участвовал в революционных событиях на Урале в 1905 году, возглавлял в Нижнем Тагиле забастовочный комитет, состоял в партии социалистов-революционеров и полгода отсидел в одиночной камере Николаевской тюрьмы. Тем не менее, Каменский не был революционером в обычном значении этого слова. Он был бунтарем и в жизни, и в поэзии.

«Среди пестрого разнообразия поэтических группировок, ориентированных на футуризм, наиболее активной и значительной стала группа „Гилея“, образовавшаяся тогда же, в 1910 году. Одним из первых в ее состав вошел Василий Каменский. Тесное содружество с художниками-новаторами, ориентация на последние достижения западного искусства были отличительной чертой будетяна и положили начало кубофутуризму — уникальному движению, органично объединяющему литературу и живопись, — говорила в своем выступлении в Перми польский литературовед Анна Колачковска. — В исследованиях об авангарде, как зарубежных, так и русских, за гилейцами прочно закрепилась слава единомышленников, стоящих „на глыбе слова «мы»“. В историю русского авангарда они вошли, наравне с кубофутуристами — живописцами, прежде всего, как раз-

---

¹ Футуризм — радикальная революция. Италия — Россия. К 100-летию художественного движения /Науч. ред. Е. А. Бобринская; ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 2008. С. 144.

рушители старого мира, взрывающие все ограничения во имя абсолютной свободы, еретики и богоборцы, поэты, прославляющие технический прогресс и насилие. Духовный максимализм и вечная революционность нашли свое своеобразное отражение в мифологии будетлян. Одним из ее основных составляющих принято считать миф солнцелобчества. Образ сбитого солнца неотъемлемо связывается исследователями с пафосом бунта и разрушения. В частности он символизирует победу над эстетикой символизма, уничтожение природного мира, свержение общественного строя, Апокалипсис и возвращение к эпохе первоначального хаоса, и, наконец, убийство и смерть Бога»¹.

Всё это можно найти в поэзии, живописи и даже музыке Серебряного века. Но солнцелобчество, прославление войны, как и отрицание писателей-классиков, не входило в творческий арсенал поэта. Это отмечали и его друзья-будетляне, в их числе и Владимир Маяковский. Анна Колачковска считает Василия Каменского одной из самых ярких и самобытных фигур русского футуризма:

«Мировоззренческий корпус поэта почти полностью расходится с приведенными здесь общими характеристиками футуризма. В противовес другим будетлянам мысль Каменского направлена не на разрушение, а на утверждение жизни. В этом и раскрывается значение поставленной в эпиграф работы метафоры Гуро (А еще был фонарь в переулке /Нежданно ясный, /Неуместно чистый /как Рождественская звезда). Фигуру Каменского можно считать тем «неуместно-чистым и ясным фонарем» в движении гилейцев, который ломает сложившееся представление о группе и, возможно, по-новому освещает проблему солнцелобческого мифа в эстетике русского футуризма»².

¹ Колачковска А. «Чурлю—журль» — поэтика солнечного языка Василия Каменского и лучистские композиции Михаила Ларионова (к вопросу о мотиве солнцелобчества в мифологии русского авангарда) //Материалы научно-практической конференции «В. В. Каменский в культурном пространстве XX века». Пермь, 2006. С. 14—15.

² Там же. С. 16.

Примечательно, что еще ранее к творчеству Каменского обращались многие писатели, критики, исследователи. Оценку его творчеству в свое время давали его друзья и соратники Владимир Маяковский, Рюрик Ивнев, Николай Евреинов, Борис Корнеев¹.

В более поздний, советский период нашего государства жизнь и творчество Василия Каменского привлекли внимание видного общественного и государственного деятеля Анатолия Луначарского, поэтов Николая Асеева, Бориса Слуцкого, писателя Варлама Шаламова, критика Николая Степанова, первого биографа поэта журналиста Савватия Гинца и его коллеги Александра Никитина, пермского литературоведа, заведующего кафедрой журналистики ПГНИУ Владимира Абашева.

В 1933 году, когда в Москве, Перми и других городах советской страны широко отмечалось 25-летие творческой деятельности Василия Каменского, в газетах и журналах появились аналитические статьи, оценивающие вклад поэта в национальную культуру.

«Корень всей поэзии Каменского — крестьянский корень,— писал критик Осип Бескин. — Это чрезвычайно очевидно вскрывается при анализе двух абсолютно характерных для его творчества черт: постоянной приверженности к крестьянской тематике, в большей или в меньшей степени пронизывающей все периоды его творчества, в его пантеизме, ласковом отношении к природе во всех ее проявлениях, в его лисовничестве, в жадном впитывании в себя облика и запаха всего живого (и в стихах и в прозе). Но это крестьянин-отходник, бурлак, мастеровой»².

В другом ключе говорил о своем старшем собрате по искусству Николай Асеев:

«Василий Васильевич Каменский — поэт исключительного темперамента, эмоциональности, многокрасочности языковых средств.

---

¹ Об этом можно прочитать в книге автора этих строк «Неизвестный Каменский. По страницам дневников и писем поэта» (Пермь, 2011).

² *Бескин Ос.* Критически-дружески, а не «юбилейно» о поэтическом творчестве В. В. Каменского // Литературная газета. 1993. № 15 (243), 29 марта.

Но главное его отличие не в этом. **Главное в нем то, что он — не кабинетный слагатель** (Выделено автором. — И. Ё.) стихов на радость уединенным любителям поэтических лакомств, а **поэт широко раскинувшийся массовых аудиторий**, поэт, которого нельзя представить вне этих массовых аудиторий, только в них и проявляющий все качества и оттенки своего дарования.

Сила его импровизации, умение вызвать подъем, бодрость, интерес в аудитории, умение протянуть тысячи нитей от себя до слушающих делают его **народным** без всякой необходимости официального присвоения ему этого титула. Вне чтения на народе, вне самозажженности поэта и аудитории стихи Каменского зачастую теряют половину своей убедительности, своего блеска именно потому, что они созданы **для звучания и для жизни**, а не для архивной пыли веков...

Неповторимость и неподражаемость его — именно в густоте и силе этой цветистости, в живых интонациях, неожиданности склада, оттенков народной речи, нестилизованной и неомертвленной, а каждый раз рождающейся заново в его стихе. Этой расплавленностью **живой речи** отмечены его ритмы, расцвечены его метафоры, все средства его поэтической выразительности, которой он обладает в особой и полной мере и которая свойственна лишь природе массовой поэтической культуры¹.

Мастерство поэта-оратора отмечали все, кто слушал Каменского. И сегодня можно услышать голос поэта в отдельных аудиозаписях, в телевизионном фильме Пермской студии телевидения. В архивах Центрального радио хранятся циклы радиопередач, которые, надеюсь, еще услышат российские слушатели. Известно, что Василий Каменский не читал, а пел свои стихи, называя их песнями, а себя песнебойцем. Эту особенность поэзии Каменского отмечал и Анатолий Луначарский:

«Поэты часто говорят о своих „песнях”. Но иногда это бывает совсем облыжно, ибо их мнимых песен не только они сами не поют, но и никто петь не может. Стихи же Каменского — подлинные песни, им даже

¹ Асеев Н. Поэт живой речи // Вечерняя Москва. 1933. 24 марта.

не очень нужно, чтобы кто-нибудь написал для них аккомпанемент или определил их мелодию. Сам поэт произносит их почти как композитор»¹.

Называя свои стихи песнями, поэт ничуть не умалял значение стихов, а действительно пел их на особый музыкальный лад. Как признавался он в своем дневнике, этому надо научиться. Каменский прекрасно понимал, что поэтическое слово должно исполняться, звучать, декламироваться, петься. Это было неповторимое и неподражаемое качество его поэзии, что некоторыми исследователями ставится ему в упрек. А вот названия его некоторых поэтических сборников: «Девушки босиком», «Звучаль веснеянки», «Цувамма», «Сарынь на кичку». Разве не слышна здесь мелодия слов?

Далее в своей статье Анатолий Луначарский подчеркнул гражданскую позицию поэта:

«При всяком взмахе революции — и в 1905 и в 1917 году — Каменский был с ней. Он был из тех, которые сразу перешли на сторону Октября и сразу поступили к нему на службу.

Ленину нравилась поэзия Василия Каменского, и при встрече на одном из митингов он поздоровался с поэтом:

— Здравствуйте, середнячок! (Ленин имел ввиду, что Каменский — представитель крестьян-середняков. — *И. Ё.*)

Сказал и прошел мимо...

Весь вечер Каменский был не в духе. Но ему повезло. После митинга, в гардеробе, он опять увидел вождя и бросился к нему:

— Владимир Ильич, как же это вы? За что же это вы? Что же я за середняк? Разве я застрял между меньшевиками и большевиками? Или вы думаете, что я болтаюсь между революционерами и обывателями? Я человек твердых убеждений, я советский человек, я — бунтарь, я подлинный левый. Мне хочется, чтобы вы никогда не сомневались в этом»².

¹² Луначарский А. Каменский В.В. К 25-летию литературной деятельности //Известия. 1933. 26 марта.

¹³ Там же.

Да, Василий Каменский был и подлинным левым, и советским человеком, и не готовил себя в эмигранты. Он с огромным интересом наблюдал разительные перемены, которые происходили не только в столицах, но и в уральской глубинке, где он жил и работал, по мере сил участвуя в переустройстве сельской жизни. Всё это нашло отражение в новых стихах, в сборнике рассказов «Лето на Каменке», новых пьесах.

Для полной ясности скажем, что уезжать из страны, бежать от большевиков Каменский не собирался. Он оставался со своей страной, переболел всем, чем болела страна и, уже безнадежно больной, умирал с улыбкой на устах.

Но при этом Каменский оставался бунтарем, был верен футуристическому братству и уже через год после прихода к власти большевиков, в 1918 году, вместе с Давидом Бурлюком и Владимиром Маяковским подписывает «Манифест Летучей Федерации Футуристов»:

«... Мы пролетарии искусств — зовем пролетариев фабрик и земель к третьей бескровной, но жестокой революции, революции духа.

Требуем признать:

I. Отделение искусства от государства.

Уничтожение покровительства привилегий и контроля в области искусства. Долой дипломы, звания, официальные посты и чины.

II. Передачу всех материальных средств искусства: театров, капелл, выставочных помещений и зданий академии и художественных школ — в руки самих мастеров искусства для равноправного пользования ими всего народа искусства.

III. Всеобщее художественное образование, ибо мы верим, что основы грядущего свободного искусства могут выйти только из недр демократической России, до сего времени лишь алкавшей хлеба искусства.

IV. Немедленная, наряду с продовольственными, реквизиция всех под спудом лежащих эстетических запасов для справедливого и равноправного пользования всей России.

Да здравствует третья Революция, Революция Духа!»¹

Этому документу почти 100 лет, но и сегодня требования бюджета звучат весьма актуально. Революция Духа еще впереди!

Как известно, литературные и художественные группы и объединения русских футуристов начали распадаться с середины 10-х годов прошлого века. Подводя краткий итог тому, что было сделано ими за несколько предыдущих лет, Владимир Маяковский писал:

«... Сегодня все футуристы. Народ футурист.

Футуризм мертвой хваткой ВЗЯЛ Россию.

Не видя футуризма перед собой и не умея заглянуть в себя, вы закричали о смерти. Да! Футуризм умер как особенная группа, но во всех вас он разлит наводнением»². (Выделено автором. — И. Ё.)

Смелый, один из самых радикальных документов, принятых русскими футуристами «Манифест Летучей федерации футуристов» показал, что футуризм в России жив, что он пустил глубокие корни. Но пришел другое время.

Появление «Декларации...» имело резонанс. Она по-разному была встречена в культурной среде: Революция Духа в новой России нравилась далеко не всем. Авторы получали отпор и справа, и слева, что в последующем самым печальным образом отражалось и на их литературной работе. Давид Бурлюк практически сразу уехал в эмиграцию и не смог вернуться на Родину. А Маяковский и Каменский продолжали работать, не отказываясь от своих художественных принципов, что обострялось их противостоянием различным литературным группам.

В 1922 году Каменский печатает в журнале «ЛЕФ» стихотворение «Жонглер». Это стихотворение, наверное, очень отвечало его давнему девизу: «Поэзия — праздник бракосочетания слов». Автора

¹ Манифест Летучей Федерации Футуристов // Газета футуристов. — М.: Тип. «А. Гатцука», 1918. — № 1. — 15 марта.

² *Маяковский В.* Капля дегтя. «Речь, которая будет произнесена при первом удобном случае» / В кн.: Русский футуризм. Стихи, статьи, воспоминания. С.-Пб.: Полиграф, 2009. С. 101.

«Жонглера» раскритиковали, после чего Василий Каменский перестал сотрудничать в «ЛЕФе». Много позже Николай Степанов, автор вступительной статьи и составитель сборника «Василий Каменский. Стихотворения и поэмы», охарактеризовал стихотворение «Жонглер», как дань «зауми»¹.

Однако с такой оценкой трудно согласиться. Мне ближе другая точка зрения, высказанная писателем Варламом Шаламовым:

«„Жонглер” — был стихотворением принципиальным, потому что в нем было дано практическое решение возможности создания стихотворения с помощью одного ритма без слов. Без слов с помощью одной только интонации впервые в русской лирике создаются бесспорные стихи. Интонация есть, а слов нет — вот что такое „Жонглер”. Многолетние попытки Алексея Крученых взорвать русское стихосложение с помощью всевозможных „Дыр булл шил” (Так в оригинале. — И. Ё.) не имели успеха. А „Жонглер” имел успех колоссальный... „Жонглер” пользовался успехом и потому, что Каменский был исключительно хороший чтец. Асеев покривил душой, когда сказал, что у Каменского слишком много держалось на чтении. „Жонглер” был очень большой находкой, принципиальной удачей целого ряда экспериментаторов левого фланга, завершением целого ряда споров о сути «божественного ремесла»...

Каменскому обеспечено место в истории русской поэзии и русской лирики, где он занимает наряду с Маяковским самое первое место»².

Приход советской власти в России Каменский и его соратники воспринимали, как победу всех демократических сил страны. Они много сделали, чтобы разрушить старый мир, и очень надеялись, что их авангардное искусство (поэзия, живопись, музыка) будут востребованы новой властью. Им казалось, что мечты их сбываются.

¹ Степанов Н. Василий Каменский //Сб. «Василий Каменский. Стихотворения и поэмы». М.—Л.: Советский писатель, 1966. С. 41.

² Шаламов В. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5: Эссе и заметки. Записные книжки 1954–1979. М., 2005. С. 211–223.

Василия Каменского избирают первым председателем Российского союза поэтов, депутатом Моссовета. Он разъезжает по многим городам страны, выступает со стихами, лекциями в массовых аудиториях, встречается с режиссерами и артистами во многих театрах, где ставили его знаменитую пьесу «Стенька Разин».

В 1919 году он становится культработником Военной инспекции Красной Армии и выезжает на Южный фронт. Здесь он был захвачен белыми и, как «страшный большевик», засажен в белогвардейскую тюрьму. Его вызволили красноармейцы.

Вернувшись в Москву, он по заданию Военной инспекции привлекает своего земляка и родственника, замечательного художника П. Субботина-Пермяка для оформления Москвы к первой годовщине Красной Армии. Сам Каменский не имел профессионального художественного образования, но как художник-любитель он рисовал всю жизнь. По приглашению художников-авангардистов он экспонировался на выставках «Импрессионисты», «Бубновый туз». А на выставке группы Михаила Ларионова, получившей название «№ 4. Футуристы, лучисты, примитив», Василий Каменский представил 11 (!) «железобетонных» поэм (июнь 1914 г.). Но впервые его «железобетонные» поэмы появились в марте того же года в издании «Футуристы. Первый журнал русских футуристов». Здесь руку приложил вездесущий Давид Бурлюк, Отец Русского Футуризма, имевший уникальное чутье на талантливых людей. Через многие годы, будучи в эмиграции, он вспомнит в автобиографических записках:

«Мной были изданы: „Садок судей“, „Дохлая луна“ — первый и второй томы (так!) и многие другие книги. Я был первым издателем Васи Каменского, Вел. Хлебникова, Владимира Маяковского, Бенедикта Лившица, что всегда является моей гордостью „до слез“!»¹

Не зря Каменский называл Давида Бурлюка «фельдмаршалом русского футуризма», а Владимир Маяковский — «прекрасным Бурлюком».

---

¹ Бурлюк Д. Лестница лет моих. Автобиографический конспект Отца Российского Футуризма Давида Бурлюка. М.: Арт-студия «Статус Дизайн», 2009. С. 17.

Следует заметить, что первым из литераторов, который увидел стихи Велимира Хлебникова и напечатал их в альманахе «Весна», был Василий Каменский. Позже Маяковский и другие будетляне назовут его своим учителем в поэзии и королем поэтов. Только за это Каменскому давно надо поставить памятник в родном Пермском крае на самом высоком берегу Камы.

Каменский представлял «Железобетонные поэмы», как графически-словесное творчество — «Первая миру книга поэзии». И здесь же впервые сформулировал свое творческое кредо: «Поэзия — праздник бракосочетания слов». Новые произведения вызвали град критики в прессе, но оставили заметный след и в творчестве автора, и во всей литературе авангардного направления.

«Пальма первенства в истории русской печатной футуристической книги по праву принадлежит знаменитой пятиугольной книжке Василия Каменского „Танго с коровами“, — писал Владимир Поляков. — Помещенные в ней „железобетонные“ поэмы представили собой качественно новую форму поэтического творчества. Совершенно необычным оказалось уже само их название. Пытаясь разгадать его, С. Комптон остроумно подметила связь между структурой материала, название которого использовано поэтом, и «ячейстой» формой его пятиугольных поэм. Однако известно, что сам Каменский называл „железобетонными“ все поэмы, включенные в сборник, в том числе и те, которые не имели „ячейстой“ структуры. Поэтому более точным кажется предположение Ю. А. Молока о том, что Каменский использовал этот термин „по принципу «чужого»“ слова, как антипод лирического, романтического словаря поэзии»¹.

Осталось поразмышлять, какое место занимали они в арсенале языковых средств Василия Каменского, какую сверхзадачу ставил и решал сам поэт.

Анатолий Стригалева называет поэта провозгласителем «„Еди-

---

¹ Футуризм — радикальная революция. Италия — Россия. К 100-летию художественного движения / Науч. ред. Е. А. Бобринская; ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 2008. С.194.

ного Искусства Синтеза”, считавшим, что у поэзии, живописи музыки путь один¹.

Другой критик, Михаил Поляков отмечал другую сторону творческого опыта создания «железобетонных» поэм:

«Этот блестящий эксперимент имел принципиальное значение в формировании поэтики русских футуристов»².

В наши дни Пермский краеведческий музей предоставил возможность современному читателю познакомиться с творчеством В. Каменского и его «железобетонными» поэмами, издав превосходный иллюстрированный «Ежедневник поэта». А самые дотошные читатели могут принять участие в «чтении» поэм в Доме-музее поэта в селе Троица. Такие традиционные праздники проводятся здесь ежегодно, привлекая большое число туристов не только из Пермского края, но и других регионов России.

Каждая его «железобетонная» поэма — настоящий ребус, загадка, требующая от читателя большой фантазии и воображения, чтобы понять, осмыслить, включая оба полушария мозга. Но поэт не остановился на первых опытах, а продолжал создавать свои поэмы. Они удивляли его друзей, веселили публику, вызывая отторжение у большинства критиков. Ох, уж как они донимали Каменского и его друзей-будетлян. Он язвительно называл их «крытиками». Наконец, его прорвало, и он обратился с открытым письмом «О гонении на молодость. К С. Яблоновскому, В. Дорошевичу, А. Измайлову и другим старым литераторам»:

«Всей своей раскаленной молодостью, во весь без берегов океанский размах своей души, от глубин огня сердца своего — я спрашиваю Вас, старых литераторов, спрашиваю, как поэт, просто, ясно, сердечно, по-товарищески, как уразуметь, как объяснить, как оправдать

¹ *Стригалева А.* Картины, «стихокартины» и «железобетонные поэмы» Василия Каменского // Вопросы искусствознания. М., 1995. № 1–2. С. 509.

² *Поляков М.* Василий Каменский и русский футуризм // Каменский В. В. Сочинения: Репринтное воспроизведение изданий 1914, 1916, 1918 гг. с приложением. М., 1990. С. 579.

Ваше злое отрицательное отношение к нам — молодым, ярким, ищущим, мятущимся, вольным.

Как понять Ваше презрение к молодости?

Ведь все, что творилось в жизни великого — творилось молодостью.

Ведь все, что расцветало — расцветало весной...

И вот я предлагаю Вам — тем, кто больше всех ругали нас — футуристов, за вольное творчество — не только перестать ругать нас, а определенно, решительно отнестись к нам с доверием и глубоким уважением, как — к достойным, истинным поэтам — пророкам отечества своего...»¹.

Мне трудно сказать, вразумил ли он своим эмоциональным обращением старых литературных мастеров, но творческая, поистине новаторская работа в эти годы проходила особенно бурно.

В 1914 году весть о начале войны с Германией застает его на Урале, в его любимом «гнезде» — Каменке. Он видит, как уральская деревня провожает мужиков на фронт. Из столиц приходят вести, что на военную службу мобилизованы Владимир Маяковский, Бенедикт Лифшиц и другие будетляне. А Каменский принимается осуществлять свою заветную мечту, писать роман о своем любимом герое Стеньке Разине.

Атаман понизовой вольницы жил в его сердце с детских лет. Его стихотворение «Сарынь на кичку!» родилось в самом начале 10-х годов XX века и быстро стало очень популярным. И сам поэт, и его друзья читали стихотворение едва ли не на каждой встрече с жителями многих городов России. И теперь, в суровую годину войны, когда все общество социально расслоилось, когда коррупция и казнокрадство захлестнули страну, а царское самодержавие утратило ореол непогрешимости, поэт решил, что пора снова вспомнить о Разине.

Несмотря на патриотический угар, захлестнувший журналы и газеты, Василий Каменский и его друзья чувствовали и даже предсказывали начало социальных потрясений в обществе. Все говорило

---

¹ Каменский В. О гонении на молодость // Журнал журналов. 1915. № 2. С. 17.

о том, что царизм в России был обречен. И это, а также поддержка Давида Бурлюка и Велимира Хлебникова воодушевляли Каменского в его работе над книгой. К концу 1915 года роман «Стенька Разин» был почти готов. Открывался он кратким, но выразительным посвящением «Великому народу русскому — его матерый сын». Предисловие автора заканчивалось словами:

«Я чую, я верю, я жду — скоро грянет победный час — и совершится великое чудо: богатырский Русский Народ, пасхальнозвонными, семицветными радугами раскинет свои вольные дни по Русской Земле и сотворит жизнь, полную невиданно неслыханных чудес.

Я жду и готовлюсь»¹.

Книга была издана в Москве и быстро разошлась. А когда автор решил повторить издание, цензура запретила. В журналах и газетах появились первые отклики на книгу. Отдельные критики потребовали для автора участия атамана Разина.

Но Каменский чувствует себя уверенно, образно говоря, он ловит ветер и слышит время, и работает с утроенной энергией. Одна за другой выходят его новые книги — сборники стихов «Девушки босиком», «Звучаль веснеянки» и, наконец, первая автобиографическая книга «Его — Моя биография Великого Футуриста». Можно сказать, что это была пора высшего духовного подъема поэта, вызванного революционными событиями и социальными переменами в жизни российского государства.

Что же хотел сказать своим читателям автор второй своей прозаической книги? Как увидим, он не отказался от привычной роли глашатая толпы, пытаясь достучаться до каждого человека: друзей — писателей, юношей и девушек, видимых чудаков и невидимых читателей:

«Гениальность этой книги не только в ее сущности и неожиданности, а в том, что книгой — биографией я хочу спасти временно книгу, как официальную форму творческого сообщения с Вами, хоч

---

¹ Василий Каменский: Сб. стихотворений и прозы. М.: Книга, 1990. С. 6.

показать Живой Смысл напечатанного Слова, хочу убедить Вас по иному взглянуть на книгу и даже не взглянуть, а остро пронзиться счастливыми лучами восходящего Чуда: Книга перестала быть мертвой, Книга встрепенулась, засветилась. Книга поет, зовет, волнуется. Книга шелестит крыльями своих страниц, образуя вихрь мыслей, слов, идей, возможностей»¹.

Как отмечал Варлам Шаламов в статье о Василии Каменском, книга имела сенсационный успех. Тем не менее, она ни разу не переиздавалась в течение почти столетия. И мне лишь остается, дорогой мой современник, читатель XXI века, попросить тебя взять в руки эту книгу и почувствовать ее живой пульс.

В 1931 году Каменский издаст вторую автобиографическую книгу — «Путь энтузиаста», — которая завершалась строками:

«С приходом Октября роль футуризма как литературного течения кончилась — это было ясно. Отныне всё переиначилось. Паровоз ленинского напора неотступно двигался к намеченной цели.

Все мы — вкопанные шпалы,
Держим рельсы на груди.

Да здравствует новая жизнь!
На этом кончаю первую часть труда.
Путь энтузиаста продолжается»².

Интересно, что хронологически события и в первой, и во второй книге охватывают практически один и тот же период. За исключением последних трех глав в «Пути энтузиаста», где он рассказывает о своей работе после прихода к власти большевиков. Тогда В. Каменскому, как и его друзьям по левому фронту искусств, казалось, что праздник пришел на их улицу, что теперь им дано право осуществлять диктатуру

¹ *Каменский В.* Его — Моя биография Великого Футуриста». М.: Типография Т. М. Дортман, 1918. С. 9.

² *Каменский В.* Путь энтузиаста. Пермь: Пушка, 2011. С. 231.

в области культурного строительства. Но претендентов на лидерство оказалось так много, что новая власть сама взялась наводить порядок и в культуре. И для будетлян началась нешуточная борьба за место под солнцем. Не поэтому ли не состоялась обещанная вторая часть труда? Но была написана и вышла в свет в 1940 году книга В. Каменского «Жизнь с Маяковским». И здесь рассказ о своем друге и соратнике Владимире Маяковском автор буквально обрывает 1918 годом. Словно какое-то непреодолимое табу не давало ему продолжить повествование об их совместной работе в 20-е годы. Он многое мог бы рассказать о своем лучшем друге. Но этот рассказ был бы слишком грустным.

Рукопись книги «Жизнь с Маяковским» прочитали многие поэты, критики, редакторы. По существу это была цензура, после которой автору пришлось сделать существенные сокращения. А если бы Каменский попытался разворошить литературный «муравейник», который существовал в обеих столицах в приснопамятные 20-е годы, книга могла и не увидеть свет. В авторской редакции книга была издана только в 2014 году в Перми.

Но вернемся к первой автобиографической книге поэта, когда автора не стесняли рогатки цензуры, и он мог выразить всё, что пожелала его душа.

«Возможно, что это один из наиболее характерных образцов футуристической прозы, — отмечал критик Михаил Поляков. — В повествовании переплетаются документы, теоретические рассуждения, лирические пейзажи, подлинные биографические данные и прихотливая их авторская интерпретация»¹.

Василий Каменский пишет, что в его душе самое дорогое, чистое, сокровенное было связано с пристанью на Каме, с Камнем, как называли в старину Урал, с Каменкой, с родной Пермью, где и сегодня трудно найти на прилавках книжных магазинов его стихи или прозу, если даже хорошо поискать. А ведь мы, пермяки, в большом долгу

---

¹ Поляков М. Василий Каменский и русский футуризм // Каменский В. В. Сочинения: Репринтное воспроизведение изданий 1914, 1916, 1918 гг. с приложением. М., 1990. С. 588.

перед его светлой памятью. Размер этого предисловия не позволяет мне рассказать о его наиболее романтическом увлечении авиацией.

Когда вы придете в Пермский авиационный музей, его директор Галина Олеговна Смагина, наша отважная летчица и рекордсменка мира, освоившая вождение восьми типов воздушных кораблей, расскажет вам, кем был для нее и ее братьев по небу Василий Каменский. Да, он не из первых русских летчиков. Но он был первым, кто полетел в небо за своими песнями, кто окрылил пермяков и Пермь, которая стала мощным промышленным центром отечественной авиации и космонавтики. Каменский никогда не отрывался от уральской земли, хотя объездил всю Россию и европейские города. Он здесь черпал и свое поэтическое вдохновение, и уральский говор, и мелодии речных и лесных просторов, которые звучали в его стихах и прозе. Непостижимо, как этот поэт, прозаик и художник во всех значениях этого многоликого слова до сих пор остается на задворках культурной Перми. Здесь можно привести много объяснений, но оправдания этому нет.

Одно из объяснений состоит в том, что в период становления советской власти на ее призыв к мастерам культуры к сотрудничеству откликнулись немногие. Большая часть известных поэтов, писателей, художников и музыкантов оказались в эмиграции. А идеологам «литературы факта» и сонму пролетарских писателей авангардное искусство было не ко двору и даже очень мешало.

После отъезда из России Давида Бурлюка, ухода из жизни Велимира Хлебникова, Владимира Маяковского, Василий Каменский оставался одним из «последних могикан», популярным поэтом и драматургом, всегда имевшим широкую читательскую аудиторию, сохранившим свои творческие позиции будетлянина. В. Каменский был патриотом уральской земли, всей Страны Советов, радовался успехам и переменам, которые происходили в городе и на селе, посвящал этому свои новые произведения. Одним словом, поэт продолжал бурлить, творить и оставаться «непромокаемым энтузиастом».

Когда исполнилось 25 лет его творческой деятельности, был создан Общественный оргкомитет под председательством Анатолия Луначарского для чествования юбиляра. Оно проходило в Москве в Большом зале консерватории. Собрался весь цвет московской интеллигенции.

На сцену поднялся знаменитый тенор Иван Козловский и, обращаясь к Каменскому, коленопреклоненно спел «Сейте разумное...» и вручил юбиляру четверть вина с надписью «Из нотной библиотеки И. С. Козловского»...

Накануне праздника юбиляр написал письмо заместителю председателя юбилейного комитета, народному артисту республики Леониду Собинову, в котором есть такие строки:

«Мне лично юбилей нужен для того, чтобы на лобном месте общественного внимания заявить во всеулышание, что я жив-здоров (назло врагам!) до такой творческой степени напряженья, что еще только собираюсь, вооруженный мастерством поэта, дать (хоть сейчас) монументальные вещи, которые лежат ненапечатанными, хотя и читаются в рабочих клубах мастерами чтения и передаются по радио, как произведенья актуального значенья.

Я рвусь быть услышанным до конца, но мне не дают слова... Судите сами: за мои 15 лет работы **Госиздат не издал ни единой моей книги** (Выделено автором. — *И. Ё.*), оставив меня в тайге обещаний... И это не „непризнание“, а простое безобразия, за которое никто не отвечает. А я говорю Вам об этом лишь для того, чтобы Вы знали, как нестерпимо труден был весь мой двадцатипятилетний путь мастера-новатора, путь борца за новое искусство»¹.

Не случайно, что именно в те дни со страниц «Известий» Анатолий Луначарский задает тревожный вопрос:

«Каменского любят, его слушают, читают... Но достаточно ли он оценен? Достаточно ли понято, какого веселого, талантливого, яркого, громозвучного друга-певца имеет в нем наша страна, какого

²⁷ Ёжигов И. Из «архивов бытия» // Вечерняя Пермь. 1984. 10 апр.

даровитого, бодрого, вдаль зовущего песельника перед рядами нашей общетрудовой армии имеет она в этом своем сыне?»¹.

Только сегодня мы можем понять и оценить то беспокойство, которое прозвучало у автора статьи. Каменскому и следующую четверть века, до конца жизни придется пробиваться «сквозь тернии к звездам», не зная передышки, перенося неимоверные моральные и физические страдания.

Уже через год после юбилея, который широко отмечался и в Перми, в конце августа 1934 года в Москве проходил первый съезд советских писателей.

Пермский писатель и краевед Владимир Гладышев, многие годы исследующий жизнь и творчество поэта, рассказал о том, почему в списке делегатов не было Василия Каменского:

«В тот период, в преддверии первого съезда Союза советских писателей, на Урал приехала бригада московских литераторов, возглавляемая тов. Ермиловым, критиком, представлявшим оргкомитет по подготовке к съезду. Одновременно проходили выборы делегатов. Сначала в Свердловске, а затем в Перми. Ермилов выступил с докладом перед участниками писательских конференций, после чего резолюция появилась на странице газеты „Звезда“. И нигде: ни на конференции, ни в газете — имя Каменского не упоминалось. Не было его и в списках делегатов.

Глубоко задетый за живое, поэт отреагировал на ермиловский демарш письмом на имя Николая Бухарина»².

«Дорогой Николай Иванович, я ничуть не сомневаюсь в том, что ваше будущее слово о сов. литературе на съезде писателей будет великолепным словом исторического события, как не сомневаюсь и в том, что обо мне, как писателя, вероятно, ничего сказано не будет...

<...> По просьбе т. Ермилова в пермской газ. „Звезда“ была напе-

¹ *Луначарский А.* Каменский В. В. К 25-летию литературной деятельности //Известия. 1933. 26 марта.

² *Гладышев В.* Меня «замолчали» насмерть... //Российская газета. 2002. 6 сент.

чатана большая резолюция по докладу Ермилова, где говорится, что на Урале до окт. революции (Подчёркнуто автором. — И. Ё.) знали только двух писателей — Мамина-Сибиряка и Решетникова, а что-де после революции через 10 лет этих писателей стало 20.

И все фамилии их перечислены, но „герострат” Ермилов мое имя сжег до конца „замолчал” меня на-смерть и свернулся в Москву.

<...> Понятно, что особенно горячо реагировала Пермь, ибо Пермь еще за 10 лет до окт. революции знала и любила меня, как поэта, как первого летчика-авиатора (1910-й год), как автора поэмы „Степан Разин” (1912-й год), как лектора по революц. литературе.

Ко мне в дер. Троица, где я живу (это около Перми), на днях прибыла делегация молодых литераторов, выразить свое возмущение по поводу ермиловского выступления, как „представления” совершенно дикого поступка по отношению ко мне...»¹.

Попытка В. Ермилова «замолчать» Василия Каменского, на мой взгляд, и была первой волной репрессий в отношении поэта: один из предводителей РАППа² не мог не знать Каменского. Просто он не хотел знать футуриста Каменского, друга Маяковского, Мейерхольда. Это выглядело явным сведением счетов.

В годы репрессий участились нападки на Каменского и в самой Троице, где в 30-е годы он был кумиром сельского населения. В его честь были названы местный колхоз, школа, клуб. По Каме и Волге ходил пароход «Василий Каменский». А вот когда на одном из собраний Троицкой парторганизации Каменского, который не был членом партии, а только сочувствующим, обвинили в связи с троцкистами, отношение к нему резко изменилось. Вызывали поэта и в местное отделение народного комиссариата внутренних дел, видимо, хорошо проработали. Вернулся он оттуда очень молчаливым.

Сейчас трудно сказать, что спасло поэта от дальнейшего преследования: награждение в числе других писателей орденом «Знак

¹ РГАСПИ, ф. 329 (Н. И. Бух-н), оп. 2, д. 25.

² Российская ассоциация пролетарских писателей.

Почета» (1939), заступничество «сверху» или коварная болезнь ног, которая привела к их ампутации. В эти годы он реже выезжал из Троицы, меньше выступал, меньше принимал гостей. Спасала только работа.

В годы Великой Отечественной войны Василий Каменский написал поэму «Партизаны», либретто оперы Мариана Коваля «Емельян Пугачев», драматическую поэму и на ее основе либретто новой оперы «Ермак Тимофеевич». Венцом этой духовной, поистине героической работы на пределе физических сил стало награждение поэта в 1944 году (год его 60-летия!) орденом Трудового Красного Знамени.

В переписке со своими друзьями и близкими поэт сам рассказал, как он работал в последние годы, чего ему стоила каждая новая строка. Письма, дневники поэта опубликованы в Перми и доступны даже рядовому читателю. И вот после этого его земляк, писатель нового поколения Алексей Иванов ничтоже сумняшеся вынес ему приговор:

«Каменский — миф Перми... А реальный Каменский десятилетиями гнил заживо в своей Троице, когда остался без энергетической подпитки и увидел себя трезво: без таланта, без шумных друзей, без свободы, без семьи. Он уже давно не барахтался в полынье, а безвозвратно утонул»¹.

Такие измышления не имеют ничего общего с истиной, но вредны тем, что гасят интерес к творчеству и личности поэта.

А творчество, жизнь и судьба Василия Каменского по-прежнему привлекают пристальное внимание собратьев по перу, литературоведов и просто читателей. Оценка его творчества весьма неоднозначна. В 2000 году в Перми вышла в свет книга литературоведа, профессора Пермского государственного научно-исследовательского университета Владимира Абашева «Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века». В этом интересном исследовании есть глава «Василий Каменский. Пермский текст и проблема авторской идентичности». Подчеркивая роль Каменского, как культурного героя пермского текста, автор пишет:

---

¹ *Иванов А.* Гладиаторы быта //Новый компаньон. 2005. 9 июля.

«Литературная репутация Каменского зиждилась отнюдь не на литературном качестве созданных им произведений. Как литератор он был всего лишь одаренным дилетантом, что совсем не исключало отдельных художественных удач, о которых мы говорили.

<...> Во всяком случае, очевидно, что Каменский не „поэт” в том смысле, в каком „поэтами” мы называем Маяковского, Хлебникова, Северянина или даже Крученых, и поэтому бесперспективно искать генеративные структуры его воображения в собственных стихах. Его стихи глубоко вторичны в том смысле, что они лишь производны от автобиографического дискурса, образующего главное речевое тело творчества Каменского, в котором и реализуется центр его творческой активности. Стихи ему подчинены. Это спонтанные записи на полях его автобиографической прозы. Именно автобиографическая проза образует подлинный центр литературного наследия¹.

С этим выводом трудно согласиться. Да, автобиографические книги Каменского заслуживают внимания не только литературоведов, но и широкого читателя. Его книги «Его — Моя биография Великого Футуриста», «Путь энтузиаста», «Жизнь с Маяковским» — увлекательное чтение. Но и поэзия Василия Каменского, на наш взгляд, — самобытная, неповторимая страница русской культуры первых десятилетий прошлого века. Достаточно взять в руки любой сборник его стихотворений и поэм и прочитать хотя бы эти чеканные строки:

Черная чертова ночь
Багровеет окровавленным заревом.
Дымно. Ой, горячо!
Ой!
Ишь, во всю силушку-мочь
Жарит жарное жариво
сам Пугачёв...

---

¹ *Абашев В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. С. 151, 156.

Неужели это просто запись на полях автобиографической книги? И разве справедливо отказывать поэту в богоданном даре, который признавали в нем Николай Гумилев, Владимир Маяковский, Борис Слуцкий, Сергей Васильев и другие?

Главу о Каменском Владимир Абашев заканчивает словами:

«Каменский первым программно сделал пермский текст основой персональной автоидентичности, ощутив свою личную связь с Камой, Камнем, как онтологию собственной жизни... Непреходящая заслуга Каменского в локальном контексте состоит в том, что вслед за Уралом он ввел в топику русской культуры Каму и Пермь как самостоятельные поэтические реальности.

Другой важнейший аспект отношений Каменского с его локусом рождения состоял в том, что он первый сопоставил свою жизнь с Пермью как личностью и сюжет своего соперничества с городом сделал сюжетом творчества. В этом смысле Виталий Кальпиди и поэты 1980-х годов пошли по пути, проложенному Каменским.

Однако в советскую эпоху наследие Каменского в целом было освоено поверхностно. Советская культура оказалась невосприимчивой к глубинным аспектам его личностных и персонализированных отношений с родным краем, ограничившись внешним культом его имени¹.

В статье Владимира Абашева меня привлекла его мысль, что Василий Каменский изображал свою жизнь в терминах и символах перманентной смерти — воскресения и постоянного возврата к своим юности, детству.

Возвращая современному читателю первую автобиографическую книгу В. Каменского, мы воскрешаем интерес и к самому легендарному уральцу, и к его творчеству. Сам он, на одной из первых страниц этой книги, писал:

«Я всегда готов на каторгу за спасенье Поэта.

---

¹ Абашев В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. С. 198—199.

Голубится голубь веющий
Над моей избой
Благослови Аминь алеющий —
Святой разбой.

Он мне написал эту молитву и я понял ее по-своему. Во имя Истины я совершил ряд святых разбоев и в моей душе нет капли раскаяния, напротив — я горд за Молодость, за смелость, за жест решенья, за Него, за счастье быть названным друзьями:

— Святой разбойник»¹.

Не знаю, святым или не очень святым разбойником был наш земляк: время всё расставит по местам. Но имя Василия Каменского навсегда вписано в историю русской культуры Серебряного века и мирового авангардного течения в литературе и живописи. Иосиф Бродский говорил, что поэзия — это видовая мечта человечества. Каменский говорил стихами, пел стихами и жил стихами:

Урал! Урал!
Вот скажешь это слово —
Как будто праздником
Оденешь жизнь свою,
И хочется запеть и снова
Петь. И вот пою, пою,
Как птица.
И не могу не петь.
И так все годы —
Напролет полвека.

Вспомним, как часто критиковали Василия Каменского: стихи декларативны, проза слабая, а пьесы требуют отделки. Ну что тут

---

¹ *Каменский В. Его—Моя биография Великого Футуриста. М.: Типография Т. М. Дортман, 1918. С. 19.*

поделаешь, если он был величайшим экспериментатором. Вся жизнь его была непрерывным экспериментом, который вряд ли кому удастся повторить. Обращаясь к поэзии, он в каждой букве видел вселенную и пытался прокатиться по ней, как по Млечному Пути. Правда, Василий Каменский умел хорошо делать и другое: охотиться, ходить с рогатиной на медведя или слушать лесных птиц, ловить щук, растить цветы, летать на аэроплане и готовиться к полету на Луну, любить женщин и прощать ближних. Не зря он носил имя «будетлянин» — человек, который еще будет. Потому и назвали его сегодня Человеком Эпохи Возрождения. Он просыпается в каждом из нас: в пермском арт-художнике Александре Жунёве, который вынес свое искусство на улицы Перми, Москвы и других городов, в каждом летчике, в юном создании, впервые взявшем перо или кисть...

Стихи Василия Каменского, его легендарная биография близки творческой молодёжи наших дней.

Его лучшие произведения остаются неисчерпаемой поэтической лабораторией для многих юных пермяков, прошедших школу поэтического мастерства в литературном объединении «Тропа», в творческом коллективе гимназии № 4 имени братьев Каменских. Юные поэты постоянно выезжают в Троицу, в Дом-музей Каменского, участвуют во всех литературных праздниках, снялись в документальном фильме «Берег Каменского».

В Сылвенском поселении много лет работает поэтическое объединение «Край малахитовый». Стихи его участников звучат на всех литературных вечерах.

Молодежным литературным объединением «Тропа» больше 20 лет руководит известный в России поэт Фёдор Востриков, посвятивший Василию Каменскому проникновенные строки:

Не стал поэт лихим изгоем —
Он выжил в злые времена.
И приняла в свои покои
Его стихийная страна.

Поныне он стихами выюжит,
Тайгой уральскою дыша.
Над Камою чайкой снежной кружит
Его мятежная душа.

Сбываются слова Владимира Маяковского, что футуризм, как стратегическое направление в искусстве, разольется по стране наводнением.

В 2009 году в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина состоялась прекрасная выставка «Футуризм — радикальная революция. Италия — Россия. К 100-летию художественного движения». Открывая выставку, доктор искусствоведения, ведущий телепрограмм «Культурная революция», Михаил Швидкой сказал:

«Я рад приветствовать открытие в Москве такой знаковой выставки. Этот проект посвящен столетию публикации первого манифеста футуризма. Одного из самых смелых и решительных направлений в искусстве XX столетия. Своей „открытостью“, устремленностью в будущее футуризм определил место искусства в современном социуме. Преодолев границы догматических канонов, эти художники смело вторгались во все сферы деятельности человека, выражая стремительный дух XX века. Во многом благодаря их дерзкому вызову и появился тот сложный многополярный феномен, который мы называем „современным искусством“»¹.

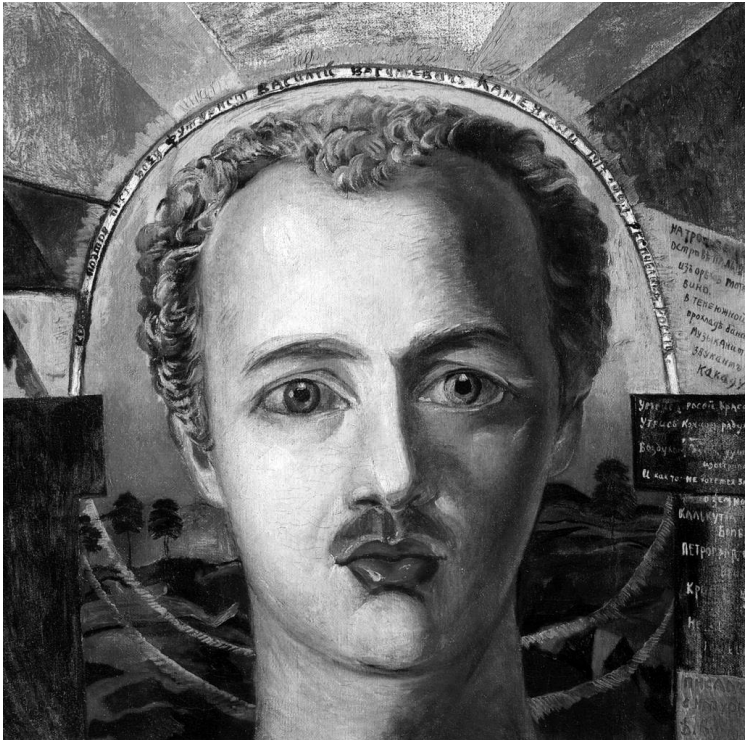
Отдавая должное первопроходцам, Михаил Швидкой говорил и о Василии Каменском.

Так что дерзайте, юные поэты, художники, музыканты — настоящие и будущие композиторы стихии. Так жил и творил Василий Каменский. Об этом вы прочтаете в книге «Его—Моя биография Великого Футуриста».

Иван Ёжиков, краевед

---

¹ Русский футуризм. Стихи, статьи, воспоминания. С.-Пб.: Полиграф, 2009. С. 8.

Давид Бурлюк. Портрет поэта-футуриста Василия Каменского. 1913.
Х., м., 104х104 см. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

**Василий
Каменский.**

**ЕГО-
МОЯ**

**БИОГРАФИЯ
ВЕЛИКОГО
ФУТУРИСТА.**

==== Москва —1918. ====

ТИПОГРАФИЯ Т. Ф. ДОРТМАНЪ.

Газетный пер., д. 6. Тел. 1-06-45.

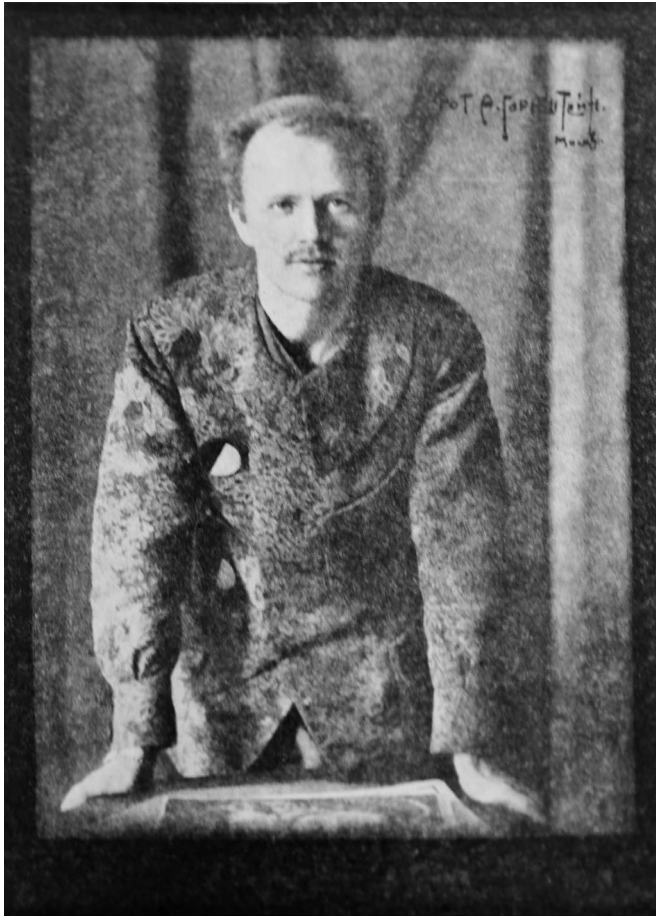
**ЭТУ КНИГУ СВОЮ
ВО ИМЯ ЧУДА
ПОСВЯЩАЮ
П. Е. ФИЛИПОВОЙ**

— Автор.

ОКЕАНСКИМ КРЫЛОМ
ВЗМАХНЕМ ПО ЗЕМЛЕ И
ПОЛЕТИМ
НА ВЕЛИКИЙ ПРОЛОМ.

(Из кн. Девушки
босиком).

Я—ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

(ПОНЕДЕЛЬНИК)

Эй, друзья писатели— гениальные головы— запомните:

1) К чорту выдуманную ерунду романов и всяческих повестей—гнусное вранье надоело—оставим это сморщенным от рожденья протоколастам.

2) Любая биография незаметного архивариуса—пускай коряво написанная—в миллион раз интереснее сочиненной похабщины на романической подкладке.

3) Необходимо Друзья временно объявить биографии живых гениев — единственными культурными книгами искусства—после Поэзии.

4) Поэтому: пишите, издавайте немедленно Ваши биографии—чья творческая жизнь полна открытий, взрывов, размаха, огня, сокрушений, молитв и проклятий.

5) Или пишите биографии Ваших Друзей или кого угодно, но только живых с полными именами, свидетелей вокруг и гордой правды.

6) Связывайте Вашу биографию с Вашим искусством—это и будет идеальная критика: кто лучше Вас развернет сущность Вашего Духа, иллюстрированную образцами Творчества.

7) Проклятие критикам, выискивающим у писателей в книгах прыщи, бородавки, случайные мелочи, пыль недостатков.

8) Отныне писатели сами должны писать о своем творчестве—иначе сгинет книга.

9) Перестаньте фантазировать что Вас читают и Вы—нужны (если уедете в Австралию сегодня—завтра никто не вспомнит о Вас).

10) Книга переживает трагический кризис—книга ненужна—книга пережила себя—ее некому стало читать—революционная жизнь опередила купечески—жирные романы.

11) На арене человечества утверждается Личность. — в искусстве — книга биография гения.

12) Временно надо спасти книгу своими биографиями, нужно всем напряжением своего мастерства заставить читателя—занятого всегда чем угодно—только не книгой — полюбить трепетно книгу, как живое истинное близкое чудо.

13) И после—книгу в искусстве (мертвая форма словопредставленья посредством бумаги и шрифта) — совершенно уничтожить, а перейти непосредственно к искусству жизни, помещая стихи и мысли на зарборах, стенах, домах, фабриках, крышах, на крыльях аэропланов, на бортах кораблей, на парусах, на небе электрическим свеченьем, на платях.

14) Солнцевеющая мудрость да пронзит Ваши сердца во славу футуризма.

(ВТОРНИК)

Девушки и Юноши хоровода Его лекций.

Во имя Ваше утреннее—чье шествие от Грядущаго—подобно торжеству Карнавала Революционной Победы — только во имя Вашей молодости, обвеянной радугами Истинного Творчества — летал Великий Поэт — Футурист Василий Каменский по долинам России, распевая Свои Лекции, открывая Ваши вольные души, наполняя Ваши сочные сердца Революцией Духа, опьяняя Вас Песнями Футуризма.

Девушки, Девушки.

Ведь это Вы создали Поэта настолько напевно-женственным, ритмически-гибким, энергично-современным, что он стал похож и на пролетающую Птицу, и на священно египетский Лотос, и на поэзию стремительности водопада Иоземайт в Калифорнии, и на Ай-Петри.

Девушки, Девушки.

Это Вы во всех городах—где Поэт распевал Свои Лекции — цветистыми лугами весны заливали Его аудитории, утренне приветствуя выступленье Поета обещаньями, цветами, аплодисментами.

Поэт рыцарски благодарит Вас.

Вольные Юноши.

От берегов солнцезарного Детства—до последней на земле минуты — это Вы — Юноши научили Его быть стройным, шумным, затаенным, беспечным, взрывным, легким, небоглазым, размахным.

Юноши.

Поэт славит Вас — молодецкую стаю в облаках кричащих орлов —за дружеские звонкие встречи на всех Его перепутьях России. Поэт ждет от Вас единого взлета с ним на Великий Пролом.

Он огненно ждет.

(СРЕДА)

Видимые чудаки и невидимые читатели.

Я—оптимист до торжества Анархизма.
Я—сотворил шестую книгу — Его-Моя биография
Великого Футуриста.

Гениальность этой книги — не только в ее сущности и неожиданности, а в том—что книгой—биографией я, хочу спасти временно Книгу, как официальную форму творческого сообщения с Вами, хочу показать Живой Смысл напечатанного Слова, хочу убедить Вас по иному взглянуть на книгу и даже невзглянуть, а остро пронзиться счастливыми лучами восходящего Чуда: Книга перестала быть мертвой, Книга встрепенулась, засветилась, зажглась. Книга поет, зовет, волнует, Книга шелестит крыльями своих страниц, образуя вихрь мысли, слов, идей, возможностей.

Книга—Живая Истина с бьющимся сердцем.

Здесь—рубиновая кровь, глаза скорби и счастья, весь перелетный путь Дней и Ночей, расцвет Личности, живая сила жизни, здравствующие сегодня люди, борьба за Тело и Дух, слава, неудачи, смех, проклятия, легкомысленность, любовь, разбой.

Я знаю: Вы перестали читать книгу и уважать писателей пишущих дурацкие романы из какой то всегда плоско-галантерейной выдуманной лже-жизни, никому и ничему ненужной, чужой, бездарной, глупой.

Вы разлюбили сочиненную жизнь писателями в романах и повестях, потому что полюбили истинную, новую, свободную, революционную, стремительную Правду Жизни, созданную Великими Личностями—борцами за святое дело вольного Человечества.

Из любимых всегда и теперь Вами книг Искусства—были и остались только Поэты-рыцари—песнебойцы — создатели гениальных стихов — песенпоэзий—Пророки Эпохи Чистой Формы Слов—Поэты сверхчеловеческой отвлеченности Духа—Композиторы словотворческого ритма — крыловейные Предводители поющих птиц, хрустально звенящих душ—Авиаторы культурных аеропланов современности—Футуристы Искусственных Солнц, Открыватели нездешних Странствований — Возвестники Грядущаго.

И еще Вы любили всегда и теперь книги — биографии.

Я знаю: в прочитанных книгах-биографиях Вы чуяли эту Живую Истину с бьющимся сердцем, потому что верили, огненно верили в каждое движение жизни Личности и его окружающих друзей и врагов, названных верными именами.

Вы так увлекались биографиями, что часто забывали, что перед Вами только—книга, и между слов и строк Вы ясно видели, чувствовали, воспринимали Живую Душу Книги—чья судьба уносила Вас скитаться, переживать, возмущаться, страдать, искать, торжествовать, любить, преображаться в цепь воплощений Времени.

А самое главное—Вы всегда и теперь находили много общего, единого в биографии Гения—с своей

Личностью и это святое совпадение Вас утешало, гордо радовало, толкая сердце к бодрости до конца.

Книга — биография—Жизнь Гения—Его творчество—пусть да раскинется Северным Сиянием над Вашими головами неустанных путешественников, затертых в Ледовитом Океане Жизни.

Его Моя Биография Великого Футуриста—Звено пролетающей Птицы с песнями.

Слушайте:

Я написал о Нем.

Я—это, как и Вы, вольный гражданин Мира.

Он—Единственный Василий Каменский, Великий Поэт, крыловейный Мудрец. Футурист-Песнебоец. Живой Памятник на глыбе Своего Творчества.

Он Автор 5 Книг: Стенька Разин, Землянка, Девушки босиком. Книга о Евреинове, Танго с коровами.

Он—Автор девяти неизданных еще Книг.

Он—Автор хоровода Лекций по России.

Ему ничего не надо.

Я—автор—Его Моя Биография Великого Футуриста.

Я—с помощью Его создал эту книгу.

Мне надо Все.

Моя жадность беспредельна: я хочу славы, денег, комфорта, здоровья, любви, вина, сигар, курортов, размаха, пьянства, молодости, красок, музыки, стихов, цирков, театров, друзей.

Хочу Всего что — вокруг.

И только не хочу ни Я, ни тем более Он—власти.

Он—тропическое растение, а Я — земля.

Его Моя—Наша Жизнь—Звено пролетающей Птицы с песнями.

Я никого не учу — я только приглашаю к себе в гости.

(ЧЕТВЕРГ)

Своему родному городу

Перми.

Здесь Поэт родился, вырос и часто бывает, работая на Своей Каменке.

Поэт любит детски Пермь и Каму.

Но у Поэта здесь нет друзей—здесь гонят Поэтов взрослые пермяки—здесь никогда не радовалось Творчество.

Здесь не знают Культуры, Поэзии, Слова.

Базар, Сибирская. Торговая — истощают все интересы мещанского населения.

Один книжный магазин—где стесняются выставлять на витрины книги Поэта.

Скучно. Бледно. Жалко. Мелко. Эгоистично. Жутко. Вороны каркают.

Часто на улицах кого-нибудь бьют.

Две газетки самоубийно пропадают.

Подневольная молодежь все-таки ныне добилась университета: миллионер Мешков выстроил — на, учись.

Здесь еще думают, что Футуризм — дело антихриста.

Но Поэт любит детски Пермь и Каму.

(ПЯТНИЦА)

Надо качели.

Зеленоалыми золотыми балаганными блестками
эй блести карусельное детство в памяти заржавлен-
ного с бородой чудака, ярче блести пока взрослый
еще не подал прошения в богадельню.

Пронзительно шармань металлическими голо-
сами.

Взывай, барабань, верещи, глуши.

А то ухнет поздно.

Спасай дни денечки—тарелку с ягодами.

О карусельное детство.

К тебе Единому обращается дряблое сердце про-
квашенное жизнью взрослого — сморщенное блед-
ностью сердце ведь помнит четко, что только дет-
ство питало его истинными творческими радостями,
удивительными праздниками, яркоцветными приклю-
ченьями, необычайной фантазией, смелыми затеями,
острыми выдумками, сокрушительным смехом и
безопасностью летающих с песнями птиц.

О шарманка — пронзившая уши до глухоты ма-
лолетнему любителю музыки стоящему перед ней
два часа с открытым ртом от удовольствия.

Где твоя звучальная мудрость.

Напомни озябшей от одиночества душе твоей походный марш: в нем так много слышалось отважной решительности и рыцарской гордости.

Заржавленный с бородой чужак еще помнит, как под этот походный марш шарманки в карусельном детстве он вдохновенно дал клятву, что когда будет большим — непременно хоть ненадолго поступит в цирк артистом, чтобы наконец постичь все тайны парусиново-досчатых кулис — таких недоступных мальчишкам.

Вот — где была штука.

Великая штука черной магии.

И как славно — гордо — значительно, что заржавленный чужак с бородой исполнил свою клятву через 23 года.

И снова стал молод, гибок, певуч и упруг.

Старики в калошах и с зонтиками да фельетонисты (Утро России, Театральная газета, Журнал Журналов, Новый Сатирикон) осудили: в цирке чистый народ, а народу по их мнению довольно дрессированных верблюдов и говорящих собак (впрочем эта критика — Василий Каменский в Тифлисском цирке — была за два дня до революции — конечно теперь эти фельетонисты проповедуют демократизацию искусства: им все равно.

Исцеленье детством.

Только всего один исполненный жест — и жизнь орадожилась, расцвела.

Значит еще не ухнула старость.

Спасай-же детство, спасай.

Бросай спасательные круги в реку уплывающих к тухлому старчеству.

Бросай и возникай в еще юных возможностях, в еще вольных движениях.

Ведь так много чудесного неисполнено, что если хоть одно осуществление привидится во сне — человек пробуждается от счастья.

На кой она чорт—эта взрослость.
Каждый взрослый—полулешачье.
Каждый ребенок—мудрец, затейщик, творец,
раздольник, певец интуиции, анархист, футурист.

Каждый последний ученик умнее и талантливее
своего учителя, который только и знает—слово-
плетку:

— Нешали.

Ух и идиоты же эти педагоги в очках.

Не даром ведь все великие люди в Искусстве
или выгонялись из школ или ученики убегали как
из тюрьмы.

Великие дети знали цену своей воли.

И остались великими детьми.

Ведь неслучайно все великие мастера Искусства
так ходят на больших детей, так любят детей,
что и сами всегда не прочь на деле вспомнить
жизнедатное детство, претворяющее воду в вино,
жизнь—в фантастическое преображение.

Неслучайно и то, что Василий в Крыму весной
(1916) проповедывал на лекциях в Ялте—Алупке—
Симеизе о еще непотерянной возможности счастья
стать всем морским гостям разом взрослыми детьми
на цветущем берегу моря, чтобы хоть один день
или два (на пробу) уразуметь всю красоту крым-
ской молодости.

И будьте дети. Христос воскресе.
И все сольемся в святом кругу
В кругу звучальном и венчальном
На черноморском берегу.

А сам Василий—первый ребенок.

И мне стоит больших сил удерживать Его дет-
ские затей—единственные Его радости—праздники.

Я взрослый (тоже почти полулешачье)—или
играю во взросло-го—и меня кандалами, тюрьмами,

бойкотами, общественными мнениями, прессой—
учат насильно быть — как все дураки.

Сдерживая Его—я оберегаю Его жизнь.

Все граждане кричат, поют, едят, говорят о
свободе личности

Но начни я несдерживать (только начни—даже
говорить страшно), неостанавливать вольного из
привольных ребенка Поэта и я убежден—гениаль-
ного Василья Каменского убьют палками, камнями.

Дурацкой толпе городов—Гении ненужны, а Поэ-
ты Духа—тем более.

Ведь еще никакая государственная власть не
приказала слушать проповеди о идеальной жизни
Поэтов Духа и неприкажет: потому что Поэты Ду-
ха скажут, что власти быть недолжно, или что все
абсолютно равны и каждый — всякий человек—власте-
лин мира.

И многое в этом масштабе.

Вот в детстве все—боги, все—рыцари, все Ко-
лумбы, все—Робинзоны Крузо, все—Стеньки Рази-
ны, все—Друзья.

Детство спаси нас, научи, создай.

О карусельное детство.

Посоветуй, крикни во все горло Интуиции как
бы устроить качели, да такие качели, чтобы на
них уселось с десять тысяч наряженных девок и с
эсколь же парней в кумачевых рубахах с гармонья-
ми, орехами, пряниками костромской росписи.

Значит нужна такая дощиа и канаты тол-
стущие.

Ну это можно сделать, а вот как бы привязать
к небу, чтобы раскататься одним концом до луны—
другим до солнца или еще выше.

Я сказал Ему, что эта Его мысль одна из спра-
ведливых—Поэт спокойно ответил:

— Да—в этом все дело—надо Качели.

(СУББОТА)

Я и Он.

Я и Он.

Два лица, два существа, два друга, две дороги
рядом, два бога, два дьявола.

Я—это когда вкусно и плотно обедаю, пью ви-
но, черный кофе, курю дорогую сигару.

Он—это когда в полетах птиц, в движеньи ве-
тра, в изгибе радуги, в травоцветеньи или в ритме
прибойных волн моря—видит мудрый смысл песни:

И гденибудь в шатре на Каме

Я буду сам варить картошку

И засыпая с рыбаками

Вертеть махорочную ножку.

Он—всегда в творческом созерцании.

Он—бесплотен и легок как ангел.

Я же—весь в суете человеческих дел и непрестан-
ных событий.

Я всегда—со всеми в куче муравейника.

Он — одинок, высок и оснежен вечностью—
будто вершина Казбека.

Я коммерсант или кавалер, пассажир или рабочий, квартирант или слезу за чисткой щиблет и зубов.

Я—главное—издатель Его сочинений, антрепренер Его лекций—гастролей, устроитель Его выступлений—триумфов.

Он—трепетно—гордо любит Книгу, а я занимаюсь распространением.

Он—любит подарить Книгу Свою, а я предлагаю продать и получить деньги.

Он—горая в увлечении—читает лекцию и следит за красотой стройности речи, а я думаю о кассе — 1500 там или 1800.

Ему подносят цветы — зимой пунцовые розы—Он нюхает, вспоминая любимую, а я знаю, что эта корзина роз стоит приблизительно 150.

Его часто приглашают выступить с речью или со стихами и Он никогда не подумает о гонораре—меня же гонорар интересует нервно и я жду высокой заработной платы, как этого ждет каждый мастер у своего станка.

Ведь я знаю—Ему необходима вольная, широкая, многогранная, яркая, феерическая жизнь.

Жизнь—Поэта Жизни.

Жизнь—путешествующего бога с подарками.

Жизнь—открывателя апельсиновых рош.

Жизнь—пролетающего на аероплане Современности.

Жизнь—Актера (Монахова или Шаляпина) Театра для Себя по Евреינוву.

И для всей этой театриализации жизчи — нужны большие средства.

Правда —я также знаю, что Он часто живет иной—нездешней жизнью и доволен ничтожным и до жуткого малым.

Э то когда Он —рыбак или странник, созерцатель
или йог, отдающий что имеет.

Дон-Кихот или Робинзон Крузо.

Или —за работой в творчестве.

Но и для этой святой жизни —требуются деньги.

Я все это знаю и достаю их, как умею, как хватаю
тает всех сил.

Вся моя жизнь—для Поэта.

А кроме него есть еще моя семья на Каменке
и я должен заботиться о них—и заботиться мне и
Поэту приятно.

Я бьюсь, выдумываю, изобретаю.

Иногда мне бывает очень трудно, но я — сильный
пока и побеждаю.

Как каждый—если остро нуждается—если слишком
грозит кризис или гибель—я иду на все и презираю
условности и плюю на мешанскую мораль.

Я всегда готов на каторгу за спасенье Поэта.

Г олубится голубь веющий
Над моей избой
Благослови Ямень алеющий —
Святой разбой.

Он мне написал эту молитву и я понял ее по
своему. Во имя Истины я совершил ряд святых
разбоев и в моей душе нет капли раскаянья, на-
против—я горд за Молодость, за смелость, за жест
решенья, за Него, за счастье быть названным
друзьями:

— Святой разбойник.

Я совершенно справедлив в своем спокойствии.

Я строго автономен в жизненной борьбе, как
Он в своем Творчестве.

Часто мы немешаем друг другу, а иногда расходимся во взглядах и начинаем состязаться в истинности положенья.

Побеждает тот из двух, кто в данный момент окрасится ярче, острее, звучальнее.

Пример: от Давида Бурлюка получил, приглашение ехать в Японию с своей живописью и поэзией.

Он восторженно засиял и готов бы срочно телеграфировать:

— Выезжаю курьерским.

Я же сказал Ему:

— Для поездки в страну хризантемных гейш нужно 4000, а у меня пустяки.

Отложим Поэт до чуда—чудо придет.

Он согласился.

Потому что верит Он только чудесам, а я опытный режиссер жизни сам тонко и искусно ставлю эти чудеса.

Впрочем иногда неожиданно просто вдруг везет и я облегченно вздыхаю, радуясь за Него и за свой маленькй отдых.

Я много работаю и очень устаю, но никогда никому не жалуясь: ведь знаю что всем-всем по существу наплевать и на меня, и на Него (с особым удовольствием), и на все божественное Искуство.

Тупой эгоизм близких, друзей, врагов — одинаково преимуществует.

И никому нет дела до меня и Поэта.

И если завтра сгинет Поэт с голоду или от гнета нужды—никто может не узнать об этой великой печали: потому что никто не заботился о Нем.

Для эгоистов важно пожалуй, чтобы, Он лишь бился создавать, творить, гореть, учить, возвышать, славить.

Принято верить, что культурными государствами управляет мудрая народная власть, обвеянная революционными победами и лучшими идеалами Человечества, но никто не знает случая—где (даже нет в проэктах) эта мудрая народная власть избрала и вознесла бы Поэта еще при молодой жизни Его до себя.

До себя — перед всем народомъ, передь всеобщей Единой Совестью, перед океаном людских душ, жаждующих истинной красоты творческого слова.

Невежеству народа власть противопоставляет дисциплину гражданского сознания и законы о подчиненьи начальству.

Духовной жажде народа власть противопоставляет литературу мелкой земской единицы или по улучшению рогатого скота.

Будто все вопросы жизни—только брюхо и буржуазный покой, демократизированный массами.

А где творчество жизни Духа Страны—где источники талантности — где залежи Мысли и Чувства—где бог внутри—где чудесные песни—где размах волевой мощи урожайных сердец.

Это чувствует глубинно только Поэт.

Власть же этому Единому Оправданью жизни — значенья не придаёт.

Пусть гибнут Поэты в мировой тоске и с Ними великие из мастеров Искусства—лишь бы мудрая народная власть следила, честно за государственным порядком и продовольствием.

В мильонах (на мильоны народа) экземпляров власть распространит в любой момент по стране любой сборник по политической экономии и никогда (хотябы приложением что ли) не отпечатает и не разошлет великую Книгу гениального Поэта Василья Каменского—Стенька Разин.

Так истинно разсуждаю я— гражданин вольной России — и знаю, что мерзавцы мрака и кретины— критики будут по свинячьи хрюкать в мою сторону.

А власти на Поэта наплевать.

Я и Он — мы останемся на веки на острове Одиночества.

Я—рыцарь Грядущаго Мира — Пятница.

Он—верный Себе Робинзон Крузо.

И оба мы — сверх оптимисты.

Ни я, ни тем более Он—величайший из современных мудрецов — несмотря на все ложно—свободное (торжество революции тела)—никого ничто неосуждаем, нетребуем исправленья.

Я только желаю духовнаго просветленья, высшаго напряженья разума, океански творческаго разлива до чудес.

Я Он—эхх. Поэт.

Он вот смотрит на солнечное небо и говорит:

— Сегодня я опять там слышу симфонию—это кричат орлы.

(ВОСКРЕСЕНЬЕ)

Пришел Поэт.

Эй—вольная гражданка или вольный гражданин — Товарищ — чьи светлые глаза сейчас читают эти искренние страницы—поймите Истину—возьмите в сердце свое Встречальное чувство, с которым Вы ждете любимое и заветное.

Да пронзит Вас благословенье Поэта, с утренним челом всегда гонимого на Голгофу Распятыя толпой купцов и мещан, хулиганствующих за счет антикультурности и врожденного кретинизма.

Да пронзит Вас Творческое обаянье Поэта до последнего дыхания своей земной жизни отдающего Вамъ свою поющую Душу.

С чарой хрустальной
В руке неустальной
Горнокавказским орлом
Душой солнцевстальной
Чеканно кристальной
Я лечу на Великий Пролом.

Слушайте:

Ужели Поэт для того творит Песни, чтобы Вы в час сытного досуга могли уластить свое наслаждение поэтической приправой.

Ужели для того пришел в мир Поэт, чтобы напечатать несколько томов сочинена, прославиться гениальным дарованьем, нашумѣть футуристической яркостью, напиться до состоянья мумии среди друзей и врагов и сгинуть, оставив после себя литературное наслѣдство родственникам, непризнававшим Поэта при жизни, и где нибудь на пыльной площадке дурацкий Памятник (какой нибудь бездарный бюст, на плечи которого — всегда птичьи экскременты) с дурацкой надписью:

— Великому Учителю—ученики (с золотой медалью).

Я ученики сонно ходят мимо памятника, удивленно думают—кто неизвестно поставил статую и—если никого нет около—просто мочатся у пьедестала.

Ужели для того, планетно возник из звездной туманности Поэт, чтобы доказать свою ненужность, бессилье, напрасность, тщету, чтобы—как все люди—совершить звено переселенья Души, уйти в пространство и родиться снова может быть тростником на берегу священного Нила.

Ужели для самоувлеченья—самовлюбленности—самоопьянения выявляет Поэт своего внутреннего бога—озаренного утренними взлетами Ритма—

Все к Мечтам
 Все къ любви безпечальной
 Все как птицы —
 Судьбой в высоту

В жизни станем поэмой венчальной
Расцветать красоту.
(Девушки босиком)

Или ошибка роковая, или совсем не то, или мировое сумасшествие, или стихийное безумство—
— Это Поэт и Его Поэзия.

Все ясно и просто, как трава—если быть мудрецом Духа.

Все спутано и сложно, как ночью в лесу—если быть обыкновенным блуждающим без дорог—без вопросов человеком.

Я таково все, т. е. величайшее множество.

Мудрецы Духа—истинные люди—Вперед.

Поэт—голубь из ковчега Грядущего.

Однако Мудрецы Духа (сейчас их горсть) и Поэт—голубь—это только утешенье—как все Грядущее—только единственно оправданный идеями оптимизм.

Истина же Едина—Поэт Одинок, Поэт Колумб Грядущего, Поэт—Пророк жизни богочеловечества.

Сегодня — вот сейчас — когда светлые глаза читают эти искренние страницы—разве сейчас Вы—товарищ—даже в этот наиболее благоприятнейший момент духовного сближения с Поэтом Васильем Каменским—разве Вы согласитесь открыть свое сердце нараспашку и впустить Его во всей юной красоте футуристического карнавала.

Разве Вы оденете Душу свою алошелковым желаньем встретить чудесного Гостя—заморского—звездного гостя с неземными дарами яркоцветного Духа.

Разве Вы сумеете ответить рыцарски—безкорыстно—беззаветно—подвижнически на Его расцветную близость, на Его мысли, изгибы, горенья, размах.

Разве—вообще Вы назовете лучшими чувствами Его—желанным Другом.

Нет. Нет. Нет.

А Он Ваш первый Друг—Друг Вечности—Ваш Всегда Близкий рыцарь — Ваш желанный Гость—Верный Спутник приливающих Дней—Вашъ Поэт Василий Каменский.

Поэт—Мудрец Духа—которому смѣшны памятники, непонятны юбилеи, академии, законы, правила, забавны профессора искусства, критики, прес-са с уголовными романами и объявлениями о половом безсильи.

Поэт, который знает, что Книга Его Поэзии—как каждая Книга Слов—есть для всех—случайный цветокъ въ бутоньерке.

И только для самого Поэта—Поющий бог.

За Песнями—с Песнями.

Благословенье в одном:

Океанским крылом

Взмахнём по земле

И полетим

На великий Пролом.

Поэт неустает звать к полетам, к вершинам, к раздолью, к нездешнему.

Всѣ земные—тяжелые—черные—вялые—а Поэт неустает звать.

О Единственный лебедь в облаках.

Гуолн—гуолн—глик.

Гуолн—гуолн—глик.

Зовно тает скитальческий крик.

Солнятся крылья

В небемолниеснежные
Печалю на веки.
Опаловый след.
Лебедь покинул—
Прощаль незамолчную
В озеро кинул.
Низко сгрустились
Грустины прибрежные
У омута слезных
Источников бѣд.

(Девушки босиком)

О—товарищ—чьи светлые глаза сейчас читают
эти искренние страницы—поймите истину.

Слушайте:

Доверчиво — дружески, близко, совсем близко
подойдите къ Поэту—отдайтесь Воле Его — будто
погостить—отдохнуть—забыться пришли к Поэту.—

И Он

Легкой и плавной—какъ облако—творческой фантазией опьянит Вашу жаждующую Душу вином освобожденья отъ земной суеты и сказочно преобразит Вас в существо божественного ощущенья—

Хрустально—розовые крылья вырастут за Вашей спиной и позовет за собой колебанье протекающих волн бирюзового воздуха.

Радужный расцветом вздрогнет Ваш бог внутри и откроется иная жизнь—жизнь высшаго Смысла.

Поэт уведет Вас в Страну у нездѣсь берегов, в странную начальную Страну—Гдетотамию солнцекожих Йогов—властителей Духа Воли, которым повинуются пространства Вселенной.

Поэт даст Вам звездный покой вершинного созерцанья Мудрости.

Поэт утравеющей Своей Молодостью вольет в
каждое биенье Вашего сердца трепет неисчерпной
бодрости Ребенка.

Моейко сердко снова детка
Плывет как ветка по воле лет
Плывет играйка малолетка
Моя поэтка. А я—Поэт.

(Девушки босиком)

И Он сделает Вас играющим, звучальным, за-
тейным, сияющим.

Он станет Вашим первым Днем.

Он все отдаст Вам, а Сам ничего не возьмет—
кроме Вашей духовной ароматности Дружбы.

И пролетит мимо поющей птицей Хоулнстэй к
Коралловым островам пальмовой тенеюжной ве-
черней прохлады.

Я пока Он Близко:

— Подойдите к Поэту, оправдайте Его Прише-
ствие, впитайте вино Песен во славу преображенья.

Как вольная радость Чуда—Он необходим Ва-
шей жизни для встречи смысла завтра, для новых
Друзей.

— Жизнь коротка— ак чарка вина,—а друзей
мало и надо любить, ценить, огненно искать их.

Он же—единственный рыцарь Дружбы.

Ведь это Он сотворил книгу—Стенька Разин—
где в творческом бунте выявил всю русскую воль-
ную молодецкую Душу Народа Богатырского, спяян-
наго на веки вечные дружбой несокрушимой, да
раздольными разливами урожайных Песен.

Ведь это он сказал:

— Песнебоец Стенька Разин живет в каждой
Душе—каждом Сердце—каждой Мысли и оттого в
каждой Песне—Судьба каждого, кто бунтует за Во-

лю Вольную, за силу творческую, за разгул безшабашный, за богатства духовные, за славу народную кумачевую, стихийную, талантливую—и оттого в каждой Песне—Свободная Россия и вся Россия—одна великая, артельная, молодецкая Песня.

Песня или Россия—не все ли равно.

Все распахнуто, все сказано, что спето.

Это Он—Стенька Разин.

И Вы—товарищ.

Поэт вложит в Ваши руки кистень буйной Воли и сделает Вас святым разбойником, как Он Сам.

Пользуйтесь близостью счастья назвать себя другом из шайки святых разбойников.

А если Вам страшно лететь в бурю на Великий Пролом затей Стеньки Разина и если Вас неопьяняет лирика книги Девушки Босиком и Вы разочарованы аеропланами Современности (книга Танго с Коровами), нежелаете жить Паном—Робинзоном Крузо среди поэмы—Природы—в Землянке (роман), нехотите разделять восхищений режиссером Жизни (книга о Евреинове), неинтересуетесь Его гастрольными многочисленными лекциями о Жизни—Футуризме—Творчестве и—наконец—Вас нетрогает Его биография Великого Футуриста—

Тогда—товарищ—Вы подойдите ко мне, как к самому простому Пастуху — Его стада всяческих творчеств.

Подойдите непременно.

Он — Поэт — слишком идеализирует дружеские приближенья и совсем нетак—мне кажется—представляет нашу жизнь—заблудившихся в лесу суеты без вопросов.

Поэт дышит Истинами.

Поэт создает Чудеса Откровений.

Поэт—Мудрец Духа—предвидит ясно все концы и последствия человеческих дел и каждое движенье мысли—Ему понятно и известно.

Поэт—спасающий Пророк.

Поэт—вездесущ, многогранен, океански широк и глубок.

Но Он всетаки в чем то сознательно ошибается— иначе Он небыл бы так Одинок—Одинок до обожествленья.

Товарищ—чи светлые глаза читают эти страницы— одойдите ко Мне,

Я тоже—как Поэт—нестерпимо одинок в своей жизни: у меня мало друзей и я ищу, огненно ищу.

Ради Поэта и ради себя—подойдите ко мне: я буду ждать и верить в Вас

Жизнь коротка.

Воспріятіє Слова.

P. S.

Специалистам психо-физиологам:

Известно, что Брока открыл (в коре большого мозга) двигательный словесный центр.

Впоследствии Вернике открыл (верхней левой височной извилине) второй чувствительный словесный центр.

В этих центрах организуется словесное представление (иные исследователи эту организацию слова не связывают с определенными местами мозга).

Кусмауль-же—яркий знаток этой области—изучивший различные болезненные состояния центров речи — собранных под общим названием **Афазии**—дает все основания предполагать что стан читателей сплошь страдает афазией и поэтому не в силах воспринять высшее мастерство слова

Накануне я говорил, что Поэт в чем то сознательно ошибается — и хотел этим намекнуть на огромную долину общего непониманья, лежащую меж двух гор: Поэтом и читающей публикой.

Поэт—мастер-строитель высшей организации Слова—Мысли—Речи—Формы.

Поэт создает Книгу насыщенную яркими образами, ритмической стройностью фраз, волей ясного разума, любовной чувствительностью к завершённому творчеству, непрестанной взрывностью словесного трепета.

Книгой Поэт являет законченную Волю своего дарования словесного мастера — только частично использовавшего крайне ограниченную возможность передать свою многогранную гениальность.

Ведь Дух, Огонь, Чувства, Размах, Глаза, Горизонты. Крылья, Сочность, Аромат—остаются с Поэтом жить, вечно изменяясь во Времени, вечно расцветая.

Это—Эльбрус Поэта.

А читатели—это Экскурсанты (Москвича или Горного клуба) едущие на линейках из Кисловодска на гору Бермамыт встречать перед Эльбрусом восход солнца.

Кто эти читатели—случайные экскурсанты, всегда гости, которых надо забавлять, ротозеи, любопытствующие, скучающие, одинокие, заброшенные, больные и Чудаки.

Еще влюбленные, знакомые, друзья (редко родственники), враги, арестанты и — вот главное и единственное—Чудаки.

Всем этим читателям можно было—дело случайности — по существу и неездить на Бермамыт, а только пожалуй достаточно знать о существовании Эльбруса Поэта Василья Каменского.

Поэт, сознательно ошибаясь (пример: выпуская Книгу), знает о долине разобщения с читателями и глубоко скорбит о своей одинокой судьбе недошедшего до сердца читателей Пророка.

И это потому, что читатели—как случайные гости Книги—лишены способности точно воспринимать смысл и назначение Книги, как истины.

Понятно и просто: читатели словесно неразвиты или вернее неорганизованы для восприятия образа — мысли, всегда рассеяны, хаотичны, заняты совсем другим: масса разных дел, книга же—между прочим.

Книга читается урывками, скоро, поверхностно, по-дачному.

Психология читателя в перерывах резко меняется, перекрашивается.

Словесные центры перемещаются.

Поэт выливает слово — в вино, а читатель пьет воду.

Читатель невпитает сущность Книги, непойдет за Поэтом—о нет.

Если слово для Поэта самоцель, самоценность, а мысль движенье, полет.

То для читателя то и другое—средство, продукт и что то мало понятное.

Специалистов-читателей ведь нет — значит нет здоровых, развитых, организованных воспринимателей слова.

Все читатели страдают афазией во всех стадиях по Кусмаулю и особенно—парафазией, при которой сцепление представлений со словесными образами настолько извращается, что вместо логически-красивых сочетаний слов получают ложные совершенно искажающие смысл творчества.

Одна из распространенных стадий среди читателей—это словесная слепота.

Страдающие ею прекрасно (особенно критики) видят глазами напечатанные слова, но не в состоянии понимать их и группировать в сознании.

Платен утверждает, что для совершенья восприятия словесных форм—условностей нужна энергичная работа воспитания (дело культуры), что чело-

век быстрее всего усваивает речь мимики и жестов: потому эта речь является природною речью глухонемых и идиотов.

Во всяком случае—если книга читается Чужаками или Другими или Возлюбленной—эти читатели пронзенные лучами Интуиции принимают Поэту целиком индивидуально, но и они далеки от истинного неба Книги.

И тут—долина, и тут не то.

Значит есть роковая ошибка—трагедия.

Книга—как ее читают и понимают читатели—для Поэта—смерть, ничто, проклятье

МОИ МАМА И ПАПА

Рождение.

Я родился 1884 в 5-й день Апреля—в центре Урала—в 35 верстах от Теплой горы в поселке Боровское, на золотых приисках.

Дед Филипп Каменский (по отцу) был врачом в Перми, имел сыновей: Петра, Василья, Александра, Николая.

Дед Гавриил Серебренников (по матери) служил командиром камского парохода, имел сыновей: Михаила, Константина и дочерей: Евстолию, Александру, Ольгу и Глафиру.

Сын Филиппа Василий 1878 женился на дочери Гавриила Евстолии.

Молодые супруги Каменские—Василий с Евстолией уехали в Теплую гору, на Урале.

Василий Филиппович получил место на золотых приисках Шувалова — управителя.

Устроились жить в промышленном поселке Боровское на готовой квартире.

1880 родилась дочь Мария.

1884—сын Василий—я.

1886—сын Григорий.

Мать была красивая женщина: с большими вьющимися светлыми волосами, голубоглазая, стройная, женственная, кроткая.

Ей нравилось пышно модно одеться в шелковое платье с длинным шлейфом.

В пермской гимназии она училась первой, сильно выделяясь способностью рисовать.

Она прекрасно пела русские грустинные песни.

И я помню ее трехлетним, когда она больная— чахоточная лежала на кровати и пела:

Отворите окно отворите

Мне недолго осталось жить.

Хоть теперь на свободу пустите—

Не мешайте страдать и любить.

Весной ей так хотелось солнечного лесного воздуха, а окно так и неоткрыли.

Я помню много людей: мама умерла 1887.

Энергичный, жизнерадостный, интересный, остроумный отец нестерпимо затосковал по любимой подруге, ушедшей на веки.

Страстный охотник он редко стал ходить на охоту.

Помню: он тихо но долго шагает по комнатам и все что то думает.

Осенью сестренку Марусю отправили в Пермь учиться, а перед тем помню такое: стал я с ней играть— на нарощечных картонных весах—спелую клюкву весить.—Маруся выбрала самую большую клюквину, насквозь проткнула ее тремя булавками и предложила мне проглотить—на счастье.

Я взял да и проглотил.

А потом мне было скверно, но я молчал по совету сестренки.

Еще помню: отец пришел с охоты, принес рябчиков и на другой день за обедом меня заботливо угощал рябчиками и спрашивал—где мама.

У меня сохранилось единственное письмо отца 1887 и вот несколько строк:

— Я больше неупотребляю лекарств, только изредка пью жир да и то как-то все забываю, теперь думаю пить молоко с коньяком—это мне советует наш промысловый доктор.

У отца развилась аневризма—расширение артерии.

Осенью 1889 отец скончался.

Опять помню: было много дома народу, мне сказали, что отец крепко спит и надо разбудить его к чаю.

Я долго будил его, хлестая рубахой.

Он не вставал с тех пор.

Дядя Костя увез меня в Пермь.

Меня взяли на воспитанье Трушovy: тетка Александра (родная сестра матери) и ее муж Григорий Семенович, который управлял крупным буксирным пароходством Любимова (оно есть и ныне) в Перми.

Семья Трушovyх жила на готовой квартире—особняке, около пристани на берегу Камы—в полгоре.

Это был двухэтажный деревянный дом, а кругом дома огромное место — угор с редкими елками, пихтами, тополями, огородом, конюшнями, сараями и дивным Ключом, бьющим из горы в чан — избушку.

Верхний этаж дома занимали Трушovy, внизу жили матросы, кучер, садовник Никитичи матерьяльный.

На эту пристань, в дом к Трушovyм меня и привезли на жизнь дальше.

Сестренка Маруся, начавшая учиться осталась у тети Ольги—родной сестры матери—вышедшей замуж за Ивана Гавриловича Волкова—дядю Ваню.

Братика Гришу взял дядя — Петръ Филиппович Каменский—брат отца.

Жизнь Васи началась:

босиком по крапиве

Детство (*этот стих написан
в Перми на пристани
когда было 11 лет*)

1884 на КАМЕ
на КАМНЕ

Вася КАМЕНСКИЙ
апрель 5 перед ПАСХОЙ.
С золотых приисков
на буксирную пристань
Любимова.
Свистки пароходовъ
ПО НОЧАМ
всплески плис
и на мачтах огни.
Мы одни.
Отдают якоря.
Отъ чудес
трое жались
под одним одеялом.
Вася, Алеша и Петя.

На пристани
в рупор кричали.
Из какой то страны
приставали с баржами.
Мы уставали
по мешкам и ящикам
в красных лабазах.
ВСЕ УТОНУЛО.
Запах дома остался
и манит
за Каму рыбачить.
Молчу—чу—чу—кузнечик:
ци—ци—вий
ци—ци—вий.
Давай поставим
западенку.
Завтра
воскресенье—
надо
очень рано встать—
В тумане
вдруг
пароход у окна
и **арбузы**.

На пристани на Каме.

С золотых приисков уральских гор Кочконоара и Теплой—на берег Камы, к пароходам—это был Васин первый перелет, полный острого впечатленья и жуткой неизведанности.

К тому же новая семья—и все смутно.

Ребята: Саня, Соня, Алеша, Петя.

У тети Саши кто то рождается еще и умирает.

Дядя Гриша—строгий, никогда несмеется, не играет с детьми, за столом шалить невелит и матросы его боятся, он всеми распоряжается, его страшно слушать.

Вася—Алеша целые дни болтаются по угору,—если лето — пускают змейки, сами клеют, стружат ножами дранки, бегают к ключу—там около чана ящик-садок с рыбой: стерляди, язи, налимы—живые, плавают.

Или торчат у матросов внизу—разглядывают их, слушают: там целые чудеса рассказываются.

Матросы чтонибудь им устраивают, забавляют, балуют.

Я—ВАСЯ—В СОЛНЦЕРАДОСТНОМ
ДЕТСТВЕ

Внизу еще жил Никитич
Черемный он и делал иконы
Носил огурцы из парника
Нам и кормил птичек
У коровьяго загона.
Все ладно—
Только нас нетронь.
Да нетронь пожалуйста
Нисколичко—мы тоже голуби
А-гурль-а-гурль.

Только разыграются — обедать зовут, сиди вот
смирно, разве ногами поболтают.

Няня у ребят была давнишняя—славная и все
ворчала на Васю.

Узатейщик
Нещувной разгайло—
Убежал опять.
Лей ши в хайло.
Кукла. Верный.
С забора мы
Легко залезем на крышу
Сеновала—
Оттуда жизнь
Еще привольней.

Всю радость разносили по галькам берега, по
бревнам плотов, по поленницам.

Заимка наша—
Гора и берег Камы
Домик в косогоре.
Баржи и плоты.
Пиленым деревом
Пахнут вечера
Сегодня как вчера
У балагушек лыковых
Где пильщики—татары
Костры дымятся.
Скрипка и гармошка
Длинно голосят.
Кого то зевласто зовут—
Татарята ревут.

Кто то сказал ребятам, что земля кружится.
Вася залез с чердака на крышу дома к трубе
и действительно увидал, что жизнь кружится и ве-
тер кругом—высоко, страшно упасть.

Змейки клеили
С дребезжалкой
К небу запускали
И—удивленные—следили
И резвой и жалкой
И обиженной душой
Самим летать хотелось:
Птиц полеты
Казались просты и легки.

Недвижность ястреба
Раскрылённая
Сулила затейщикам
Удачи выдумок.

...И случилась с Васей острая беда: взрослых дома небыло, ребята играли на балконе, а Вася заявил, что полетит сейчас на елку, залез на край балкона, замахал руками и упал на землю, расшибся, долго лежал без сознания, водой отливали, водкой растирали, ожил.

Нянька утешала Васю: ничего — говорит — до свадьбы все заживет.

Улога в косогоре,
бил ключ студёный.
Чан от травы зелёный
Чанил воду.
Ведёрный стук
Баскущих водоносиц
И скрип росписных коромысл
Вносил ядрёный смысл.
Как в чулане
Чудаки—

Жили в чане
Стерляди и судаки.
Мы их жалели
Кормили и ели.

Вертелись дни и пахло яблоками.
Ночью няня рассказывала или про ведьм, про
оборотней, про банных.

И ночи-то чернуше-долгие.
Проснешься страшно:
Блазиит—кто-то—ой.
Глубже лезь под одеяло
И корчись чуть дыша.
Пока не улетела
Заячья душа.
Одеяло тыщу раз спасало.
И подушка.
Впвалку лучше спать—
Да не с краю.

А утром неверилось в леших.
Приходили в гости Нина, Маня ночевать под
праздник, они были городскими и иначе все по-
нимали и все рассказывали.
Вася слушал и удивлялся.

И под каждый праздник
В благовест
Ходили все в Никольскую—
Ко всенощной.
Шалить дорогой не давали
Поэтому с собой в карманы
Брали сахару хлеба и

Какуюнибудь свистульку.
Свет свечей, лампад
И золотые отблески,
Пенье хора строгое и
Ладан—
Вносили в душу
Совсем иную жизнь ангелов.

Все вокруг—каждый шаг—надо было проник-
нуть, со всем вокруг слиться.

Свердоголовые угланы
Со слудских улиц
В наше чистое гнездо
Таскали
Понятие о городе.
Мы были рыцари—
Им доверяли
Свои сокровища,
А городские каналы воровали.
Мы несердились—понимали
Всех разбойников.

Школа.

Одно лето на даче в Лёвшине забавно жили. А осенью тетя Саша повела семилетняго Васю в школу Слудской церкви.

Вася начал учиться.

Васе сшили синюю форму, купили книги с картинками, пенал, сумку, тетрадки.

Вася стал рано вставать, пить чай и уходить в школу.

И первый год учился прилежно: все приглядывался к обстановке.

Во втором классе сразу разбаловался, начал дурчиться, неучить уроков.

Стали вызывать тетю Сашу в школу и Васе начало попадать, и здорово.

В школе ставили в угол, оставляли безобеда, дома ругали, теребили за уши—волосы.

Школа сразу опротивела.

Однако он ее кончил и Васю определили в другую школу—на базаре—в двухклассную городскую.

Там было интереснее— больше книг—больше ребят, больше шалостей—прибавилась гимнастика— Васю стали больше дома лупить за все это вместе.

Начал учиться в реальном Алеша, Саня в гимназии.

Кама.

Кама—вот волшебный журнальный источник утрозарных радостей, неожиданных праздников, яркоцветных затей, славных подвигов.

Кама—будто первый верный друг, никогда неизменный, всегда близкий, добрый, светлый.

С самой ранней весны, как проходил лёд, прибывала вода, появлялись параходы, подавая свистки, ставились нефтянки, пристани, а на берегу целые дни рыбаки смолили лодки, иные—мартышки—ловили дрова баграми, по вечерам сакали рыбу—Кама с каждым зеленеющим днем обещала все новые восторги, новые возможности, новые костры в отраженьях у берегов.

Кама — единственное—как Солнце—счастье, ласково матерински обвеявшее мое сиротское детство теплыми чудесами.

Кама—вот кто была моей желанной подругой ни разу меня не обидевшей.

Кама — вот кто была моей крыловойной сказкой впервые рассказавшей моему сердцу изумительную правду: будто во мне живет нечто иное—второе существо, которое будет называться после Поэтом.

Тогда я непонял значения этих великих слов о Поэте во мне, но всем своим существом я почувствовал Истину

Бывали мгновенья—чаще вечером у окна—когда один долго смотрел на Каму я действительно ясно ощущал в себе совсем иную жизнь, похожую на песню, на птицу, на ветер, на облака.

Я горячо радовался что во мне живет способность вольно мыслить, думать, переноситься, воображать — тогда я вспоминал о сказках, песнях, книгах.

Все настойчивее я представлял себя другим, совсем другим—кем можно быть.

Кама — волновала мои воображенья, куда то звала, обещала, дарила сны.

Однако жизнь моя — ребенка — мальчика — ученика шла своим чередом: мне снова хотелось играть, бегать, кричать, спастись от взглядов дяди и теги, звать Алешу озорничать, затевать дела на пристани, на Каме, в ограде, в своей клетушке

Птицы поют.

Пуще всего Вася с Алешей любили ловить птиц и ловили их с любовным мастерством.

Сами садки, западёнки делали, а больше покупали.

Ловля шла в любимовском саду, около озера, между лесной горой и прядильней—эта прядильня тянулась с версту и там появлялись прядильщики с бородами и шли они взад пятки.

Из окна — отверстия прядильни можно было наблюдать поставленную западёнку и подсвистывать кузек:

— Ци—ци—вий. Ци—ци—вий.

Вот под праздник пошлют к обедне Васю и Алешу, а они припасут западёнки да и ловят птиц.

Тройная таинственность: удрали от обедни ловить, чтобы никто неувидал и кабы птицы не замели.

Объяснялись жестами, наблюдали с диким волнением и уж если захлопывала западёнка кузю или жулана—бежали снимать, угорело скакали, присядали от счастья.

Была у них балагушка своя в угоре около дома в ёлках и там птицы в садках висели и — главное — покурить можно мох, выдерганный из бани.

В балагушке все затеи придумывались и мальчишки туда заходили по разным делам и всегда тихонько, таинственно.

И всегда эти мальчишки чтонибудь стянут, вымнут.

Раз Вася—Алеша пришли в балагушку и смотрят: крыша отодрана и все садки с птицами украдены.

— Вот те на.

Решили, что спер Санко Зеров или болотские. Все таки часть у Зерова нашли.

Зеров—тоже птицелов на монастырской—если идти в Слудскую церковь всегда видать в окна бедного дома садки с птицами, а сквозь тын забора шестик с перекладинкой и западёнка висит со щелом или с кузей.

Братья Зеровы не хуже умели ловить и рыбу—поэтому Вася—Алеша их уважали.

У Васи — Алеша — Пети в комнате жил один клёст—совсем их приятель.

Клест свободно вылетал из садка, сам открывал перекрещенным носом дверцу, находил себе что надо: иногда промокашку из тетради утащит в садок и разорвет на мелкие кусочки, иногда хлеб стащит и поет—разговаривает.

Стали окно открывать на улицу, а клест полетает по елкам и снова прилетит.

Вася—Алеша уехали куда то на дачу что ли—на несколько дней — приезжают, а клеста нет—значит нянька или кухарка закрыли окно, когда клест улетел и забыли про него, а он наверно стучался.

Вася ревел и ворчал на няньку:

— У бабы несчастные.

Жалко было друга—квеста.

Еще большими друзьями Васи—Алеши были собаки: Кукла и Верный, дворовые, хохлатые.

И все слова понимали, все движенья, все чувства.

Много раз Вася—больно надерганный за волосы за уши — за шалости — уходил в слезах к друзьям—собакам и те тепло прижимались к нему, лизали руки, утешая, успокаивая.

Были случаи когда Верный и Кукла бросались на рассерженных кричащих во дворе тетю или дядю, спасая Васю от побоев.

Зато эти друзья—если видели Васю веселым—звонким—с радостным лаем скакали вокруг и возились отчаянно.

Из товарищей—мальчиков к Васе часто приходил Саша Потапов — с Набережной—и у него Вася научился играть на гармошке, которая стала тоже одной из нежных подруг.

Но самой желанной и близкой подругой всегда была — книга.

Вася читал очень много и все—что только ему попадалось — от Гоголя до жития Иоанна Кронштадского и всех святых.

А про разбойников Яшку Смертенского и Стеньку Разина он мог читать по тысячу раз, покупая эти книги на базаре.

Особенно он полюбил Стеньку Разина, да так горячо полюбил, что с Алешей—Петей и всеми мальчишками и где только можно он затевал игры в разбойников, а сам был Стенькой Разиным, раздавая все свои богатства и складывая голову за друзей своих—за народную понизовую вольницу.

Игры в Стеньку Разина продолжались целые годы, как только подходил случай развернуть сбою удадь.

Сеновалы, сараи, балагушки, лабазы, деревья, лог с норами—все было к услугам шайки разбойников.

А чулан с шаньгами, со сливками, с пенками, кухня с разными продуктами и —особенно—шкаф в столовой—где хранились конфеты, печенья, сахар, варенье и вина—подвергались много раз удачному нападению шайки.

Слямзить, стяпорщить, стянуть, стащить—и потом честно разделить—были главными заслугами разбойников.

А уж самое главное—это какнибудь украсть из комода у тети несколько двугривенных на важные дела; надо купить пороху, пистонов (разбивали камнями), корму птицам, садок, западёнку дубовую, удочек, мешок для прикорма, кренделей, яблоков, конфет.

Расходов было густо.

Впрочем крупным приходом много помогали богатые Каменские, давая на гостинцы гостю Васе по трешнице, а то и по пятерке.

Всех щедрее на свете для Васи были дядя Николай и двоюродный брат Александр Петрович Каменские—люди с размахом, добрые, светлые, чуткие.

Главное же главнейшего из жизни шайки разбойников—Васи и Алеши—было забраться в красные лабазы на пристани, ловко подрезать перочинным ножиком какойнибудь мешок с изюмом или орехами или рожками, нагрузить за рубаху и удрать на сеновал, забиться в сено и есть добычу.

Вот где трепетало счастье.

Вася чавкался и думал; откуда эти сладкие мешки—куда их везут—и кто счастливый владеет ими так, что если захочет—съест сам весь мешок.

Ого—а сколько таких мешков и ящиков в огромных пяти лабазах—горы.

Вообще на буксирной пристани жили сплошь чудеса летом.

Всюду лежат якоря, цепи, смолистые канаты, бочки, везде бегают матросы, кричат, арестанты гру-зят, бабы с мужиками поют на баржах у мостков:

Эй качай наша качай
Знай раскачивай качай—
Наша ходко идет
Подается вперед—
Ходом ходом веселее
Мы покатим поскорее
Я вот идет—идет—идет
А вот идет—идет—идет.

И это—а вот идет—идет—идет—тянули пока из трюма баржи на веревках на палубу не вытащат груз.

Эта песня лилась непрестанно.

Или вдруг ночью — сквозь сон Вася слышит, как подходит буксирный пароход с баржами к пристани, как капитан и водоливы перекрикиваются в рупор.

По свистку Вася знал название любимовского парохода и капитана на нем.

Утром рано проснется и смотрит: перед окном три-четыре длинных баржи и впереди на якоре пароход, белый, важный.

Значит к дяде придет обедать капитан, а матрос принесет живых стерлядей или арбузы и яблоки.

Рыбу опустят в чан, за обедом—арбуз.

Прибытие снизу парохода было ярким праздником Васи и всех.

В два — три дня можно успеть обделаться под общий шум всякие дела незаметно: и дядя Гриша и тетя Саша отвлечены гостями, волнениями.

Милые, родные, белые, важные пароходы с баржами и без барж—пассажирские—вы столько много—щедро давали Васе удивительных радостей—праздников, что он до конца дней своих не забудет питать к вам — пароходы, баржи и пристани—светлые чувства благодарности от всей глубины любви, от всей раздольности восторженного сердца.

Зима.

А зимой—когда все кругом и Каму—заносило глубоким снегом—Вася с Алешей, вернувшись из школ, катались на лыжах, коньках, санках, делали катушку, поливали, мерзли, отогревались, снова бегали.

На Рождестве перво—на-перво славили Христа, ходили по родственникам и знакомым и даже совсем незнакомым.

Родственники — второстепенные — давали по 20 коп., знакомые по 10 к., а незнакомые по копейке или по шанежке—лепешке.

Одна старушка дала Васе марковку.

Зато Васины родственники Каменские (Трущовы туда совсем не ходили) давали Васе славленного всегда очень щедро.

Потом бывала ёлка, полно гостей, маскированный, —конфеты, —хлопушки, возня.

На месленнице увозили — на своей лошади всех ребят кататься по проспекту.

Ели оладьи, блины.

Вася узнал про то, что есть около базара балаган, где идут удивительные—забавные представления: об этом у дяди Вани рассказывал дедушка Волков.

Вася отправился туда.

На досчаном большом балагане с парусиновой крышей была вывеска:

— Цирк Камбарова.

Сам Камбаров—клоун с позументами, с лицом в крупчатке, кричал у кассы:

— Торопитесь покупать билеты — сейчас начинается небывалое зрелище или чудеса и разгадка тайн черной магии, со всех по гривеннику, а у кого рыжая борода—20 копеек.

Вася забрался на лучшее место.

Шарманка с барабаном, ловкий мальчик акробате трико—Вася Камбаров, гармонисты, танцовщицы, девочка на трапедии, дрессированная собака, маленькие нарисованные люди с большими поющими головами, Петрушка, сам смешной с бельмом клоун Камбаров—все это небывалое зрелище в ярких блестках и картинках очаровало Васю.

Он стоял около балагана в толпе целые дни, пил сбитень с плюшками, наблюдал и наконец торжественно рыцарски поклялся, что как только вырастет большим—поступит артистом в цирк и узнает все секреты закулисных тайн—куда теперь совершенно никого непускают, а там все — самое главное.

Начинался скучный длиннуший пост.

Зачем то заставляли говеть.

Одно утешенье — много неучиться и скоро весна.

На пасхе совсем чудесно—заутреня, новые костюмы, христосуются, яйца крашеные, куличи, сыр, под воротами качели, в бабки можно играть, кругом колокольный звон, надо на колокольную податься.

И через Каму ходить нельзя—лед синий, у берегов вода — вот тронется и снова пойдут пароходы.

Снова заживет буксирная пристань.

Вася опять будет Стенькой Разиным и отправится на добычу в лабазы.

И теперь будет осторожнее: а то он раз принес домой из лабазов плитку парафинового масла, спрятал и всю ночь неспал — все думал куда ему девать эту штуку.

Снова покажется жизнь — сплошным удивленьем—сказочным царством подарков.

Безпокойными будут ночи, нянька станет пугать домовыми—да лешими, а Вася с Алешей забьются с головами под одеяло и крепко уснут до мотовилихинского свистка.

Кем быть.

Вася рос неустанным затейщиком, неисчерпаемым изобретателем всяческих замыслов, вершителем, любопытство которого расцветало с каждым новым днем.

Это ничего, что ему иногда слишком горько жилось по-сиротски.

Больной, кашляющий, раздражительный дядя и нервная тетя часто зря били Васю неразбираясь в справедливости.

Но что—эти черные минуты обиды и слез значили перед вечностью приливающих дней, когда горячо и ненапрасно верилось в свободное великое будущее.

Вася всегда знал, что он будет исключительным, необыкновенным, высоким орлом над долинами будней.

Одаренный от природы внутренними богатствами, светлой гордостью, обаянием воли, красивой внешностью—он всюду мальчиком обращал на себя острое внимание.

Вот это обстоятельство и служило всегда причиной общего раздраженья против гениального Васи и в детстве и теперь.

Уж слишком не по плечу всем Вася.

Ведь право—прежде чем было понять его, почувствовать, познать — надо быть самому одаренным хоть немного или просто чутким—культурным.

А что было и есть кругом его—только бездарное мещанство, плюющее в солнцезарное лицо Гения.

И в лучшем случае—добрые люди, равнодушно улыбающиеся всему необычайному.

И маленький Вася знал это, интуитивно чуял, слышал из книг и потому никогда неосуждал, несердился, немстил, прощая своих обидчиков скоро и искренно.

Его великодушию небыло границ.

Он был и остался истинным ребенком. Он был и остался истинным мудрецом.

Никто и неподозревал, что десятилетний Вася серьезно пишет стихи, серьезно читает книги, серьезно мыслить, и в то же время умеет так серьезно и отчаянно шалить, что и в самом деле трудно предположить первое—мудрое.

Он всегда был одержим крайностями.

Светлая, утравеющая голова, взвихренная тысячами стремительных фантазий.

То он—Стенька Разин, жгущий костры в жигулевских горах на вольной дороге—или вдруг—храбрый путешественник Майн—Рида в тропической Мексике, то он—тихий рыболов на Каме живущий в избушке, или—знаменитый Поэт, чьи стихи в книгах и так опьяняют красотой, что кружится сердце от счастья праздничных слов.

Кем быть—вот вопрос

И он придумывает:

— Буду еще и Робинзом Крузо, и Жар-Птицей, и Индейцем, и Дон—Кихотом, и Лесным, и Капитаном Корабля, и Бродягой, и—это главное—останусь великим Поэтом навсегда.

Быть всеми, пройти все пути лучшей жизни, все пережить всех понять, полюбить, и стать навеки Поэтом — вот ответ.

Э то когда—взрослый, большой.
Так он клятвенно решил, обещал земле, сказал
небу, солнцу, птицам, траве.

И весь мир поверил, благословил.

Это он почуял всем существом.

А когда сказал людям вокруг — люди плюнули
ему в душу, стали смеяться, издеваться, хихикать,
стараться сделать ему больно, острообидно, чтобы
несмел быть гениальным—раз все они только рабы,
бьющиеся за существование, только серые, плоские,
незаметные.

Он знал это и прощал людям зло.

Он знал и то, что не за сиротскую долю ему
приходится много страдать, а за его внутреннее вы-
сокое дарование—никому из окружающих непонят-
ное и ненужное.

И пока он—маленький Вася—он берет лучшее
из возможного: жадно увлекается книгами дома, пи-
шет стихи, записки, прячет их в свой угол, светло
молчит, а на улице с Алешей играет в Стенку Ра-
зина, делая необходимые набеге,—в Путешествен-
ника, плавая весной на Каме на льдинах с шестом,—
в Орла, летающего с крыш служб на землю и не-
пременно в ветер,—в Капитана Корабля устраивая
из досок большой корабль (в ограде) и внутри полно
ребят—гостей, Алеша — повар, Петя — машинист.
Вася—на капитанском мостике. Саня, Нина Толя Вол-
ковы, Маня, Соня — пассажиры.

Или Вася играет в Охотника—он покупает на
толкучке старинный пистолет, набивает дуло поро-
хом, надевает пистон на капсулю и стреляет в столб
гигантских шагов (на горе): после оглушительного
выстрела в руках остается одна ручка от пистолета,
а глаза опалены порохом.

Но эта неудача пустяки.

Он удит с Алешей щеклею на Камских плотках,
тянется за клёвом и обрывается в Каму, рыбак еле
спасает его за волосы, и целый день Вася сушится
у костра, чтобы явиться домой сухим и веселым.

И тонет на Каме не один раз.

Ведь в жизни столько опасностей—а это только начало, проба.

Часто летом Вася видал как откачивают на берегу утопленников—страшно смотреть.

Надо быть сильным, ловким, гибким.

Он придумывает не игрушечный, а настоящий свой цирк: с Алешей покупают гантели, в сарае устилают землю пыльной мукой, устраивают трапецию, тренируются, борются, жонглируют, ходят с кровоподтеками.

На именины Васи (12 апреля) собрались гости—Маня, Нина, Толя Волковы и еще ребята, один из артистов цирка здоровый парнюга технического училища Коля Серебров взял гимнаста — Васю за ноги и метнул в воздухе сальто-мортале, Вася перевернулся лишнее — полраза — и вместо ног угодил в землю головой.

Именинника долго приводили в чувство.

Самая скучная из игр была — зимой ходить в школу: холодно, уши нос—руки мерзнут, в школе даже в перемену дурить нельзя, а на уроках будто нарочно спрашивают всегда такое, что не знаешь и ставят двойки с минусом, потом ставят в угол или стой за партой, а дома ругают, бьют, не дают обеда, на улицу не отпускают и реветь нельзя.

Ну и школа—чорт бы ее побрал.

Ученики ябедничают, учителя злые—всё в очки видят, нападают, рычат.

Из 25 своих учителей Вася любил только одного из городского—Поликарпа Гордеевича Андреева—учителя русского языка, красиво любовно объяснявшего теорию словесности и творчество и жизнь великих Поэтов.

Вася только по русскому учился с любовью, знал много больше школы, много заучивал стихов Лермонтова. Некрасова. Пушкина.

И всех лучше в школе читал Вася.

Зато геометрию и алгебру всячески проклинал,
боялся до ужаса треугольников и иксов.

Весной беглячил: будто уйдет в школу, а сам
на льдинах под собором плавает с углами.

— Истинное счастье лета приходило —когда пре-
кращалась дурацкая дрессировка в школе—Вася,
Алеша и Петя снимали серую форму, надевали ру-
башки и обегали весь берег, всю буксирную при-
стань и таинственно спускались к мосткам и по
городкам к самой воде.

Пароходская жизнь гремела.

И все, что делалось кругом надо было все ви-
деть, все слышать, все исчерпать.

И остаться—великим Поэтом.

Главное—сохранить детское сердце.

Так будет ярче мудрость и отчаяннее воля.

— Ну, поезжай дальше.

У дяди Вани

Домик sereneкий
На монастырской 50
Там за воротами ребята
Над крышей голуби висят.
У бани
В ограде дядя Ваня
Кормит куриц и гусят
(из детских)

Удивительный на свете дядя Ваня, лесной, птичий, рыбацкий, мягкий, уютный, общий, жизнерадостный.

Для всех дядя Ваня—дядя Ваня.

Дядя Ваня будто Робинзон Крузо: остров—его ограда, козы, птицы, хозяйство и все его любят.

Всю свою жизнь дядя Ваня отдал, ребятам, голубям, своей ограде и Пермской железной дороге (грубо неблагодарной), где он прослужил слишком тридцать лет кротко, честно, аккуратно за—грошное жалованье.

Славный наш—родной друг—дядя Ваня.

Пускай иных знаменитых Духом Искусства воспитали Пушкин или Толстой, Карл Маркс или Кропоткин, Эдиссон или Менделеев. Рафаэль или Ницше—меня же и—главное—Поэта воспитали дядя Ваня, Стенька Разин и буксирная пристань Любимова на Каме.

Дядя Ваня—страстный в Перми (и теперь) голубятник—не менее страстный охотник и рыболов.

Гоняет ли дядя Ваня голубей или сидит покупает—в голубятне (часто с мальчиками—голубятниками и серьезно с ними толкует) или охотится на рябчиков (ныне редко) или рыбачит на Каме—он истинный художник, обвеянный поэтической любовью к природе и к своему мастерству.

И дни настанут упования.
У голубинных душ—людей—
Восторжествует дядя Ваня
Гоняя триста голубей.

Быть может только у дяди Вани могло хватить столько чуткости и доброты, столько вниманья, чтобы иногда брать с собой на серьезную рыбалку на ночевку за Каму мальчишек Васю и Длешу.

А дома Васю и Алешу с пристани могли отпустить на ночевку рыбачить именно только с дядей Ваней — в качестве охраняющего.

Заботливый дядя Ваня все остальное сделает сам—перегребет на веслах через Каму, забьет заездок или поставит елку, опустит прикорм, закострит костер, поставит кипятить чайник, устроит закуску.

Когда уже начнется чаепитье дядя Ваня без умолку рассказывает ребятам вероятные и невероятные приключения и хохочет раздольно, играя остроумьем, яркой образностью, пылкой жизнерадостью.

А потом уложит спать ребят, приляжет сам, а чуть засветает он засуетится—заговорит шопотом, весь преобразится, заготовит удочки, на-скоро уладит чай и тихохонько на лодке с ребятами заедет на заездок.

И начинается уженье.

Шопотом, движеньями, мимикой, глазами дядя Ваня рассказывает ребятам чарующую поэму рыбной ловли.

Солнцевстальная озаренность, аметистовые туманы над Камой, струистое пенье птиц в кустах, булькающие всплавы рыбы, наши наплывки—вдруг клюнет подъязок или елец—водяные звуки, где то проплывающие плоты и далеко шумное хлопанье паровозных колес, и вот среди этой сказки—дядя Ваня с Васей—Алешей—опережающимися птенцами из гнезда буксирной пристани.

Вася трепетно думал:

— Какая удивительная жизнь впереди—сколько волшебных возможностей, сколько сокровенных глубинных тайн вокруг, сколько рыбы в Каме и сколько одних только Солнц—и откуда они берутся—если каждое утро новое Солнце—новое Тепло—новый День.

— Я после рыбалки у дяди Вани в ограде опять голуби, гуси, куры, ребята, черемуха и старые сундуки.

— У слудской церкви—идти мимо домой—за чугунной оградой в саду—рябина—еще неспела.

— Маня, Нина —дяди Ванины—гимназистки барышни и задаются, а Толя бегают за воротами, а Зина, Катя совсем утятя.

— Скоро привезут с низовья арбузы на парходах—большущие—черноярские—вот бы слимонить один в собственное распоряженье.

Так мечталось на рыбалке рыбаку Васе.

И после действительно появились голуби.

Моя судьба и с дядей Ваней
Желанно связана добром:
С Алешей—Петей мы над баней
Держали голубей втроем.
А жили на буксирной пристани
На чалках весело качалиться
Мы были близки к Каме—к истине
Но Соня выросла—и вот печалится.
(Поэзия—Моя карьера)

А как стала созревать рябина у слудской церкви—
дядя Ваня впервые взял с собой в лес на охоту
Васю.

Ну уж там—в лесу—с шомпольными ружьями
у дяди Вани и у Васи—за каждым деревом и каж-
дой колодиной—нестерпимое множество всяческих
чудес и загадок.

Как только вынесло маленькое сердце Васи
столько великих восторгов—столько опьяняющих при-
ключений — столько охотничьих очарований и слож-
ностей до слез.

Дядя Ваня казался в лесу—богом—особенно
когда вдруг застреливал рябчика—о это обсто-
ятельство представлялось непостижимым подвигом —
почти землетрясением.

Отдых же дяди Вани у костра (прикуривал он
от сучочка из огня, прищуриваясь) был для Васи сча-
стливым мгновением когда дядя Ваня снова рас-
сказывал о лесной жизни рябчиков и так красочно
тонко, что у Васи пересыхало горло и останавли-
валось дыхание.

Дядя Ваня говорил:

— Вот иду я раз по лесной прогалине и вижу
рябчиха разгуливает с рябчатами—а те еще с во-
робья малые—заметила рябчиха меня и заклоктала
на своем языке—вижу рябчата рассыпались и каж-

дый перевернулся брюшком вверх, лапками притянул на себя по листочку и никого невидать стало, а рябчиха скрылась в валежнике—ну масть их еры—ловко.

Вася слушал и изумлялся изобретательности всюду—где только дело касалось живых существ. Вася понимал ясно: какая значит необходима изворотливость, умность, быстрота, смелость, находчивость и гибкость, чтобы жить дальше, чтобы научиться быть ярким, сильным, сочным и научить других торжествовать разумом.

Авторитет дяди Вани увеличивался еще тем обстоятельством, что его отец — милый дедушка Волков (ныне его нет в живых) был истинным мастером—рыбаком и последние годы вплоть рыбачил на Черном лесном озере—где устроил себе сказочную избушку и уж у дедушки Волкова были такие муоречье удочки с колокольчиками (клюнет—позвонит рыбаку) и стаканчиками наплывы из осокори—самодельные, что дедушка Волков казался недоступным облаком — такой он был настоящий подвижник.

И рыбы дедушка Волков приносил домой большие—ох и щуки были—зубастые, пестрые, вкусные.

Катерина-третья жена дяди Вани (вторая была родной сестрой матери Васи) готовила пышные пироги и варила душистую уху из дедушкиной добычи.

А какие канарейки выводились у дяди Вани—поют будто рассказывают, что живут в домике дяди Ванином и видят много звонких чудес, слышат много в ограде голосов, знают много о том, что будет впереди.

Ну что в сравнении с этой святой жизнью, воспитание на сочиненьях Пушкина или Толстого.

Само собой—их читать школьникам может быть надо, но воспитание дяди Вани—идеальное воспитание, потому что оно от творческой Интуиции, от детства Мира, от мудрости отрешенья, от истинной поэзии, от внутреннего богатства Личности, от куль-

турнаго покоя: хочу быть только Человеком во славу
Единого Равенства и Безвластья.

Дома с дядей Ваней равны и голуби, и ребята,
и небеса, и черемуха.

Анархизм дяди Вани рожден Молодостью от Ве-
чности, от Природы.

Дядя Ваня—друг всех пришедших к нему в ог-
раду или в дом.

Дядя Ваня может быть другом великих и малых,
сильных и слабых, талантливых и бездарных.

И он всех поймет, всех впитает, всем удивится,
всем будет благодарен и все найдут свою душу —
свое сердце в нем.

Мудрец, Анархист, Поэт— футурист, художник,
Путешественник, рабочий — все—если когда нибудь
зайдут к нему—все станут его друзьями.

Дядя Ваня для всех—дядя Ваня.

И весь его старенький домик — светлая вечер-
няя песня у костра где нибудь на Каме, песня о тихом
рыцаре, котораго слушались бушующие волны Оке-
ана и стихали во имя тишины рыцаря.

Если учат Солнце, Земля, Вода, Звезды. Люди,
то дядя Ваня научил Василья Каменскаго быть По-
этом мудрого покоя, ласковым ребенком Времени,
желанным гостем его домика.

У дяди Вани можно отдохнуть.

Я и корабли.

За Камой в ночной рыбалке на заездке Вася с Алешей ловили подъязков, ершей.

И всю ночь на пристани выла собака.

Вася чуял, что не к добру это.

Вернулись домой, а больной дядя Гриша умер.

Народ, все молча хлопочут, священники, ладан, слезы.

И разом изменилась как то жизнь.

С одной стороны печаль—жалко дядю Гришу—а с другой—радостное освобожденье.

Дорога самостоятельности.

Почти юношеский возраст, иные затем, иные чувства.

Постоянная озабоченность тети Саши, оставленной с ребятами без средств, ее внутренняя перемена характера—к вдруг лучшему—действуют на Васю глубоко, раскидывая Его мысли возбужденно, затейно.

Он весь полон решений что то резко изменить в жизни—дальше.

Кое как он доучивается до весны, отдав зимние вечера запойному чтению книг, а весной поступает в Гл. Бухгалтерию Пермской железной дороги конторщиком.

И первое время не говорит об этом дома.

С пристани, из родного дома—где все выросли—тете Саше с семьей хамские хозяева Любимовы предложили выехать: за это дядя Гриша им прослужил честно 30 лет.

Больно нестерпимо было расставаться с домом—с детством—с берегом, усеянным лодками и плотами—с пристанью—с угором—с чаном и елками.

Переехали на Монастырскую улицу—около дяди Вани: большое утешенье.

Сестра Маруся выходит замуж за Н. Ф. Кибардина: свадебный шум, гости, вино, шаферство, велосипеды, барышни, семинаристы, крахмальные вортички.

Так началась городская жизнь.

Тротуары, служба, много людей, домов.

Васю в управленьи стали некоторые звать—Василий Васильевич.

Кончено с солнцерадостным детством.

Я—стал Я.

Я стал личностью, почти человеком, к которому серьезно обращаются люди с бородами, мне платят жалованье 20-го, как всем, я вдруг переродился, изменился.

Я стал конторщиком Каменским.

Среди взрослых сослуживцев я старался чувствовать себя почти взрослым.

Мой начальник—П. И. Высотин—гуманная личность отнесся ко мне светло, ласково

Мои сослуживцы—Прокопович, Сережа Чебыкин, Ваня Гоголев, Домбровский. Тяпкин—стали приятелями по службе.

Потом я в управлении подружился с двумя сестрами О. И. и В. И. Кульгинскими (В. И. жена П. И. Высотина)—у которых часто и благодарно гостил, пользуясь нужным вниманьем.

Интеллигентная семья Высотиных была моим родным первым духовным уютом — теплом—здесь любили писателей, много читали.

Я начал серьезно охотиться, уезжая в глубь Урала.

И раз даже забрался с ружьем в свою родину— в Теплую гору и было так странно слышать в деревнях и на золотых приисках рассказы о моем отце.

Охота по лесам меня опьяняла, колдовала, волновала.

Глухари и рябчики заполнили мозг.

Я задыхался от увлечения и конечно часто промазывал.

Хотелось навеки остаться охотником в лесу— о службе и городе недумалось.

Через год я перешел — с двойным повышением— в другой отдел—в службу Движенья (где служил дядя Ваня) к Н. С. Анферову.

Мне везло: Н. С. Анферов и его жена Ольга Александровна чутко, близко приняли меня настолько, что я — ради абсолютной самостоятельности — переехал к ним в отдельную комнату на хлебником, часто навещая сестру Марусю, дядю Ваню, тетю Сашу, Высотиных.

А перед этим я—или истиннее—Поэт во мне— совершил целое чудо: я взял отпуск и никуда до сих пор невыезжавший из Перми — уехал в Крым— в Севастополь, к морю.

Мне так невыносимо хотелось увидеть море и корабли.

Дальше.

Почуял.

Все виденное мною в Севастополе навеки опьянило, очаровало, ошеломило мою душу, буйным ветром разнесло мои мысли, а сердце наполнило ароматным, выдержанным крымским вином.

Глаза Поэта навеки пронзились безбрежно-солнечным светом утренняго моря.

И почуял Он творческую волю Свою, музыкальную, стройность природной напевности, врожденную способность сочетать ощущения Мира в образные слова.

Трепетный очаровательный Юноша целые дни стоял перед сияющим морем и неотрывно жадно смотрел вдаль—куда плавно—безшумно, таинственно ухилили важные громадные корабли.

И—главное—невидать было их берегов.

Впервые Он решил записать где нибудь на клочке Свое яркое удивленье.

Зачем—Он недумал—для себя на счастье.

Пусть будет песней души.

Я потом—пошел Он в порт—поближе к кораблям—ух, и здоровенными же близко-то показались эти корабли.

Один корабль у пристани Он даже потрогал.

Дебют.

Вернулся в Пермь—взволнованный, задыхался от неумения рассказать, как видел море.

Снова началась нелепая служба.

Мои славные товарищи Саша Реутов, Коля Мусатов острили надо мной, замечая мою нездешность и полное нерадение к делу.

Начал печатать статейки в пермском крае.

На лето переехал я на дачу — в деревню Васильевку — здесь близко познакомился с известными тогда и теперь в Перми светлыми политическими деятелями: П. Я. Матвеевым, Засулич, Каменевым, Бусыгиным—все они служили тоже в службе движенья.

П. Д. Матвеев—популярный демократ—не раз пострадавший—оказал мне много духовной помощи в смысле политического сознания свободного гражданина.

В Васильевке я с студентом Ионой начали издавать рукописную газету—где Поэт поместил Свои гражданские рассказы.

Но больше я увлекся основавшимся театром в Васильевке: стал играть главные роли простаков.

А осенью в Перми отправился к режиссеру в городской театр и бесплатно предложил свои услуги последнего актера.

Для первого дебюта меня одели толсто кучером, намазали, парикмахер клейко приклеил бороду и меня отослали кверху на колосники в мастерскую декоратора — пока непозовут на выход.

Я терпеливо ждал часа два, вспотел, устал, вдруг стали тушить электричество—я бросился в темноте книзу, путаясь в кучерском одеянии—оказалось, что спектакль кончился, а про меня забыли.

Собравшись уходить домой парикмахер с остервенением сорвал с меня бороду так, что неделю из моих глаз сыпались искры, как из паровой трубы.

Другие выходы были удачнее и сезон кончился тем, что я решил серьезно поступить на сцену—от службы отказался

Под покровительством актера Н. Помпа-Лирского (из зимней труппы Никулина) весной я переехал в Москву—в театральное бюро—предварительно вручив Помпа-Лирскому все сбереженья пенсионной кассы в 350 рублей—взаимы (с явной без отдачей).

Дальше.

В Актерах.

В Москве я вступил членом театрального бюро под псевдонимом Васильковский.

Помпа Лирский устроил меня на зимний сезон к Леонову в Тамбов на вторые роли, а на лето предложил мне служить у него в товариществе на марках.

Я ясно непонимал, что это за марки такие, однако рыцарски согласился,

Мы—артисты—человек двадцать выехали во главе с Помпа-Лирским в Новызыбков, Черниговской губернии.

Имя актера Васильковского появилось в афишах—я возгордился.

Заказал визитные карточки, ходил в убийственном рыжем костюме или в сюртуке, брови, глаза подводил, носил много брелоков, колец, гулял на публике.

Отчаянно нравился евреечкам—гимназисткам—они кричали мило:

— Ай шейне, ай мишигинэ копф.

Играл хорошие роли и был вроде управляющего—составлял афиши, программы.

Брал разрешенья.

Сначала дела шли гладко.

Летний театр в саду слегка наполнялся.
Актеры: Цветков, Травин, Юматов, Гурко, Качурин, Помпа-Лирский, я— Васильковский,—пользовались успехом.

А как пошли дожди—все провалилось.

Никаких марок не стало—делить нечего и есть—пить нечего.

Начались скандалы.

Целый день — солнце, а как вечер—перед спектаклем—проливной дождь.

В один из таких дождливых вечеров перед немного собравшейся публикой мы—почти все артисты — уже заgrimированные — залезли в оркестр, схватили кто какие попало инструменты и под дирижерством Помпа-Лирского стали играть марш.

Во истину это было торжество какофонии—с горя да досады.

Я бил сумасшедше в барабан.

Публика спрашивала:

— Ну и что это значит

Потом труппа разделилась на две части и одна — верная Помпе-Лирскому—к которому принадлежал я — решила ехать в Клинцы и Стародуб.

Перед отъездом мы—обе части учинили драку из-за театрального имущества и стали лупить друг друга корневищами с землей (выдергивали из огородов) от подсолнечников по башкам.

Помпа—Лирский вскочил на извозчика и размашивая палкой обратился к публике вокруг:

— Православные христиане.

Речь успеха неимела.

Помпа-Лирский забыл, что нас окружало еврейское население.

Всех посадили в участок в одну кутузку—на нары: тут мы примирились

В Клинцах и Стародубе дела поправились.

На Зимний сезон я уехал служить в антрепризу Леонова в Тамбов.

Там дело было солидное, серьезное.

Из талантливых помню: П. И. Чардынина, Аксагарского, Соколова, Новского, Славянову, Аненскую, Мравина, Неметти.

П. И. Чардынина вспоминаю особенно благодарно: он писал въ газетах и производил культурное впечатление.

В Тамбове с другом Новским увлеклись водочкой и впервые по земному женщинами.

Но то и другое скоро бросили: стало противно.

Я всегда предпочитал иное опьянение, иные соблазны.

Восходяще во мне Поэт в пламенных фантазиях заклинал меня оставить актерство—эту бутафорскую жизнь, уехать куданибудь далеко в горы, к морю, к весенним возможностям, к песням, к чудесам во славу расцветной молодости.

Хотелось жить легендой.

Затеять рыцарское

Совершить чтонибудь удивительное, большое, вольнотворческое—дальше.

Ведь вся жизнь была в моей воле—в моих руках—в моих силах—надо только было неошибиться, не пропасть, незгинуть зря.

Приближалась весна—кончался сезон.

Уехал в Москву.

Наташа.

К Апрелю (1902) все мы—артисты труппы Дарьяловой, законтрактованные в Театральном Бюро, из Москвы съехались в Севастополь.

Из товарищей помню талантливых: Тамарова Мишу [ныне часто выступает на экране]. Ватина, Яновскаго [внука Гоголя], яркую М. Юрьеву.

Я—под своим псевдонимом—Васильковский.

Дело провалилось.

Приехал знаменитый М. М. Петипа на гастроли—неспас, запировал, уехал: на что мы ему.

Труппа стала голодать.

Среди малочисленной публики в ложе гимназисток я начал замечать одну—неземную, с глазами будто друга, и узнал, что ее зовут Наташей Гольденберг.

К маю труппа разъехалась.

Я один остался, полюбивший в первый раз рыцарски беззаветно, огненно, священно.

Я даже не смел подумать какнибудь подойти познакомиться: этого хотел Поэт.

Он в пламенно-юношеских мечтах вознес Наташу на нездешнюю высоту любви и стал писать повесть—в форме дневника—под заглавьем Наташа Севастопольская.

Глаза мая на море цвели бирюзовно до изумрудности.

Он проводил дни на приморском бульваре у са- мой воды на камнях — на солнце.

Лениво кричали качаясь чайки.

Корабли проходили виденьями важно-
безшумно.

Где-то в порту гроыхало железо.

Около играли дети, бросали в воду.

Поэт жил стихами — повестью о любви.

Вечером на бульваре—симфонический, Наташа, возможность познакомиться.

А я так жить не мог: мне нужны стали деньги, заработок.

Я нашел два великолепных урока—у директора банка Ф. А. Тащи [занимался с гимназистом Костей] и у купца Д. Сотскова [с мальчиком Алешей и институткой Женей—по русскому—теория словесности]—эти две семьи отнеслись ко мне дружески светло и тепло.

После актерской голодовки я ожил, поправился, повеселел, разошелся, прифрантился.

Нашел еще урок—и зажил во всю колокольню.

И так широко, что Поэт согласился написать Наташе единственное большое письмо, полное земных желаний познакомиться ближе.

Я верил искренно в успех и ждал дружеского отвѣта: ведь она при встрѣчах улыбалась радостно, призывно, обещающе.

Однако ничего Наташа неотвѣтила: какое ей дело до любви Его и моей.

С актером Васильковским в рыжем пальто вероятно шокингом считалось знакомиться благородным девушкам.

Стыдно стало за большее письмо к Наташе—
Поэту и мне.

И нестерпимо больно встречать ее гордую.

Но Поэт неосуждал—Он только отчаянно загрузил, да так загрустил, что целые Ночи напролет просиживал в ночных турецких кофейнях за чорным кофе и плакал горячо, глубинно, одиноко.

А на рассвете ходил мимо дома ее и мученски страдая спрашивал:

— За что.

Он перестал писать повесть о любви.

Однако встречи с Наташей остро волновали—
Ему еще верилось в ответственность—Он ждал, горел, любил.

Напрасно.

Капитан торгового корабля—сыну которого я давал уроки—предложил мне на рейс прокатиться в Турцию, по берегам в Трапезунд и Константинополь.

Поэт встрепенулся—я бросил уроки.

Корабль вместе с товарами увез печаль Его к босфорским берегам.

Трапезунд встретил путешественника грозным штормом, отчаянной качкой, воем сирен, зато Константинопольский пролив успокоил небесным покоем, сказочной красотой приветного слиянья двух морей.

Константинополь с семьюстами мечетей и величественной гаванью Золотого Рога, с карабельными верфями и чудом византийского искусства—Ая София с ярчайшей пестротой восточных народов, мечетью Солимана, Перой, Далма-Бахче, Кадикной, Галатой, огромным ковровошелковым базаром, кофейнями—произвел на Поэта впечатленье волшебства.

Опьяненный Поэт закружился в улицах, втопился в базар, переключивал из кофейни в кофейню наблюдая народ.

Он забылся в увлеченьи.

Нехотелось оставлять Константинополь, а было надо: уходил корабль в Россию и приближался срок актерского контракта с Кременчугом.

Возвращение и Севастополь показалось скучным: слишком много сердечной обиды оставалось тут.

Дальше.

Я уехал в Кременчуг.

И там на песках осеннего Днепра ждаль начала сезона у Филипповского.

Смена товарищей: Гурко, Б. Светловъ, Ф. Я. Яковлева, Родюков, Скуратов, Вельский, — развлекала меня от крымской грусти.

Я сильно скучал по Наташе.

Поэт видел ее во снах, во встречах с другими.

Моя большая работа над актерством скоро меня ярко выдвинула—мне очень повезло и молодежь—особенно гимназистки—горячо полюбили меня и бурно принимали.

По окончании сезона весной я укатил в Николаев, в гости к Илюше Грицаеву, у отца которого была контора похоронных процессий.

В интересах удобства проказ (шлялись ночами по кабачкам) мы изъявили охоту спать в складе гробов.

Илюша выбрал мне (склад завален — кроватей не было) дорогой в 125 рублей дубовый гроб и мне пришлось спать на мелких стружках в гробу на коленкоровой подушке, в отдельной комнате.

Себе Илюша выбрал металлический гроб в 90 р.

Первые ночи спать с непривычки в гробу среди кучи гробов было жутко, а потом привык — что делать—зато пировали.

Один раз меня послали обмерять старушку-покойницу.

В Николаев на Пасху приехала в театр труппа ныне знаменитого Вс. Э. Мейерхольда.

Я устроился служить у него.

И Мейерхольд первый за все время моей актерской карьеры поразил меня своей интеллигентностью, культурой, вкусом, духовным обаянием, темпераментом.

По скромности и опыту я даже непредполагал, что режиссером может быть такой порядочный и культурный человек.

Один раз Мейерхольд организовал вечер поэзии шумевших тогда декадентов—В. Брюсова, Сологуба, Бальмонта, В. Иванова, Блока, Андрея Белого, Кузьмина и назвал вечер—Литургия Красоты (в сукнах, со свечами, аналоем).

После этого вечера стихов Поэт мне особенно громко крикнул:

Дальше от актерства.

Я был побежден и совершенно покинул театр пошлой драмы жалкого провинциализма, театр, которой я наивно идеализировал и который был только союзом любителей-неудачников драматического искусства,—обществом забавной борьбы за существование.

И только забавной.

Отдельные таланты гибли, таяли в удушливых ядах всеактерской бездарщины.

Я уехал в Пармь обрадовать родных, что бросаю к чертям сцену.

Дальше.

1905^й.

Заводский уральский городъ чугуна, медной руды и золота — Нижний Тагил приютил меня таксировкой в товарную контору станции на 30 руб. в месяц.

Я служил с 6 час. утра—до 6-ти вечера.

В конторе среди сослуживцев было трое сильно чахоточных, постоянно кашляющих.

Один говорил топотом.

Забитость, рабское молчанье, тяжкий труд, нищенская жизнь, сыск начальника станции Кузнецова, кроткие, безропотные товарищи—сделали меня борцом за светлую долю.

Тайно я вступил в партию социалистов-революционеров среди рабочих завода и железнодорожных мастеровских.

Чтобы увеличить влияние и заработок я начал сотрудничать в екатеринбургских газетах—Уральская жизнь и Урал

Стихи и некоторые статьи подписывал—Василий Каменский.

Поэт был настроен граждански.

Сотрудничество в газетах—на службе и в партии принесло мне популярность.

Я начал выступать на литературных вечерах завода—в клубе.

С учащимися, чаще с рабочими, иногда с сослуживцами организовывал лесные прогулки, маевки, рыбалки и там—на свободе—пели революционные песни, говорили о необходимости борьбы за идеи человечества.

Я пробовал говорить речи, учился держать себя убежденно, твердо.

Мне очень всегда хотелось жить оратором.

Нехватало эрудиции, размаха культуры.

Я волновался, стеснялся, стыдился.

А товарищи поддерживали страстно.

Горы прочитанных книг помогли мало.

Небыло образования, учености, все кругом был интуицией, стихийностью, чутьем и многие считали меня необыкновенным, удивительным, оригинальным.

И все любили, баловали меня исключительным вниманием за искренность, доброту, товарищеское сердце, вольность.

Иные же—с кем толковал о революции (в лесу)—относились с великим внутренним уважением, преданностью.

Весной (1905) чуть не пропал в земской больнице от дифтерита острой формы.

Осенью вспыхнула первая российская революция.

Я весь, всей головой отдался освободительному движению.

После 17 октября я начал открыто энергично действовать.

Митинги, собрания, резолюции.

Захват станции, поездов, телеграфа.

Меня избирают депутатом в Пермь на съезд всех депутатов железной дороги.

Вернувшегося меня избирают в исполнительный забастовочный комитет (огромный район станций и мастерских) Председателем Депутатов.

Мои политические речи действуют гипнотически, энтузиазно, огненно.

Товарищи меня качают, идут в бой, клянутся умереть за свободу, поют песни.

Я проведу полную автономию Нижнего Тагила на время революции, я сливаю всех с заводскими рабочими в единую семью, целые дни и ночи ораторствую на заводе.

И вдруг—черная пасть контр-революции—Петербург спасовал.

Царский террор в разгаре.

Разстреливают, бьют, арестуют.

Полиция взялась зверски.

Меня ночью хватают врасплох и бросают в тюрьму.

Через два дня народ штурмом берет мое освобождение и товарищей.

Несут по улицам на руках с песнями.

Еще некоторое время скрываюсь в квартире машиниста.

Потом находят, хватают и под усиленным конвоем увозят в глухую, но огромную Николаевскую тюрьму Верхотурского уезда.

Дорогой я пытаюсь уговорить конвойных и жандармов дать мне возможность сбежать—напрасно.

Ну что-ж.

Дальше.

В одиночке.

Тюрьма.

Январь 1906.

Реакция—чорный террор—царизм.

Николаевская тюрьма (Верхотурского у. около Нижней-Туры) знаменита уголовными и политическими знаменитостями.

Там побывали многие из теперь здравствующих во славу Свободы.

Меня замуровали в одиночную камеру № 16—все одиночки в подвале, глухие, узкие, с маленькими высоко оконцами, с привинченными к стене койками, в углах параши.

Начальники—зверье-палачи.

Надзиратели—собаки цепные.

Истинная кровопийственная николаевщина.

Арестантов бьют по лицу палками, шашками плашмя, карцеры заполнены, в канцелярии тюрьмы большой царский портрет.

И вот в такой обстановке потянулись дни вечности.

Кормят отвратительно, гулять по дворику отпускают 6 минут в день.

Мысли в больной голове заживопогребенного, забытого.

А еще так недавно верилось в подобное шествие революции.

И свежи были в снах светлые голоса товарищей рабочих, говорящих свято-призывно.

Пробуждение под звонок в 5 ч. утра угнетало.

Еще ведь 3 часа горели лампы до света.

Шли недели, а потом и месяцы.

Смутные известия с воли рисовали картину черного пира палачей среди виселиц.

Реакция торжествовала.

Подходила весна—март.

У меня выросла большая рыжая борода.

Иногда я делал гимнастику.

Появились вновь арестованные и с ними книги: Маркс, Каутские, Луначарский, Чернов, Пешехонов, Герцен, Крапоткин.

Все эти книги мне передавались хитростями на улице в снегу и даже газеты.

Я зачитывался.

Стал усердно изучать французский и делал переводы: матерьял был с собой.

В апреле на пасхе меня посетили — сестра Маруся и тетя Саша—свиданье длилось 15 минут.

Потом прилетели птицы—принесли тепло, песни.

Поэт вдруг всколыхнулся, посветлел, ожил, расправился.

Будто Он почуял Волю: начал писать стихи.

Привезли в тюрьму еще кого—

Снег от солнца растает—

Развейся судьба алошелково

Все равно Весна расцветает.

Давайте в небо взглянем

Довольно святой кротости

Эй рабочие—крестьяне

Бунтуйте во имя Молодости.

Мне тоже хотелось верить в освобождение, но причин небыло.

Однако прошел и Апрель.

Поэт неунывал—писал стихи.

Я же стал нервничать: май слишком был май и нехотелось сидеть.

В средних числах вдруг по всей тюрьме среди политических объявили голодовку товарищескую.

Начали голодать — день, два, три.

Это был протест против избиения в одиночке крестьянина—депутата администрацией.

Голодать было трудно первый день и второй а потом ничего.

Больные лекарства выбросили.

Наехали власти из Перми.

И тогда многих освободили и в том числе меня, но с обязательством постоянного надзора полиции и невыезда из Нижняго-Тагила: меня освидетельствовали и признали здоровье скверным — поэтому только уволили.

Я дал массу всяких подписок о невыезде (в тюрьме), а как только доехал под надзором до Н-Тагила—то ночью же ловко скрылся в товарный поезд до Перми.

Там на пароход и укатил в Крым—в родной Севастополь—дальше.

Через неделю тюрьма казалась идиотским сном, кошмарной черной болезнью.

Будто я сорвался с вислицы.

Поэт сиял и прыгал на берегу моря.

Пестрая судьба.

Снова майское море, ленивые под солнцем чайки, корабли, дельфины, высокий воздух, ялики.

Снова я на берегу приморского бульвара, на камнях.

Набираюсь приливного света — здоровья, а здоровье сильно убавилось.

Внушаю себе декоративные радости, преувеличиваю красоту.

Прохожу мимо пустого дома Наташи—их нет—давно уехали совсем.

И все стало не то — чужое, одинокое.

Схожусь с флотскими революционерами.

Дружу с лейтенантом А. Кусковым, другом лейтенанта Шмидта.

А. Кусков — уже исключенный от службы—накануне ссылки в Сибирь.

Мечтаю о поездке в Константинополь еще раз и Кусков устраивает у знакомого капитана торгового корабля.

Снова Константинополь.

Корабль стоит 4 дня в гавани и я успеваю по прежнему восторгаться византийским очарованием, фескоголовой, яркоцветной толпой, встречаю на базаре семейство диких, одежды которых растенья, а у девочки на груди пустой кокосовый орех и там живет змея.

Из кофейни в кофейню перебегаю: всюду масса интересного.

Покупаю кальян старинный эмалево-стеклянный с кожаной кишкой— на память.

Капитану нравится, что я умею писать стихи и хорошо читаю.

Он устраивает мне торговую поездку в Персию — в Тавриз—Тегеран за шолком.

Еду туда—в царство ковров.

И вижу дивные реки Джагату и Аджи-чай, озеро Урмию, караваны верблюдов.

Встречаюсь с Персидскими революционерами мед-желеса.

Покупаю в Тегеране на базаре несколько старинных вещей на память.

Возвращаюсь Каспийским морем, Волгой до Нижнего Новгорода—дальше.

Оттуда в Петербург.

Месяц готовлюсь к экзамену на аттестат зрелости, сдаю в василеостровской гимназии, поступаю на высшие сельскохозяйственные курсы и одновременно слушаю лекции в университете, на естественном.

Курсы основали профессора университета (Адамов, Каракаш) и здесь работали пожалуй интенсивнее.

Студенты курсов выбрали меня от эсеров старшиной.

А в девятой аудитории университета по вечерам партийные дела.

Началась студенческая жизнь.

Мои богатые двоюродные братья Александр Петрович и Петр Петрович Каменские и—после—Марья Викторовна Вабинцева (Из Перми, сестра Августы—впоследствии жены)—слегка помогали.

На курсах дружу с товарищами Колей Косач и его сестрой Марусей.

Потом и вся семья Косач — еще Петя, Вера и врач — генерал — все становятся друзьями: здесь я провожу лучшее время, живу светло, культурно, радостно.

Маруся кончала филологический, чутко была подготовлена к новой литературе и несомненно влияла на мое самолюбие печатающего Поэта в истинную сторону.

Я полюбил Марусю.

Мы стали кристальными друзьями.

В неразлучности духовной и земной дружбы, мы обрели право называться сильными детьми своей вольной Современности, мы без берегов радовались приливающим дням во имя своего гордого сознания культуры

Грядущее обещало нам победное торжество.

Нас закалял в борьбе царящий тогда чорный тер-
пор — мы много работали, учились.

На все лето я уехал в Московский уезд, в экономию Карамышево вместе со всеми студентами на практические занятия по агрономии.

Там мы создали студенческую коммуну, много занимались: слушали лекции, работали с микроскопом по анатомии растений, группами ходили с профессорами по лугам и лесам, собирая насекомых, червей, паразитов, изучая на месте флору и фауну.

С профессором лесного института Сукачевым ходили в дальние экскурсии на озера для общего исследования.

Сами вели огромное молочное хозяйство экономии, доили, наблюдали, практиковались.

В конце лета зачета ради желающим были даны разные участки для самостоятельного исследования флоры и фауны — по составу которых должно было определить прошлое, настоящее и будущее данного участка земли — и представить диссертацию.

Мне дали большой лесной холм, заросший по краям смешанными деревьями, а — в середине высокими соснами.

Осенью я с успехом сдал свою диссертацию — знаменитый профессор Сукачев, искренно меня поблагодарил за работу.

Я определил, что в историческом прошлом жизни земли — в четвертичном периоде (пост—плиоцен) об-разовал дюну ветронаносным песком.

Было разобрано поступательное движение этой дюны до настоящего дня.

Под соснами оказался здоровый еловый подрост, который указывал мне что через 15—20 лет вся со-сновая роща исчезнет и ее заменит еловый лес до новой смены — лиственной.

Жизнь леса я изучал с такой любовью что по-строил себе землянку в роще и жил, иногда ночуя на кронах сосен, где я устроил себе колыбель, вспо-миная жизнь предков, живших на деревьях.

Зимой я учился дальше.

Начал занимался живописью.

По прежнему дружил с семьей Косач ставшей родной, своей, дружеской.

В январе отношения с Марусей как то вдруг не-ожиданно для меня изменились — и до сих пор я не знаю причины разрыва — мы странно расстались.

Я без границ горевал.

Мне невезло в идеальной любви, а Поэт был на-строен идеально.

Я чувствовал какое то несоответствие между мной — человеком реальности и Им, ищущим не-здешняго блаженства.

В чем то таилась глубокая ошибка, нелепость.

Но сильный и свободный орел — Я не хотел на-вязываться на исправленье отношений принципи-ально — тем более, что нечувствовал за собой вины никакой.

Я оставил любимую гордо.

И всю свою печаль неизбывную, всю нестерпи-мую боль разлуки, все силы любви я отдал Поэту во имя Искусства.

До самозабвенья, до фанатизма, до экстаза гру-стинный Поэт, отдался Своей поэзии — скорбной, но гордой, как Он.

Так одиноко кричит лебедь, если вдруг потеряет
подругу свою снежнокрылую.

З агрустили луга
Озимые поля
Осеннее небо, земля—
Листины
Травины
Цветы мы
Ветвины
Чистейшие слезы—
Святые росины—
Всем жалко лебедя.

(Девушка босиком)

Поэт целые дни сидел в своей комнате (на петербургской, стороне) и писал стихи, поэзии.

Только милая хозяйка квартиры Ольга Ивановна да ее дочь Лида иногда развлекали Поэта музыкой за вечерним чаем.

Весной я прочитал (под влиянием товарищей) на курсах первую лекцию Проблемы Пола и Отто Вейнингера.

Весной же из газет я узнал об организации известным Шебуевым альманаха—Весна.

Я показал свои вещи—Шебуев сразу встрѣтил меня чутко, широко, культурно.

Он мне предложил секретарствовать — помочь редактировать обильный материал стихов и прозы.

Альманах Весна вышел Красиным изданием альбомного формата с рисунками талантливого Ив. Гравовского, но содержимое—слабо, бледно, неуверенно.

На лето (с расшатанным здоровьем) я уѣхал к спасительным берегам Чорного моря.

Поселился жить в Балаклаве, а потом переехал в Георгиевский монастырь: там работал под руководством художника Цветкова по реставрации иконописи.

Монахи угощали вином, фруктами, сочными обедами.

Я скоро поправился.

Поэт мечтал, работал, созерцал.

Захотелось перед Петербургом — побывать в Перми — почувствовать родных и Каму.

Побывал в Перми и снова—в Петербург.

Осенью в Петербурге Шебуев затеял издавать еженедельный журнал Весна и меня пригласил редактором.

Одновременно я стал сотрудничать в Обозренье театров у И. О. Абельсона — писать рецензии о театрах и еще в—Вечерних новостях (печатал рассказы).

Журнал Весна продолжался месяца три.

Меня привлекли к суду за порнографию стихов Шебуева.

В Весне впервые начал печататься Игорь Северянин, Хлебников, Арк. Бухов, Пимен Карпов, Николай Карпов, Е. Курлов.

Здесь печатались: Андреев, Куприн, Петр Пильский, Аверченко, Алексей Ремизов.

Поэт стал глубоко дышать воздухом своих товарищей по печатному слову.

На одном из редакторских приемов (принимали попеременно Шебуев и я) пришел в редакцию Хлебников, принес спиралью скомканную тетрадку — Мучоба во взорах— и странно попятившись до дверей исчез.

И что то курлыкнул про себя.

Мучобу во взорах—напечатали.

Хлебников нечаянно в случайные часы вновь появился: новый, светлый, удивительный.

И с этой поры—когда Поэт нашел Поэта—мы—друзья на веки звездные.

Он нерасставался с Ним.

Журнал прогорел.

В Петербурге возникла ежедневная газета Белкова—Луч света.

Меня пригласили редактировать.

Я сгруппировал почти всю новую литературу.

Предложил сотрудничать Ф. Сологубу, Алексею Ремизову, А. Блоку, Вяч. Иванову, Кузьмину, Г. Чулкову, Хлебникову, Гумилеву, Городецкому.

На одном из первых редакционных собраний Г. Чулков и Городецкий вероятно из желанья завладеть моим портфелем редактора осудили зло мой образ действий.

Я ушел из редакции и газета кончилась.

Стал наниматься живописью и узнал, что Кульбин организывает выставку картин (на морской)—Импрессионисты.

Я понес на жюри свою вещь—Березы—(масло, пуантелизм) и счастье мне разом привалило.

Картину повесили, оценили ярко и на верниссаже она продалась.

Тут знакомлюсь с Бурлюками, Ар. Лентуловым, Борисом и Элей Григорьевыми, Еленой Гуро, Матюшиным, Кульбиным, Дыдышко, Быстрениным, Спандиковым, Школьник.

Сплошь — самоцветы — глубокие парни.

Быстро и неразрывно схожусь с гениальным Давидом Бурлюком и его великолепными братьями Володей и Колей.

Я, Бурлюки, Хлебников, начинаем часто бывать у Елены Гуро (жена Матюшина) у Кульбина, у Григорьевых, у Алексея Ремизова.

Всюду читаем стихи, говорим об искусстве (за чаем с печеньем — Додя улыбнись), спорим, острим, гогочем.

В биржевке вечерней Н. Н. Брешко-Брешковский офельетонил нас—мальчиками в курточках, и нам стало еще веселее.

Мы закурили трубки.

Молодость юность, детство были всегда нашими солнцeveющими источниками творческих радостей.

Наша культурная вольность, буйная отчаянность, урожайный размах, упругие наливные бицепсы и безпредельная талантливость от природы—всюду оставляли ярчайший след нашего пришествия.

Стариковское искусство окончательно сморщилось, закряхтело.

Любого невинного лозунга нашего, вроде:

— Левая нажимай—

было достаточно, чтобы искусство старости сдохло, но—защищенное полицией, дворцами, буржуазной своей прессой, капиталом и мещанами изящного вкуса, —оно настолько неиздыхало, а даже решилось бороться доносами и намеками на нашу вредную анархичность и неблагонадежность.

А мы—истые демократы, загорелые, взлохмаченные (тогда я ходил в сапогах и в красной рубаше без пояса, иногда с сигарой), трепетные—уверенно ждали своего Часа.

Футуризм воссолнился.

Мы явились идеальными Детями своей Современности.

За нами была гениальность, раздолье, бунт, молодость, культура, великая интуиция.

У нас еще небыло обильных плодов труда, зато была мировая энергия, стремительность, высшее напряжение сил.

Наконец было достаточно нас видеть или слышать, чтобы чутый пронзенность острого присутствия гениев.

А количество трудов никому ненужно.

Вот в такой—амплитуде назревания от Грядущаго—Футуризма—расцветал Поэт.

Я стал работать в студии Давида Бурлюка, не переставая посещать вновь лекции.

Весной гостил у Елены Гуро-Матюшина на даче в Ораниенбауме.

Но лето уехал в Пермь и поселился жить в глухой деревушке Новоселы с братом Петей.

Здесь я начал жить по—стихийному, по—истинному—только как Поэт.

С утра до вечера я уходил в луга, в лес, в простор полей, жег костры.

Нашел где то в глуши—на речке Ласьве—заброшенную землянку, уладил ее и стал там проводить да как: задумал написать книгу — Землянка—в форме романа, с поэтическими сдвигами.

Но писались только стихи.

Впрочем Поэт написал там лирическую сагу в трех перемнах — Семь слепых сестер—для театра (до сих пор лежит без движенья на Каменке).

Я много охотился на рябчиков, играл на гармошке в деревне, пел частушки, кутил с парнями на вечерках.

Меня любили за гармошку.

К осени я написал большую лекцию (для заработка)—о Новой Поэзии—и прочитал ее в Пермском Научном Музее.

Ожиданья оправдались—успех был славный.

Василий Каменский—лектор.

Дальше.

Женитьба и Землянка.

Осенью (1909) Василий-студент вернулся в Петроград для продолженья занятий по агрономии.

Почти одновременно с ним из Перми приехала дочь пермского купца Югова—Августа Викторвна—дова с двумя детьми: мальчиком Женей 4-х лет и девочкой Шурой 2-х.

Мужа Августы убили в 1905 революционеры—он был управляющим в К° Зингера в Тифлисе.

Интересно, что с Августой Василий познакомился, как кавалер с барышней, пятнадцати лет и это было его первое знакомство на романическом основании.

Тогда она была гимназисткой, а Он учеником городского.

Однако этот роман кончился только тем, что Василий-ученик в лютые морозы несколько раз проводил Августу из гимназии домой, да всю свою общу тетрадь исписан ее именем.

По приезде в Петроград Василий-студент усилен но начал заниматься живописью и так успешно, что

все свои работы—пейзажи (пуантель—масло) яркимпрессионистического характера—Он продавал по 50 и более рублей—таким образом зарабатывая до 300 руб. в месяц.

Агрономическая наука остановилась.

Редко Он стал посещать лекции.

Зато очень часто—Августу, где подолго возился с мальчиком Женей.

Августа—тип полуцыганки; энергичная брюнетка с круглым лицом, любившая цыганское пенье, вольную, широкую жизнь; веселые путешествия.

Простая, искренняя, купеческая натура с чуткой душой она встретила в Василье яркого ответного друга—спутника одной дороги.

В октябре Василий повенчался с Августой в Петрограде.

Эта свадьба дома—в Перми произвела сильное возбужденное впечатление, благодаря многочисленным родственникам с обеих сторон.

Отец Августы, умерший за год до этой свадьбы,—Виктор Югов—один из крупных купцов Перми — оставил дочери в пожизненное владение огромный трехэтажный каменный дом с магазинами и большой капитал тысяч пятьдесят.

А у Василья-студента небыло ничего — кроме личного труда и духовных богатств.

Вот это обстоятельство — для всех неожиданная свадьба—явилось целым событием в Перми—и везде всюду по городу стали ходить всяческие слухи и разговоры.

И уж конечно все сходились на одном обывательском убеждении, что Василий женился ради денег.

К Рождеству супруги приехали домой в Пермь.

Для Василья началась во истину неизведанно-купеческая жизнь.

Василий хотя и вырос в достаточно состоятельной семье Хрушевых и имел богачей—двоюродных братьев Каменских (капиталы, дома, коммерческие предприятия и ныне)—и богатство для него небыло недоступностью или чудом, или фантастическим представлением,—но вот будучи десять лет закаленным пролетарием, скитальцем по России, искателем приключений, мечтателем-путешественником, рыцарем всяческих начинаний—Он совсем отвык от буржуазной обстановки довольства и тем острее—ярче изумительно-новой стала жизнь, отныне полная самостоятельности в семейных и денежных делах.

Огромный дом с доходом в 10000 руб. в год, капитал, большая квартира, выезды, прислуга, богатая обстановка, жена, двое детей, фрейлен-немка (нежная культурная воспитательница), постоянные гости, театры, ужины—и среди этой жизни—смущенный Василий, отпустивший для важности рыжую бородку буланже.

Я изо всех сил помогал Ему чувствовать себя проще, лучше, нездешнее.

В ответ на Его смущенье перед такой купеческой жизнью я предлагал, ему больше выпить за ужином старой мадеры и—главное—помнить, что и этот буржуазный угар пройдет мимо и только надо перенести его легче—интереснее.

Так ведь проходит все.

Панорама испытанья до конца — неизбежна.

Ай—все пройдет
Все умрут—
С знойногих ног
Сами спадут
Бирюза — изумруд.

(Стенька Разин)

Дальше. Дальше

Я знал о нестерпимой печали Поэта: здесь Он был никому ненужен и непонятен до просто смешного.

Я знал о его грустинных глазах, что видели кругом на столах макулатуру барынь: Вербицкой, Царской, Нагродской, Надсоновой, Щепкиной-Куперник и Пошлятиной.

Я знал о Его неудачной попытке положить на стол только вышедшую идеальную книгу единственной в поэзии женщины Елены Гуро-Шарманка (1909).

Я знал все и все предвидел.

Так было нужно.

Я даже начал бороться с Поэтом и убедил Его против своей совести перестать писать стихи до весны.

Я подсунул Ему краски и Он—как равный ребенок со своими ребятами—увлекся живописью.

Родственники смотрели загадочно.

Все ждали, что я по купечески возьмусь за хозяйство и коммерцию и докажу им ради чего Он женился.

Но я оставался совершенно равнодушным к внешней обстановке и ни в какие дела решил не входить на радость Поэту.

Этим счастливым случаем воспользовался наш управляющий и ловко завладел всеми делами доверчивой Августы, ласково называя ее кумушкой.

Я чуял, что управляющий — жулик.

Но терпел и молчал.

И Поэту это нравилось.

В феврале (1910) супруги Каменские вернулись в Петроград.

Он сейчас же познакомил жену с Бурлюками и Хлебниковым.

И тут на Фонтанке в комнате Василия было решено немедленно выпустить отныне историческую первую книгу футуристов — Садок Судей с участием Елены Гуро—на товарищеских началах.

Поэт ожил, взволновался, расцвел.

Начались совещенья, сбор матерьяла.

Ради художественной идеи решили книжную бумагу для сборника заменить обратной чистой стороной обоев, специально подысканных.

Получилось так: на каждой правой странице книге печать, а на каждой левой—рисунок обоев.

Нашли типографию.

И в комнате Василья появились корректурные листы.

В марте вылетела на волю первая книга эпохи Чистаго Искусства, положившая начало российскому футуризму.

Книга Садок Судей сразу взметнулась яркоцветной ракетой на сером небе старенькой литературы.

О Садке Судей стали много говорить.

Всех поражала оригинальность, смелость, неожиданность, крайность, молодость.

Критика конечно заквасила во все болото.

Рыцарей исканий называли в газетах—Обойные Поэты — анархисты — сверх-декаденты — кучка желающих прославиться — футуристы — клоуны-американцы.

Только В. Брюсов (Русская Мысль 1910) да Н. Гумилев (Апполон 1910) отнеслись полусерьезно со свойственной сухостью инспекторов.

В это же время Василий по приглашенью Кульбина вместе с Бурлюками выставил свою живопись на выставке импрессионистов, на Невском.

Василий целые дни болтался на выставке и там познакомился с Евреиновым.

В начале апреля Каменские уехали в Пермь, а оттуда сели на пароход и по вскрывшейся Каме направились на Кавказ.

Приехали в Тифлис.

Здесь Василий целые дни пропадал в духанах на персидском базаре и там накопил много редких старинных вещей, персидской и кавказской и индейской древностей.

Кувшины, вышивки, кальяны, оружие, четки, платки, ковры заняли два сундука—вот эта покупка, впоследствии положила основание музею на Каменке—где собраны с любовью всяческие редкости.

С мая вся семья поселилась на лето в Зеленом Мысу на горном берегу Чорнаго моря—в семи верстах от Батума.

Была снята прекрасная дача—особняк с полной обстановкой.

Василий занялся усиленно живописью и резвился с ребятами.

Семейная жизнь с Августой вместе с весной расцветала нежно и цветисто.

Зеленый Мыс приютил супругов тепло.

После выхода в свет Садка Судей и успеха на Импрессионистах (Василий продал свои вещи и о Нем писали) Поэта не покидала возбужденность удачи в поэзии и Он решил тут же начать роман Землянка.

Условья создавались желанно.

В горах, зелени, у моря, среди поющих птиц Он весь отдался весеннему гимну земли и стал усиленно работать над Землянкой.

— Начался беззаботный праздник зеленой Жизни.

Что такое май-месяц.

Это—пир Рожденья земли.

В этот счастливый месяц бог создал землю и каждую весну в эти дни Он спускается с неба и гостит у земли.

Оттого в майские дни так мудро просветляются человеческие души и сердца наполняются чистой утренней любовью.

А земля наряжается в цветы как невеста.
Или многоцветный май—безпрерывно ликующая
песня солнцезвения—и под эту дивную песню
звери парами рыскают по лесу, птицы выют гнез-
да и каждый человек тайно улыбаясь говорит:
— Люблю

(Землянка.)

На долгие часа Василий уходил в горы писать
свою первую книгу.

Он писал увлекаясь на столько искренно, что
пожалуй переживал больше, совершенно забываясь,
что пишет книгу, и переживая горел творчески—
рыцарски так горячо что не успевал записывать
наплывающие мысли и образы—и нервничал.

Однако потом овладел собой и работа пошла
стройно, но со сдвигами.

Отвлечений было много: поездки в Батум, в
театр, на бульвар, гости, знакомства, купанья, воз-
можности.

Кстати—приехала из Перми Соня.

Этак в конце июля у Василья открылась силь-
ная малярия и Он временами начал тяжело страдать от
припадков.

Все же в часы облегченья Он работал и Зем-
лянка заканчивалась.

Всех потянуло домой в Пермь.

Стали радостно собираться.

Кама вдруг показалась чудеснее Зеленого Мыса,
а домашнее тепло теплее южного солнца.

Перед восторженными глазами Василья появились
последние страницы Землянки — и это ему помогло.

Поехали в Пермь морем.

Дальше—Волгой.

Осенняя Кама действительно встретила дружно-
приветно.

Пароход шумел меж гор и стихал у лугов.

На пристанях продавали арбузы.

Снова началась купеческая жизнь: суетная, шумная, пьяная, веселая, широкая.

Василий жил Землянкой.

К Августе явился с докладом управляющий и — еще ласковее называя ее кумушкой—заявил, что денег за кавказское лето он перевел нам очень много и много потрачено по дому.

Я чуял что управляющий — жулик.

Поэт бредил своей первой книгой.

Землянка снилась каждую ночь по разному.

Наконец в сентябре Василий уехал в Петроград издавать свой роман.

Через месяц книга была готова: печатала Ответственная польза, которой ведал С. Елпатьевский.

А. Измайлов, В. Боцяновский обещали Василью дать статьи о выходе Землянки, но помешало событие.

В день вывода Землянки из дому скрылся Лев Толстой, а потом его болезнь и смерть.

Землянку сначала замолчали, но после большой статьи А. Измайлова в Русском Слове стали писать насмешливо-звонко.

Особенно журналы подхватили из Землянки птичий язык:

- (дрозд) Чух-чиу—Чур-чух—Чиу-чу—Тррчи.
- (иволга) Пциу-нциу—Чици-увь-цинь-циу.
- (жаворонок) Рлю-й-рлю-сюир-льиль-рлю-сюрфь.
- (синица) Пинь пинь—Чирт-трью—Ци-ци-вий.
- (компанья птиц) Циль-циль—Тклю-к-цик.
- Уйть уйть—Исили-исили.
- Исяля-йть-цив—Цилиа-ци.
- Цинть-тюрлюю—Цинть-тюрлюю.

(Землянка)

Этот птичий язык цитировался с особенной веселостью.

Редакции делали предупреждения, что если кто встретит автора Землянки,—то с ним придется говорить на птичьем языке.

Во всяком случае Землянке отдавалось острое внимание — книга быстро разошлась.

Прекрасное издание, бумага верже, обложка и рисунки яркого Бориса Григорьева и друзья Садка Судей—помогли успеху.

Василий и я торжествовали.

Затуманился и решил летать.

Василий—взволнованный рождением Землянки—веселый вернулся домой в Пермь и победно — гордо вручил с огненной любовной надписью (и благодарностью) свою книгу Августе.

Однако та далеко не обрадовалась, когда стала читать Землянку после похабщины барыни Вербицкой.

Совершенно неподготовленная к Искусству она, как и все родственники, отнеслась к книге отрицательно, не желая слушать и учиться у автора о пришествии нового чистого во имя формы творчества.

Все просто плюнули на книгу.

Плюнули (и плюют теперь) пермские газеты, испугавшись революционного Духа и вкуса Землянки.

А когда из Петрограда с аккуратной—как всегда—любезностью стали приходить конверты Бюро газетных вырезок (Василий вступил в члены Общества помощи интеллигентным труженникам) и в них оказались рецензии газет о Землянке, рецензии полные острот, насмешек, а частью серьезного признания дебютанта—авторитет Василья дома пал и Августа заявила, что ей стыдно за автора, над которым смеются газеты и журналы.

Торжество Поэта сменилось неиспытанной печалью.

Сердце сжалось в неизбывной тоске.

Нездешне светлые творческие мысли и поэтические гордые образы, которыми проникнута утренняя Землянка, трепетные мечты о новом искусстве футуристического Слова и рядом пошлая действительность—бездарно купеческая жизнь с вербичками и чарскими, с управляющим и кумушками, с наследством и родственниками, с кретинизмом и пермскими газетами—всё это сбило Поэта с толку и заскучал Василий, заметался, забился в одиночестве, затуманился в угаре мещанства.

А так хотелось работать, творить, размахнуться.

И никого небыло около—кто мог бы почувять Истину—кто мог бы дружеским светом вниманья согреть расцветающую жизнь Его.

Он затаенно смолк.

Я же на первый момент как то потерялся что-ли перед возрастающей наглостью семейной какофонии и сильно начал нервничать отстаивая Поэта.

Но скоро расправил свою волю и стал затевать какого либо совершенья.

И час настал.

Я решил летать на аэроплане—дальше.

Поэту затея сразу понравилась: Ему так не доставало к полетам ищущаго Духа—полетов тела под облаками, не доставало стремительнаго освобожденья в небо.

А я подумал:

— Поэт будет моим благодарным пассажиром на аэроплане и главное Он и Я станем истинными туристами своих воздушных дней Аэровека.

Я уехал в Петроград, а там с известным авиатором Лебедевым решил ехать в Париж: кстати я никогда небыл заграницей.

Заграница.

Кинематографической сменой панорамы началась моя заграничная европейская жизнь.

Несколько дней в Берлине принесли много яркого, величественно-культурного, современного, все удивило до преклонения и больше всего знаменитый зоологический сад и колоссальные кофейни, где я за кофе курил идеальные сигары.

Проехался по крышам и по подземной железной дороге, на гоночной моторной лодке по Шпрее, пил баварское пиво.

Видел в цирке Эдипа—постановку Макса Рейнгаардта, памятник Рихарду Вагнеру.

Великолепный вокзал.

Дальше.

В день—в Брюсселе—видел Сенну с аристократического французского верха, закруженного ветром брюссельских кружев, был на фламандском низу демократической Бельгии.

Дальше.

Париж.

Остановился в гранд-отель на площади Гранд—Опера.

Взял автомобиль, помчался бульварами по площадям Бастилии к июльской колонне,—башни Эйфеля, Луврского музея, Согласия с Луксорским обелиском, Карусели, Л'Этуалэ с триумфальной аркой.

Вечером стоял на балконе своего номера изумленный электрическим океаном огней.

Поехал по казачкам Монмарта, напился абсенту, в Мулен-руж шампанского.

В следующие дни взялся за работу: начали с В. А. Лебедевым ездить на аэродром, в Исси-ле-Мулино, а там — аеропланные мастерские, ангары, авиационные школы, полеты.

Пассажиром я поднялся на фармане и весь Париж развернулся пестрой скатертью.

Перед полетом выпил стакан коньяку на случай более легкого раставанья с жизненной суетой, выпил и сам авиатор.

Полет оказался пьянее: мне совершенно вскружило голову и я—кажется—заорал во всю глотку от наплыва энтузиазма.

Было жутко-ново до божественности ощущения, до ясности райских галлюцинаций, до сумасшедшей красоты.

От счастья испытанного полета два дня я невыходил из кабаков Монмарта, упорно исследуя абсент—любимое орошение Артюра Рембо и Верлена.

Подошел чудесный праздник Карнавал Микарем.

Согни тысяч жизнерадостных парижан с утра, во всяческих маскардностях, с оркестрами, колоссальными цветами, плакатами, песнями и весельем рассыпались по бульварам.

Встреча белых королей Карнавала у Луврского музея была украшена прилетом аероплана, с которого авиатор бросал королевам (выборным работницам) живые цветы и конфетти.

Вечером от щедрого бросанья конфетти—улицы на четверть покрылись разноцветным бумажным снегом.

Мой подъем на башню Эйфеля в сильный ветер заставил меня искренно оценить высокие достижения столицы Мира.

Мне очень понравилось парижское умение жить на улице, чувствовать себя культурно-демократически.

В гигантских многоярусных магазинах Бон марше, Лувр я накопил всякой ерунды ради обворожительных продавщиц.

Дальше.

Я решил ехать в Лондон на всемирную выставку воздухоплавания.

На океанском корабле через атлантический Ламанш меня дьявольски укачало.

Меня и знаменитого Фармана (тоже укаченного) спасал Лебедев.

После переправы в Лондон—вся Англия качалась в моих глазах дня три, вместе с выставкой авиации, где я бродил: значит недаром пишут, что Лондон всегда окутан густым туманом.

В ресторанах меня поразил пуддинг с ликером—зажженный.

Парижская простота улиц сменилась чопорной Пикадилли.

Удивили туннели под Темзой, музей Индии, Хрустальный дворец, Истэнд—морская торговля вдоль гавани Темзы.

На аэродроме в Гендоне проводил полетные дни, гонялся на автомобилях, завтракал у каких-то лордов в честь авиаторов, видел суфражисток и не видел капли искусства—всюду буржуазная отсталость, провинциальность.

— Зато—футбол — гениальный.

— Гуд-бай.

— Дальше.

Оратно через Ламанш—было спокойно—начался отлив и корабль наклонившись очутился на земле около берега Франции.

Я, Лебедев, и еще несколько спортсменов американцев спустились по веревочной лестнице и бросились бежать по дну морскому сквозь туман к Булоню сюрмер и добравшись, укатили в Париж.

В Париже расстался с Лебедевым и уехал в Милан.

Оревуар.

В Милане в Скала пел Шаляпин, летали над античными статуями аеропланы, возвещая Современность.

Заехал во Флоренцию, в Венецию.

Плавал в гондолах по бесчисленным каналам, смотрел картины, итальянок, ел фрукты, пил вино, изучал старину.

Дальше.

Вена.

Венские дивные кофейни, венское пиво, вино, кофе, кружевные венки, всюду музыка, венгерские танцы, обилие журналов.

Вена исключительно понравилась.

Дальше.

Снова Берлин Иоганисталь—аэродром.

Летаю восторженно на цепелине над Берлином-ауфидерзейн.

Дальше.

Петербург.

Покупаю аероплан Блерио, еду в Гатчино—тренироваться на аэродроме.

Сначала рулирую, бегая по земле, потом взлетаю по прямой и делаю виражи.

Один раз падаю с небольшой высоты, ломаю хвост аероплана и царапаю себе ноги.

Уезжаю с аеропланом в Пермь—тренируюсь там на песках возле Камы.

Потом к зиме всей семьей—я, Августа, Женя, Шура, фрейлин (ныне Мальцева) и сестра Соня—едем жить в Варшаву — с аэропланом: я серьезно тренироваться на звание пилота—авиатора.

Перед самым отъездом к Августе пришел наш жулик—управляющий и давай вымогать — подписать ему векселей на одиннадцать тысяч, встал он на колени, плакал, молил кумушку, крестился.

Я хотел его выгнать по шее, но Августа мне запретила вмешиваться в коммерцию и подписала—по слабости женской на свою ответственность.

Управляющий возликовал, учтя векселя.

Мне было больно, стыдно.

На аероплане.

Сейчас же по приезде в Варшаву (1911— осень) Я энергично взялся за полеты.

На великолепном аэродроме Любомирскаго на поле, благодаря знаменитому авиатору — инструктору и другу моему Х. Н. Славоросову, мои полеты на аероплане Таубе пошли интенсивно — успешно

Тут же летали со мной известности: Кампо—Сципио, Янковский (чудесный — беззаветный рыцарь воздуха), Сегно, Лерхе.

Славоросов совершал звездные полеты и был (и остался) общим любимцем, чья карьера началась с того, что он поступил в этот же авиационный завод простым рабочим.

Позже он приобрел за границей мировое имя гениального летчика.

Наша варшавская авиаторская жизнь среди крыльев, моторов, бензина и запаха масла, носила земной характер.

Мы жили небесными птицами: летали, пели песни (в авиаторской было пианино), веселились, пировали танцевали клокс-данс.

Летали в 4 часа утра и вечерами.

В ноябре в Варшаву из Петрограда — государственного аэроклуба—приехал комиссар Е. Вейгелин для производства с комиссией авиаторских экзаменов.

Я стал экзаменоваться по международным правилам.

Летал 1 час 47 мин., выполнил все задачи.

Получил диплом на звание пилота-авиатора государственного аэроклуба.

Семья уехала в Пермь.

Весной я и Славоросов (авиаторы другие разъехались) в Варшаве снова открыли полеты по утрам и вечерам, собирая массу зрителей.

К пасхе я уехал на гастроли — летать по польским городам.

29 мая (1912), совершая в Ченстохове публичный полет в сильный ветер (перед грозой) я перевернулся с аэропланом на большой высоте, камнем упал и тяжело разбился.

Меня увезли в госпиталь.

11 часов я был в глубоком безсознании.

Свой аэроплан расшиб в щепки.

Целым остался мотор.

В утренних газетах напечатали некролог (во время выпуска газет я лежал еще в обмороке) под заглавием: погиб знаменитый летчик и талантливый Поэт Василий Каменский.

Всюду в газетах России описывали мою катастрофу: меня завалили телеграммами и цветами.

Мой механик пришел в больницу передать, что щепки аэроплана публика разобрала на память, что сбор был колоссальный.

По выздоровленьи я уехал домой—в Пермь, захватив мотор и новые крылья.

В Перми узнал—управляющий наш так обжулил нагло мою жену — свою кумушку, что капитал рухнул.

Мои же дела стали великолепны: были сбереженья за полеты и из Петрограда ждал крупную субсидию за паденье.

В конце лета — достаточно оправившись от катастрофы—я задумал приобрести именье.

Мне повезло; знакомый управляющий пермских огромных имений Балашова И. В. Лещенко предложил мне выбрать интересное — яркое для меня место.

В середине августа я выбрал желанное горное, сосновое место с речкой Каменкой, лугами, полями, недалеко от Перми.

И приобрел около 50 десятин (часть в долг).

Так сотворилась Каменка.

Каменка.

Я обезумел от счастья: взбалмошные фантазии Поэта о своем гнезде в родных горах сбылись.

Каменка явилась чудом, спасеньем, нескончаемым праздником, сказочным гнездом.

Я восславлял стихийно, огненно, язычески привалившее счастье.

Благодарил И. В. Лещенко, который так широко и культурно пошел мне навстречу,—свою Августу, чьи заботы обо мне были всегда трогательны,—милую (где делась купчая) контору нотариуса Козакевича, — собственную свою сокрушительную энергию и крыловейную волю.

Я был нестерпимо рад за воскресшего Поэта: мятежная судьба Его здесь могла найти творческое успокоенье, сосностройное созерцанье вершин с вершины Своей горы, синевечернюю тишину и солнцевстальное пенье птиц среди лесов и полей.

Здесь столько сияло от Землянки, от Детства, от Песен.

Я почувствовал себя настоящим Робинзоном Крузо и Стенькой Разиным в Жегулях.

Я воткнул себе за пазуху топор, засучил красный рукав и пошел хозяйничать по Каменке.

Дела было без конца.

Построек конечно никаких, просто горная глушь, а ближайшая деревня Шардино в двух верстах.

Если ехать из Перми (на лошадях трактом 4 часа увидишь недоезжая с версту: на южносолнечной стороне — амфитеатром изогнутая Каменная гора с сосновым-еловым лесом сплошной стеной, а этак в вершине (теперь построенный) впаем высокий бревенчатый дом—двухэтажный с балконом, крутой по норвежски срезанной крышей, у подножья домик с сельскохозяйственными службами и возле речка Каменка с лугами.

За Каменкой поднимаются наши поля и снова наш лес.

Работы у меня был неисчерпаемо.

Купил срубы для дома и служб, нанял заготавливать свой лес на постройки, с рабочими расчищал место в горе.

Волновался, суетился, обдумывал, чертил планы, скакал от затей радостных.

Топор не выходил из рук, натерев мне первые гордые мозоли на ладони.

Семья переехала жить в деревню Шардино.

Женя приносил мне обед на Каменку—я разжигал костер, разогревал, ставил чайник, ел, пил, веселился, махал руками, распевал, работал посвистывая.

Иногда охотился—приносил рябчиков, зайцев.

Зимой, оставив за себя подрядчика, мы вся семья уехала в Пермь—до весны.

В Перми на судостроительном заводе братьев Каменских я начал строить ранее изобретенный мной водяной автомобиль—аэроход—с воздушной тягой, который, мог бы носиться и по земле (и в будущей стадии — по воздуху).

В чертежах мне очень помог старший чертежник завода Саша Потапов—друг детства и славный управляющий — мастер в строительстве моторных лодок—И. Д. Иртегов.

Тем временем—пока строился аэроход, пока шла заготовка на Каменке, куда наезжал,—я взялся—ради идеи и заработка—организовать в Перми первую Выставку современной живописи.

Снял благородное собрание.

26 художников Москвы и Петрограда прислали свои вещи.

Выставка получилась блестящая и вряд ли когда скоро Пермь увидит такой культурный праздник красок от реального Малютина (портрет) до футуристического Давида Бурлюка (Он и Н. Гуцин по-могли дружески).

Находясь дома я выставил много своих вещей—футуристических, детски—ярких.

Публики было масса, но почти все предубежденные разными буржуазными—Русскими Словами—Биржевыми — провинциально смеялись даже над Малютиным, думая, что и он—футурист.

О—пермяки.

Я усердно давал разъясенья.

Продалось мало: Попатенко, Бурлюк, Гуцин, Субботин—Пермяк.

Своих же картин на удивленье себе продавал много, а в это время в раздевальной часто появлялся с Каменки подрядчик за деньгами, которые он и получал.

Выставка поддержала здорово.

Однако мое восторженное состояние сменилось траурной печалью: нелепо умерли одна за другой—любимые — моя тетьа Саша Трущева — воспитательница, и моя единственная сестра Маруся.

Испытанье построенного (средствами завода) аэрохода с моим авиационным мотором прошло успешно на Каме, но без подъема с моей стороны—изобретателя, опечаленного событиями.

Первым моим пассажиром был редактор местной газеты Перфильев, изрядно подвыпивший перед риском испытанья.

Снимки испытаний моего аэрохода были: в Искрах (Рус. Сл.), Огоньке, К спорту и др.

Я—что называется—и до сих пор об аэроходе оставил вопрос открытым.

Надо было спешить на Каменку, достраивать окончательно дом к осени.

С семьей мы переехали в Шардино снова.

Работа на Каменке кипела: дом, огород, поля.

Летом приехал гостить Алеша.

Я много возился с Женей—Шурой, гуляли на Каменке, много рисовал с ребятами, рассказывал им всякие чудеса, работал.

Архитекторство мое успешно кончалось.

Начался сенокос, появилась земляника.

Косил во все лопатки, все кругом работали, кричали, собирали ягоды.

Поспела рожь, овес, засеянный с клевером.

Огород: картофель, марковь, капуста, репа.

Лето катилось ярко, молодо, энергично.

По праздникам я так хорошо играл в деревне на гармошке, что крестьяне шутили:

— За такую игру тебя Василий надо в государственную думу выбрать.

Осенью Августа с ребятами решила ехать на Кавказ, зимовать в Тифлисе, куда я должен был приехать к ним.

Я проводил семью на пароходе, не подозревая, что расстаюсь с горячо любимыми и любящими меня Женей и Шурой почти совсем: ведь все эти четыре года я с ребятами был необычайно дружен и близок.

У Августы были вероятно какие то свои соображенья или просто мы устали друг от друга—не знаю—будь—что будет.

С Алешей мы переехали на новоселье—в новый сосновый дом на Каменке.

На радостях много пировали, заводили грамофон, играл я на гармошке, Алеша акомпанировал на гитаре, ухали, пели.

Справили.

У меня больше не стало денег: надо было ехать на заработки.

Дома оставил дворника, караулить и смотреть за скотом.

Алеша уехал в Петроград, до весны, в аптеку.

Я укатил в Москву читать лекции.

К полевым работам в апреле решили съехаться на Каменке.

Ю.

Что есть Буква.

Василий Каменский учит.

Буква есть идеально-конкретный символ зачатия мира (слова) — мускул летающего крыла (слова) — взломанный блеск молнии, вызывающий гром (слово) — начало источника бьющего из подгоры, чтобы в стремительном слиянии с другими истоками образовать журчей или речку (слово) во славу движенья реки (мысли) до океана словотворчества.

Буква—взрыв, Слово—стая взрывов.

У каждой Буквы—своя Судьба, своя Песня, своя жизнь, свой цвет, свой характер, свой путь, свой запах, свое сердце, свое назначенье.

Буква — это совершенно отдельная планета вселенной (слова—понятия).

Буква имеет свой рисунок,—звук,—полет,—дух, свою твердость, свое вращенье.

Рожденное Слово — божественное бракосочетанье нескольких пар или троек Букв.

Гласная—жена.

Согласная—муж.

Согласные—корни Букв, отцы.

Гласные—движенья, рост, материнство.

Натянутый лук охотника—согласная, а спущенная стрела—гласная.

Каждая Буква — строго индивидуальный мир, символическая концентрация которого дает нам точное определение внутренней и внешней сущности.

Образец—Ю.

Ю

Юночка

Юная

Юно

Юнится

Юнами юность

В июне юня.

Ю—крыловейная лейная.

Ю—розоутрая рая.

Ю—невеста Ста Песен.

Ю—жена Дня.

Ю и Я.

(Девушки Босиком.)

Если встретится Ю в тысячах словах и на каких угодно языках—Ю всегда принесет слову женственность, звучальность, розоутренность, гибкость, возбужденье.

Буква К дает слову твердо-холодно-острую материальность: корень, клинок, камень, кирка, кость, сук, ковка, кол, кистень.

Буква М—зов животных: мму—корова, ммэ—овца, мяу—кошка, —ма-ма зов ребенка, моя, мы, молитва, милая, приманка—ощущенье тепла жизни.

Буква О—колесо простора, воздух, небо, высоко.

Буква Н—мистичность: некто, неведомый, ночь, начало, канун,— отрицанье: нет, не, никогда, немой.

Слово Окно=о+к+н+о=значит: простор+материя (стекло и дерево)+граница ночи+воздух=окно.

Буква Б — божественно-стихийное начало: бог, бытие, библия, бык (священный), будущее, буря, бедствие.

Е—день, свет, селенье, дерево, елей.

А—арка, радуга, мать, ау.

Р—кровь, труд, гром, раскат, удар.

И—связь, прибавленье, вода: пить, лить, нитка, вино.

Слово небо=н+е+б+о=значит: неведомость+свет+божественность+воздух=небо.

(Это из Его лекции о словотворчестве).

Вчить-карм.

Раз в вечер из-синя-изумрудного мая—когда лилово в долинах уральских пахли травоцветенья, а небо казалось васильковоглазым шатром—я и Василий (у себя на Каменке) поднялись на гору Цингал.

Сели на самой вершине.

Он взметнул головой, вздохнул, улыбнулся высоким горизонтам.

Может быть вспомнил он о полетах над синими коврами земли из старинного шелка Китая.

Может быт услышал он зовный зов океанских волн приливающих для отдыха к скалистым пристаням.

Или может быть узнал он сердцем глаза той, что осталась там ждать.

Есть страна Дания

Есть страна дальняя

Есть имя Анния

Есть имя—Я.
В пальмах раскинута
Синь—Океания
Синь—Апельсиния
Синь—Облака.
Где то покинута
Девушка с острова —
Острая боль глубока.
Девушка Анния мною покинута
Жить и томиться
В шатре рыбака.

(Девушки босиком)

Он еще вернется к ней: Поэт-Птица, мексиканская птица Хоулн-стэй.

Он сам написал повесть-Любовь Наездницы— где Поэт с крыльями увидел душу свою в птице и птица Хоулн-стэй стала его и возлюбленной, его Юннэ—судьбинной птицей.

Мимо нас в долину пролетела ласточка.

Он крикнул ей:

— Вчить-карм.

Я мог бы спросить Его о значении этих слов, но почувствовал, что не надо.

Я почти понял.

Мне кажется, что рождение слов является разрывностью соединенной воли двух творчеств.

Линия острого Налёта ласточки близко и встречающая стрела глаз Поэта, наблюдающего полёт, в творческом пересечении дают звук:

— Вчить.

Линия отлёта и мгновенный взрыв вверх и испуганный резкий поворот кидают отзвук:

— Карм.

Творчество ласточки заключалось в рисунке движения и в свистящем шуме, рассеяемого крыльями воздуха.

— Вчить-карм.

Творчество Поэта возникло на точном определении звуковой формы и на ритмическом соединении единого впечатления, сконцентрированного волей верного мастера—песнебойца.

— Вчить-карм.

Так наивно—приблизительно я (скрывая от Поэта) объясню момент словотворчества, понимая ясно, что хризолитовая линия падающей звезды — объясненная словами—(да еще днем) будет походить на кишку вымотанную медведем из коровы.

А рассчитывать на рыцарей чистаго искусства—чувющих истину — скучно и им это—мимо—все равно—дальше.

Пожалуй я имею ввиду друзей и еще какихнибудь чудаков.

Ах—эти чудаки.

Только они (берутся откуда—из Гдетотамии)—эти милые чудаки поддерживают всяческие открытия в искусстве молодости.

Это они — святые чудаки открывают—как гусята—розовые рты и в удивлении ждут от футуристов щедрого питания.

Чудаки отличаются от друзей бескорыстием и преданностью тайной и стойкой.

Как то Василий в Москве (1915) вместе с другом Давидом Бурлюком устроили лекцию о святых чудаках.

Но кажется чудаки не поняли что они—чудаки.

По крайней мере Д. Бурлюк вскинув лорнет спросил:

— Как же так Вася.

Потом привалил Маяковский и сразу же начал исторически читать стихи.

Стали слушать.
Недоразуменье выяснилось: лекция по жандармским правилам тех времен называлась—Война и Культура.

И это все вспомнилось в вечер мая на горе Цингал.
Я отдал траве Поэта.

Он обхватил траву, припал к земле и медленно—
тихо сказал:

— Пью.

Солнце лилось апельсиново-закатно.

Пахло божественной безпечностью.

Поэт жил у нездесь.

Футуризм.

Московская зима расцвела бурно.
Футуризм разлился океаном.

Василий Каменский, Давид Бурлюк, Владимир Маяковский, после ряда отчаянных выступлений (с Крученых и Хлебниковым) в Москве и Петрограде получили приглашены на гастроли по России.

В некоторых городах выступленья я организовал сам, а в иных—антрепренеры.

Маяковский ездил в яркошелковых распашонах, в цилиндре.

Давид Бурлюк—в сюртуке, с неизменным лорнетом с раскрашенным лицом, в цилиндре.

Василий Каменский—в коричневом костюме с нашивными яркими лоскутами, с раскрашенным лицом, в цилиндре.

Футуризм оказался в надежных руках этих трех экспрессов от Грядущаго.

Улицы Харькова, Одессы, Киева, Ростова. Баку. Тифлиса, Казани, Самары, Саратова и второстепенных городов оказались неменьше взволнованы, чем землетрясеньем.

Всюду театры были переполнены возбужденными массами.

Газеты встречали и провожали шумным треском столбцов всяческих критиков.

С залитых электричеством эстрад три гения от футуризма выкинули в море голов экстравагантной публики — сотни своих решительных лозунгов, закрепляя их стихами высшего мастерства.

Триумфальное шествие трех Поэтов—Пророков — футуристов, чья солнцeveкующая Воля, обвеянная весенней молодостью, — взвивалась анархическим знаменем Современности. — утвердило в десятках тысяч сердец Бунт Духа.

Старое искусство было чудесным предлогом для Проповедников Грядущаго, чтобы вместе с ним разрушить буржуазно-жандармский строй и создать новые формы Единого Культурного Человечества.

Умные—ясно и гордо понимали наши революционные жесты.

По внутреннему отсвету сияющих Истиной Глаз Слушающих,

по возбужденности идущих на подвиг,

по приветствиям девушек и юношей,

по скрежету зубов купцов и черных прислужников царизма,

по статьям кретинов-критиков—

Давид Бурлюк, Маяковский, Василий Каменский—стихийно чуяли Свое великое назначение футуристов и вдохновлялись во славу размаха—
— Дальше.

В Петрограде в это время с лекциями выступали ярко: Крученых, Б. Лившиц, Хлебников, Кульбин, Гнедов, Игорь Северянин, Матюшин, Николай Бурлюк, Ховин (журнал Очарованный Странник).

А в Москве ораторствовали: Ларионов, Гончарова, Лев Зданевич, К. Большаков, Шершеневич, Асеев, С. Бобров, Б. Пастернак, Маринетти (его приезд из Италии).

Вылетели книги—сборники: Дохлая Луна, Молоко Кобылиц, Хлебников (том стихов). Галдящие Бенуа (Д. Бурлюк), Маяковский (трагедия, шедшая в театре Комиссаржевской), Крученных (несколько изданий разных.)

Вышел Первый Журнал Российских Футуристов—толстый с рисунками.

Редактор — Василий Каменский, издатель Давид Бурлюк (он был солидным издателем многих изданий).

В марте вылетела пятиугольная книга железобетонных поэм Василья Каменского—Танго с коровами.

Я хочу Один
 Плясать Танго с Коровами
 И перекидывать мосты
 От слёз Бычачьей Ревности —
 До слез пунцовой Девушки.
 (Танго с Коровами).

Так весна 1914 года пышным карнавалом раскинула по России Пришествие Футуризма, утвердив Вольность Творчества на веки звездные.

Дальше.

В гостях.

В мае—в Перми—я подружился с девушкой Фаней Митрофановой, на пароходах Камы и Волги уехал с ней в Пензу к моим близким друзьям—Лиде и Косте Цеге.

Через месяц мы вернулись на Каменку.

Алеша с Марусей—молодой женой—были уже там, и Соня, и Витя — племянник.

Домик наш светился утренним счастьем, сосновым теплом, тишиной гор.

С балкона далеко вокруг видно.

В чем судьба—чья

Голубель сквозь ветвины.

Молчаль.

Все сошлись у журчья.

У на горке рябины.

Закачает качаль.

Расцветится страна

Если Песня стройна

Если струйна струна

И разливна звенчаль

И чеканны дробины.

(Девушки босиком).

Поэт отдыхал: Он писал стихи.

Поэт отдыхал: Он в разных городах накопил много редких дорогих старинных вещей—особенно на Кавказе—во время гастролей—и теперь устраивал Свой музей. Свое гнездо. Свою красоту.

Он разговаривал с вещами по иному так, будто они Ему отвечали.

Всюду с любовью ставил вещи, развешивал картины, рисунки, материю, парчу, иконы, подносы, четки, лампы.

Я ходил в лес, охотился, работал по хозяйству, возился с собаками, гонял верхом, рыбачил, веселился.

Фаня. Соня. Маруся, Ялеша—хозяйничали.

Иногда ктонибудь из нас ездил в Пермь на своей лошади (езды 5 часов) за покупками, газетами, на почту.

Поэт начал писать большую вещь, для театра—представленье жизни, изображающее Переселенье Души: где земная жизнь—лишь мимолетное звено пролетающей Птицы Странствий.

Переселенье Души — жизнь Поэта, судьбе которой фантастически везет настолько, что Поэт стремительно испытывает все высшие радости земного Звена, все исчерпывает до конца в этой жизни и мудро переселяется в Птицу Странствий с неизменно-мятущимся криком Духа:

— Дальше.

Кроме этой вещи—писал стихи, большую поэмию о Хатсу-индианке—наезднице из цирка (через год напечатанную в Стрельце).

Жизнь Каменки струилась крепким рубиновым вином.

Сосновые дни юношески трепетали.

Музей Поэта развернулся сказочно.

Светлый уют нового солнечного дома звенел хрустально-блестко в сердцах талантливых радостями обитателей.

Поэт закончил Переселенье Души (лежит без движенья).

Зашевелились Его крылья.

Осенью с Фаней я уехал в Москву — там с Давидом Бурлюком сняли студию — работали, собирались, проектировали выступления.

Ходили в гости к ученому из критиков А. А. Шемшурину—нашему славному другу, всегда скрывающемуся в стогах книг и картин.

Зимовать уехал в Куокаллу (Финляндия) на дачу к Евреинову — работать, писать книгу-монографию: Поэт получил предложение от Н. И. Бутковской—издательство Современное Искусство в Петрограде — написать о деятельности гениального Режиссера Жизни (тогда Он кончал свой огромный труд — Театр для себя) Н. Н. Евреинова.

Здесь в Куокалле Поэт близко знакомится с всемирно-знаменитым И. Е. Репиным — бывает у Него на журфиксах по средам, читает стихи, славит футуризм.

Чудесный старик И. Е. Репин производит на Поэта глубинное, мудрое впечатленье осолнцепаленного в высоких дорогах Странника.

Поэт встречал И. Е. Репина в гостях, по воскресеньям у Своего нежного—англичанина Душой—культурного друга, известного К. И. Чуковского, или И. Е. иногда приходил в гости к Евреинову, с Своей милой дочерью Верой.

Помню: меня необычайно остро тронул простой, но выпукло-образный рассказ И. Е. о том, как Он видел публичную казнь Желябова-Кибальчича.

И. Е. Репин написал (5 сеансов) большой портрет Поэта Василия Каменского и сделал несколько рисунков с Его в альбом Чуковскому и Себе.

Этот портрет был выставлен на выставке передвижников в Москве и Петрограде.

За вечерним столом у Н. Н. Евреинова Поэт часто встречался с Е. Д. Молчановой, В. Блиновой (соседкой), Юлией Ивановной (воспитанницей Н. Н.), Евреинов играл на пианино Свои вещи, тонко острил, напоминал Собой Гоголя, кого нибудь изображал, слушал стихи Поэта.

Наезжали петроградские гости: М. В. Ильинская — бывшая премьерша Госуд. театров, Н. И. Бутковская, Бурлюк Давид, Кульбин.

К весне Поэт закончил книгу о Н. Евреинове.

И ты моя алая песня, взвейся небовой венчалю и упади радужным звоном в сердце каждого, кто трепетно молод и пьян во славу Преображенья.

И ты моя песнеянная жизнь, расцветай ярким цветом и прыгай мячиком на площади Каруселей—Сегодня веселится мудрый Режиссер Жизни—Театра—Н. Н. Евреинов.

(Книга о Евреинове).

Я переехал в Петроград и был секретарем нескольких левых выставок, где участвовал с своими картинами и — на Трамвае Б (Пуни И., Богуславская К., Малевич, А. Экстер, В. Татлин).

Поэт часто выступал в Бродячей Собаке со стихами у всем родных Бориса Пронина и Веры Константиновны.

Бродячая Собака—была любимым углом—кабачком—театром—монстром Поэтов, Художников, Композиторов, Актеров.

11 февраля 1915 г. в Бродячей Собаке состоялся вечер Пяти (сотворчество): Поэты—Василий Каменский, Игорь Северянин, Давид Бурлюк и Художники—Сергей Судейкин, Алексей Радаков.

Поэт взвыл разбойничьи стихи.

Здесь в Собаке праздновался широко выход большого сборника Стрелец (редактировал джентльмен Беленсон, экзотический автор голубых панталон) и тогда Максим Горький сказал речь о признании футуризма.

О Стрельце шумно писали,—там были стихи Поэта, Поэзия о Хатсу, критический разбор А. А. Шемшурина о железобетонных поэмах Поэта—из Танго с Коровами.

Эти поэмы (графическое-словесное творчество) всегда нравились П. Щеголеву из Дня.

Профессор С. А. Венгеров для критико-библиографического словаря взял краткую биографию Поэта и Его портрет.

(Профессор напишет).

Поэт посещал в Петрограде друзей: Элю и Бориса Григорьевых, Алексея Ремизова (где познакомился с Ивановым—Разумником), М. В. Ильинскую, Н. И. Бутковскую, Матюшина.

В эти же дни Давид Бурлюк повёл Поэта погостить к приехавшим в свою Петроградскую квартиру (на Невском) Дружьюм Искусства П. Е. и Н. Д. Филипповым.

Бывал у Ф. И. Шаляпина, Максима Горького.

Гостил по несколько дней в Гатчине у стихийного Куприна,—в Куокалле у Евреинова, ездил в рызанское именье к Ф. А. Малявину, с которым охотился на лисиц.

Ф. Д. Малявин с исключительной дружбой отнесся к Поэту (и вся Его семья), восхитив Его изумительной чуткостью и широтой, неуступавших по яркоцветности знаменитым Его малявинским бабам.

Не камня, не шолк и не золото
 Не повадка лихая ушкуйная
 Обуяла меня удаль смолоду
 Да житье безшабашное—буйное.
 (В. Каменский из Н. Сатирикона).

Ездил Поэт в Москву—повидаться с Маяковским, Бурлюком, Ар. Лентуловым.

В Москве Он близко познакомился с чудесным Вас. Ив. Денисовым—часто у В. И. бывал в мастерской, впивая Его ясноглубинность яркого Отшельника—чей размах вольного Мастера великой Интуиции.

Поэт горячо восторгался разливностью К. Д. Коврина, светлой скромностью С. В. Малютина (С. В. писал пастелью портрет Поэта).

Настроенный всегда опьяненно молодо, Поэт с искренней близостью и горячим желаньем знакомился с людьми Искусства.

Подходил тонко, остро, раздольно, искренно,

Будто жаворонок Он весенне звенел над полями творческих затей мастеров — товарищей, всегда ожидая от них Чудес и сокрушительных удивлений.

В Москву тогда вернулся — после долгого отсутствия из России—Бальмонт

Его стали чествовать друзья в Литературном Обществе большим ужином (председательствовал Валерий Брюсов)—Поэт прочитал Бальмонту приятный дружеский тост Свой.

Всюду и везде Он являлся возвестником Карнавала и победно кричал:

— Поэзия—Праздник Бракосочетанья Слов.

Его гениальность (Я о Нём)

Природная от глубин земли яркоцветная самобытность, размах и стихийная вольная сила — вот признаки во истину отмеченной гениальности Василия Каменского.

В его росных глазах стрелы утреннего солнца, а улыбка или играющего ребенка или светлогрустного мудреца.

В его крепких руках резец, плуг, топор, кирка или перо.

Или перо каленой стали.

В его росте и цвете стройная гибкость северной рябины, а в волосах кудри спелой ржи урожайного края сам тысячу.

В его голосе—строгая нежность, заботливость, музыкальность.

Или вдруг он звучит раскатно—призывно (если говорит речь на лекции, митинге, собрании, пирушке) или вдруг—когда читает свои стихи — весь преобразается до нездешняго и созерцая будто с горы в разливной напевности открывает слова.

Звенит вода хрустальная
 Журнальная вода —
 Моя ли жизнь усталая
 Устанет мчать года—
 Я жду чудес венчающих
 Девушку я стерегу
 Сижу в ветвях качающих
 На звонком берегу.
 Цинь—цивий
 Цивью—цинть.

(Девушки босиком).

Это из любимой его и друзьями — поэзии о соловье.

В Его отношении к Миру и к людям—столько без берегов благородного внимания, рыцарской чуткости, поэтического удивления, крыловой раздольности.

И столько от Вечности, от Грядущаго, от Звездного сияния.

В его движениях — Индия и среди растений он —Иог.

Я видел его часто прислонившимся плотно корой к дереву и по ветвям он простирал руки.

Я знаю Он искал встретиться с душой дерева, чтобы спросить о судьбе иного постижения мира и сказать о своем Земновании.

Иногда я издали наблюдал как Он чисто и кротко где нибудь на лугах или в городе подходил к животным и—уверившись, что один среди них—говорил с ними, говорил медленно, плавно, созерцательно.

И каждому животному говорил отдельные слова, смысла которых я—как человек—понять не мог.

Людей он чуял сразу, стихийно.

Одним взглядом он пронизывал будто безгромной молнией душу встречную и узнавал всю сущность, все внутреннее дарование, вес изгибы, все возможности, всю судьбу каждого человека.

И ни в ком не ошибся, если подходил близко или от кого уходил совсем в свое одиночество.

Великим из его достоинств было — никого не осуждать и все понимать и—главное—прощать просто и светло тяжкие и черные обиды.

Я часто старался нарочно подольше удержать его в обиженном состоянии и видел сердцем как это было ему больно.

Но Поэт всегда сокрушительно побеждал и меня и всякие обиды — и вместе все земное—и весело снова распевал.

Я отчаянный рыжий Поэт
Над долинами—зыбками
Встречаю рассвет
Улыбками Для.
Для не все ли равно.
Ветер. Трава.
Пой со мной—
Я песнепьянствую.

(Девушки босиком).

Мне кажется глубже всего Поэта обижало всеобщее непониманье его гордого назначения Его Красоты, Его Любви, Его Песен во славу дней приливающих с горизонтов.

Я знаю, что мы — обыкновенно серые и пестрые люди—мы неумеем понимать—отвечать—ценить—оберегать Поэта.

Мы—публика книг и театров—умеет только грубо брать, хватать, черпать, насыщаться за счет великих духовных богатств Поэта.

Мы—публика—книг и театров—иногда умеет отблагодарить Поэта памятником после его смерти или чаще и дешевле диким хлопаньем в ладоши после его выступления.

Но мы никогда неумеем приблизиться до творчества к Поэту.

И мы никогда ничего недали Поэту—кроме обид, пощечин и грубого непониманья Его Пришествия.

Правда, зато мы как граммофоны вертели свои плоские души, читая наизусть жаркие футуристические Его Стих—

Пусть иные—чуткие—редкие друзья поднимались до близости к Поэту — не все ли равно—и друзья—как и все чужие—оставили Поэта жить одиноким и несогретым.

Лань, ты вольнее коня—
 Огнеев огня—
 Ярче лета—
 Как и все ты покинешь меня
 И оставишь без счастья
 Поэта.
 Ах лань моя быстрая
 Искрая лань.

(Девушки босиком)

Даже девушка—лань, полюбившая Поэта, уйдет от Него и это Он чувствует, большее: девушка — лань—единственная от кого Он желая чудесного спасенья, любви, ответной Красоты и мудрого утро-

зарного покоя—она уйдет от Него, потому что придет не ради Него, а ради только себя.

Так приходили все.

И только редкие экземпляры чудачков приносили Ему случайный беззаветности ради Поэта и уходили так странно—незаметно, что Он не успевал их поблагодарить за вдруг неожиданное.

Я помню один чудак в Ялте после лекции—вечера Поэта притащил Ему в огромной стеклянной банке лучистую черно-желто-голубую морскую рыбу и сказал:

— Возьмите рыбу—она ночью светит и гудит—я ей все ваши стихи прочитал и теперь ее можно отпустить.

Я подумал о ее вкусоности.

Он ночью утащил рыбу на берег и там до рассвета разговаривал с ней, а потом нырнул в море и там ее выпустил.

Два дня Поэт грустил по рыбе.

Куда девался чудак и где он достал рыбу-неизвестно.

Мильонерша Соловьева (тоже в Ялте—1916) поднесла Поэту веник из колючих ветвей крымского кустарника и во время лекции гоготала как гусиха, а Он непонял капиталистического остроумья никогда нежалевшего на искусство тратить кухонные принадлежности.

Когда же ему объяснили злое подношение Поэт кратко ответил:

— Мне ничуть необидно: пусть для мильонерш это веник—для меня это—горная зелень апрельского склона Ялты, а вот то что эта барыня бездарным смехом мешала читать — было больно.

Однако вскоре эта барыня извинилась за гру-

бость, и наговорила Поэту, массу любезностей ненужных и мимо-непонятных.

И таких барынь было немало.

И все они были глупы, наглы и богаты.

Впрочем какое дело Поэту до барынь с бриллиантами в ушах и с изопрелыми мозгами в дряблых головах.

Вообще—какое дело Ему до всех—кто плюет в глаза солнцу—кто богохульствует—кто разрушает культуру—кто смеется над футуризмом кто гонит поэтов—пророков.

Он—только Гений.

Его светлошолоковые кудри на высоком лбу—всегда в ветре вершины Вечности.

Его глаза цвета утреннего моря смотрят всегда из стана Грядущаго.

Он обладает тем сверх—зрением, которое открывает завесы иных постижений иного мира.

Он видит межпланетные пространства и он видит разделенье фосфорических волн движущагося по листку светляка.

Я—же смотрю как все и мне кажется—что я и все—слепые черви.

Мы видим хорошо только то, что нужно жрать нашему брюху—иногда видим друг сомнительного друга—и тупо видим только себя—свое—для себя.

А Он—только Гений и мы дадим Ему все возможности сгинуть.

Он—не—бефштекс—Он нам ненужен.

Его гениальность пугает нас своим возбуждением.

Он—фантазер—слишком требует от нас свободного Духа во славу революции Духа, а наше дело было и осталось делом революции Тела.

Он—сверх—анархист.

Политическую свободу—основанную на власти и подчинении—высокую заработную плату—самоопределение национальностей—условное разоружение—волонтерство—всю эту революцию Тела—стройный порядок организма — купеческий покой вкусно нажравшихся Он не признает, не принимает.

Он требует творческого разгула вольного Духа—трепетного горения—лозунгов пролетающих мыслей—проявления стихийного Разума — прославление божественной Личности — творчества во имя творчества — слиянья всех народов мира—перенесение крупных городов в Природу—грандиозное развитие воздушного сообщения.

С колоколен Современности Василий кричит нам лозунги:

- Карнавалы Поступи Культурных достижений.
- Чудес—больше чудес Искусства.
- Праздники Открытий.
- Долой борьбу за существование—не в брюхе счастье жизни—брат накормит брата щами и кашей и даст дружеский кров—все есть.
- Да здравствует борьба за бога внутри каждого — за рассвет дарований — за выявление всех возможностей.
- Пьедесталы на площадях — куда должны ставиться на час или два гении, чтобы все видели и слышали Живых, а не чугунных после смерти.
- Бей каждый в колокол своей Души, чтоб в хороводном перезвоне услышать алошелковую ленту Гимна торжествующего духовно Человечества.
- Напряжение высшего мастерства.
- Признание футуризма Первым Истинным Искусством.
- Каждый взлет во славу Молодости.
- Энергичное биение Пульса Дня во всей Красоте Совершенств.

Давайте внесем свои
Легкие головы
На Отчаянное Высоко.
За Песнями с Песнями.

(Девушки босиком).

— Да здравствует конференция Гениев всего
Мира.

Его Музей

Его музей на Каменке.

Это конечно не третьяковская галерея-кладбище и не Лувр-склеп и не раскопки Помпеи-Геркуланум-Стабия.

Его музей ценнее—здесь вещи живут, смотрят слушают, знают, Его вещи одухотворены Поэтом.

Этот музей—в сосновом доме на горе—в верхнем этаже в просторной комнате Его.

Есть еще вещи и в других комнатах, но мало.

Этот музей охраняют кругом высокие сосны да солнце.

Когда то музей даже был застрахован в Волостном Правлении в три тысячи: старшина с писарем оценили музей, как кухонную посуду (и то хорошо).

Если случайно сгорит музей—Поэт с последней болью посмотрит на пепел и тихо уйдет—все прямо—дальше, чтобы не вернуться.

Он создал свою кумирню-хижину с великой любовью религиозного фанатика, когда скитаясь по свету Он вдруг находил ту редкую вещь, которая находила Его.

Незримая, но глубокая нездешняя связь рождалась между нами: Поэтом и Вещью.

Разве не бывает так, что в жизни проходишь мимо тысячи вещей и замечаешь их, но одна вещь вдруг остановит и посмотрит родными близкими глазами и захочется ее взять, приобрести или чтобы подарили.

Это бывает со всеми.

Но когда Поэт встречается с вещью—Он постигает иное: ее душу, ее обвеянность прошлым, руки и мысли тех, кто прикасался к ней с любовью и вниманием.

По вещам Поэт находит друзей—ушедших—переселившихся в другое воплощение вселенной.

Вещи открывают ему тайны и знания, мысли и глаза.

Будто друзья окружают Поэта вещи музея, общая Его сознанию свою сущность не от мира здесь.

Керамиковый цветной глазури верблюд, серебряные с камнями кольца, пестрые чулки, подножники коврики (для молитвы), платки, янтарные чотки—все эти вещи привезены Поэтом из Турции (1902 и 1006)

Старинные иконы—живопись на полотне, дереве, медные с эмалью складени, чеканного серебра ризы, лампы, цепи, книги, парча,—это собрано по России всюду.

Есть деревянный ангел из Архангельска—соловечких обитателей, светильник и ладан из Ерусалима.

Чайные чашки, тарелки, толковые вышитые цветами платки—шали, убранства, ларцы, серьги, набойки,—все это русской старины.

Есть украшения из раковин и кораллов дикого племени дагомейцев: Поэт встретил одно семейство в 40 человек в Милане (1911).

Всего же больше вещей персидской древности: кувшины, подносы, чаши (медь с серебром) резные, всякое оружие—резное с золотом, стеклянные с эмалью кальяны, ковры, миниатюры—живопись—графика—книги, набойки, платки, кольца, музыкальные инструменты.

Многое из персидского куплено на Кавказе, много подарено в России.

Есть замечательная кукла — богатая персианка с семью косами, — подаренная принцессой Туран (в Тифлисе) дочерью Меджид Салтане Ардашир хан Афшира.

Из Персии Поэт (1906) привез украшения и занавески—цветные парча из гаремов.

В Париже—Лондоне—Берлине Поэт у антиквара накупил всяких вещей (1911).

Во время гастролей Крымской весны (1916) Поэт приобрел много татарских вышивок серебром, камней, пряжек, мелочей.

У Него есть кистени и печоночные ножи найденные в пещерах жигулевских гор времен Стеньки Разина.

Еще много китайских, японских вещей и все это среди живописи всего дома от полу до потолка и на потолке.

Среди известных живописцев есть: Давид Бурлюк, Малявин (5 цветных рисунков с Поэтом), Малютин, Аристарх Лентулов, портрет и рисунки), Гауш, Влад. Бурлюк, Борис Гругорьев, Гончарова, Ларионов, Валентина Ходасевич, Ольга Розанова, Петр Субботин—Пермяк, Кульбин, А. Яковлев, Вас. Денисов, Н. Гущин, В. Воинов, И. Грабовский, Реми и др.

Среди малоизвестных—Его краски (еще невыставленные).

Имеется библиотекам книг которой много книг с надписями авторов, много—автографов—писем знаменитостей—друзей.

Есть кустарное искусство: игрушки, бураки, прялки, полки, чашки, ложки.

Коллекция детских рисунков и много разных вещей,—подарков,—на камине Каслинского литья.

И тут же—в музее Поэта — мои вещи: моя кожаная каска авиатора (привез из Парижа), орудия убийства,—защиты и охоты,—и вещи вносящие безпорядок: грамфон, кресла, шкуры, лампы, сапоги, карточки.

Порядок в музее — идеальный: здесь живет своей жизнью каждая вещь и в них—Поэт.

Поэт говорит с ними, переставляет, курит им сигары, ладан, свечи восковые, а по вечерам перед стеной икон зажигает цветные лампы, иногда—в холод—топит камин—сидит на турецком коврикe,—и некоторые вещи—кому священен огонь,—ставит около себя.

Он знает желанья вещей.

Он—Иог—мудро проникает Своей Волей в духовную сущность бытия там—где начинается Материя—создавая миры — Землю—Человечество Культуру—Футуризм—и где кончается каждое Переселенье Души, растворенное Вечностью.

Клык мамонта дилювиального периода ледниковых отложений, найденный где нибудь в средней Азии, или представленье библии Хаоса—первичного зачатия мира, или жизнь микроорганизмов, вносящих малярию через укушенье комаров, или высший расцвет арабской поэзии до появления Магомета, или гальванизированное железо цинковым слоем от окислении, или небесная механика движений в солнечной системе—следствие закона всемирного тяготенья (Ньютон), или мифология древней Греции, или наконец Пульс Культурного Человечества и

Пришествие Футуризма—Это ли не Музей Духа Его, в котором Он пребывает от Начала до Века, концентрируя в Себе океански притекающие реки познаний.

А вещи Музея на Каменке—на горе—охраняемые солнцем да соснами — не есть ли воплощенные следы Музея Духа, которые указывают уже пройденный путь какого нибудь звена Минувшего или Настоящего.

Не есть ли Поэт—собравший в свою часовню соснового покоя вещи—Иог—Жрец—фанатик совершающий Свой обряд священнодействия.

Не есть ли Поэт—одна из более живых вещей Музея Его, странная вещь, напоминающая людям искусственное солнце.

Не вещи ли Его пусть сами лучше расскажут Биографию Поэта, а вся Его комната жизни на Каменке не лучше ли меня откроет истинную душу Его творчества.

Смолистые сосны кругом да поля в горах дополняют поэму Его Дней—здесь.

Когда нибудь Каменка станет Ясной Поляной и—люди друзья—чудаки—девушки поймут, что гнездо улетевшей Птицы было свито руками гениального Поэта Чудотворца.

Я же—только сторож дверей Его святая святых и эту сосновую Часовню я готов открыть всем желающим увидеть Его Музей — на Каменке, всем желающим отдохнуть на высокой горе созерцанья.

Я живу дома летом (май—июнь—июль)—в остальное время года прилетаю налетом.

Я всегда жду гостей—и гости приезжают.

Я жду—пожалуйста.

Стенька Разин.

В мае Поэт вернулся на Каменку один—без Фани —она ушла домой, чтобы осенью уехать на курсы.

И снова я вольный

В вершинах распластанный

Горноуральский орел

Над Судьбой.

Все к—лучшему.

Дальше.

Поэт задумал написать давно заветную книгу—
роман Стенька Разин.

И чтобы раздольно вдохновиться по истинному,
по весеннему, по расцветному—

Чтобы Волга от Жегулевских гор до Астрахани
разливалась ярче по Душе Поэта и легкими, крыловей-
ными носились бы ветровые мысли о Стеньке Разине
—Поэт сел на пароход в Перми и уехал в Астрахань
—работать в дороге, в движенъи, в разгуле.

И работал отчаянно, стихийно, буйно, запойно, и не работал—а пел, кричал, звал.

В дороге и на остановках под Жегулевскими горами, в Астрахани—Поэт писал на клочках бумаги, на телеграммах, на носовых платках, на конвертах, на бересте, на полях газет.

Зажженный пламенем великой идеи—дать всю сущность русской Души, всю урожайную талантливость, всю буйную Волю, всю народную Мудрость—в едином Стеньке Разине, чей Единственный образ веками живет в нас—безпредельно любящих свободную жизнь—Он развернул все Свои творческие силы без остатку и так от искреннего сердца, что задыхался от прилива песен и размаха.

Работа сияла солниевстально.

Весенняя Волга помогала разливно-гордо.

Из Астрахани Поэт заехал в гости к звучальному другу Лиде Цеге в Пензу: с Соней и Жоржиком она жила в лесу, на даче.

Славно и там было писать среди веселой, звонкой дружбы.

Лида Цега—современный композитор—играла Поэту Свои яркие вещи, а Соня и Жоржик радовали затеями.

Поэт возвратился на Каменку счастливым: Стенька Разин почти был закончен.

Здесь Он еще с высшими силами окружающего горного покоя стал напряженно работать и к концу лета роман Стенька Разин был готов.

Я охотился, жег костры, хозяйничал, затевал всякие дела.

Поехал в Пермь к нотариусу в во владенье Каменкой ввел на равных началах Алешу, Петю, Соню, чтобы больше нечувствовать себя самодержцем.

Ведь по существу ни мне, ни тем более Поэту никогда ничего небыло нужно,—напротив—я всегда горел желаньем отдать, помочь, откликнуться, встрѣтить.

И всегда совершенно беззаветно.

И даже тогда, когда мне платили жестокой, грубой неблагодарностью, я не осуждал, не сердился, не мстил, а только преклоненно слушал великие слова Поэта:

— Уйдем дальше.

И часто Поэт на крыльях освобождения уносил меня совсем далеко: еще не успели смолкнуть в обиженном сердце недавние недоразумения, а сегодня глаза мои смотрят откуда нибудь с Ай-Петри в долину жизни и нет берегов величественному созерцанию.

Что—суета для Стеньки Разина.

Что—мелочность для Поэта.

Раззолотилась грустинная осень—ласковый друг одиночества — по звездным ночам в небе переключаются перелетные птицы.

Поэт стал видеть южные сны.

Я решил ехать в Москву и там немедленно заняться изданием Стеньки Разина.

Уж слишком сгустился гнилой мрак царящей кошмарно реакции, будто все задохло творческое, угроzarное, свободное, будто все боялись проявить свою волю,—а Стенька Разин—народное солнце Свободы—любимец буйной молодости — рыцарь чудесных песен — Он ли не мог напомнить друзьям о своем Победном возстаньи за долю молодецкую.

Небо Давида Бурлюка.

В Москве осенью я сейчас же энергично взялся за издание Стеньки Разина.

Печатала типография—Культура—К. А. Мисиеровой, Мерзляковский — где нежным вниманием мне много упростили труд.

Напролетные ночи я сидел за корректурой.

А Поэт вечера проводил в открывшейся (на Кузнецком) Башне—Студии театра друга Поэта Сам. Вермеля (автор—Танки—хризантемно—сексуальных стихов чайных домиков в Нагасаках), здесь постоянно бывали: Ар. Лентулов, Н. Рославец (сверх—композитор), Дм. Варравин—Поэт, И. Машков.

Здесь под чтение стихов Поэта ученицы и ученики парами ритмически танцевали (словопластика) и разыгрывали пантомимы С. Вермеля.

Здесь Поэт прочитал публичный трактат—Чугуннолитейный Давид Бурлюк—где исчерпывающе выявил творчество Своего Великого Друга,

Вот несколько справедливых строк из Его трактата:

Давид Бурлюк—символ Эпохи Перерождения Искусства Мира, Он — тонкий философ—сатирик Современности, мудро, светло и победно улыбающийся сквозь Лорнет вслед ворчащим богачам от академии, Давид—Поэт чугуно-литейного лаконизма, умеющий поставить знак равенства над всем Карнавалом лозунгов футуризма. Его творческая парадоксальность, динамичность, конкретность, Его слова и неожиданные краски, Его культурный фанатизм—создали Ему мировую славу—Открывателя. Его Имя стало сигналом Новаго, Смелого, Первого, Вольного, Гениального. Воистину Давид Бурлюк—фельдмаршал мирового Футуризма.

(Из книги—Давид Бурлюк)

Практат Поэта завершился чтением стихов Давида Бурлюка и восторженной телеграммой Ему в Иглино (около Уфы) где Он зимовал.

Давид Бурлюк—любимейший друг Поэта.

Ноябрь ознаменовался вылетом Стеньки Разина.

Поэт возсиял бурно, расцветно.

Книга смотрела глазами Стеньки Разина.

Друзья встретили звонкой встречально: потащили Поэта в кабак праздновать книгу, чокались сочно, радостно.

Аристарх Лентулов с Марией Петровной (жена) С. Вермель, Кожебаткин (известный издатель) пировали с Поэтом дружно, светло, молодо.

Книга пошла стремительно—в три недели все издание было распродано.

Молодежь, студенты, курсистки искали случая увидеть Поэта, чтобы сказать Ему свои благодарные, взволнованные чувства.

К Поэту приходили группы молодежи Донской, Волжской стороны с трепетной просьбой—написать чтонибудь на память от автора на принесенной книге

Стенька Разин, толковали с Ним, клялись Ему стать на борьбу за молодецкую Волю.

Благодарили горячо за то, что в черные ночи царизма они почуяли себя озаренными чудесными силами борьбы и победы за Свободу.

И поклялся сам себе Степан на солнцевостальной заре положить на плаху свою кудрявую буйную голову за святое дело Народа, за жизнь молодую, раздольную, братскую, равную, за вольную Волю, за урожайные отчаянные песни, за удалство молодецкого бунта. Сарынь на кичку.

(Стенька Разин)

И вот теперь—Сегодня—когда сбылись великие затеи Разина—Поэт обращается к Нему приходившим—с дружеской благодарностью за горячие клятвы, приветствия и кричит:

— Друзья Свободы Народной,—необходимо медленно на вершинах Жигулевских гор в память Стеньки Разина воздвигнуть (требуйте) на деньги государства—дома—башни—вышки, чтобы там основать молодецкое жилье во славу творческую, талантливую, футуристическую, вольную.

— Друзья Свободы Народной, — давайте там—на Жигулевских горах жить—кто любит истину Красоту: простор, высокие горизонты, костры, разгул, песни, затеи, работу Искусства.

Пускай пассажиры проходящего мимо по Волге парохода Современности видят и чувят, что Стенька Разин оставил в городах достойных удалцов—друзей — чья жизнь развернулась яркоцветной легендой Дней, — чьи гениальные головы переполнены чудесами.

А лозунги вот:

- Бунтуй за океанскую волю.
- Раздувай вихрем Паруса в солнце.
- Ешь денечки как ягоды.

- Ломись, свисти, при, нажимай.
  - Высоко заламывай голову.
  - Раздавайся в раздолье.
  - Мотайся в безшабашном величии.
  - Веселись во всю колокольню.
  - Песнепьянствуй. Хватайся за волосы вершин.
  - Пой и реви и славь молодость.
  - Жить один раз—все единственно.
  - Вей, разливайся, раскачивайся душа.
  - Пляши сердце.
  - Раздобырдывай агалма-турма-мурра.
  - Рраз оборвался в Волгу чурбан твоя мать.
- (Стенька Разин)

Поэт совсем закружился со Стенькой Разиным: всюду везде Его звали читать стихи.

Он едва успевал.

То он читает среди гостей у Лентулова, то—у В. В. Лабинской—в салоне которой собирается публика Искусства, то—у Е. П. Кудряшовой — где Поэт встречает много светлого вниманья, то — у С. Вермея в кругу друзей, то—в литературном—в семье букв, то часто где нибудь на женских медицинских курсах, вечеринках, у студентов, в столовках, на заводских сценах, в театрах.

Или появляется в Летучей Мыши—где Н. Ф. Ба-лиев дружески встречает Поэта остротами со сцены.

В Летучей Мыши ставилась инсценировка Поэта из Стеньки Разина — песня персидской принцессы Мейран.

По какому то благотворительному случаю в инсценировке персиянки Летучей Мыши читала Л. А. Ненашева, а под стихи танцовала Холодная.

Л. А. Ненашева чудесно читает персиянку Поэта всюду с эстрад, читают также Его стихи еще многие артистки и артисты и Поэт всегда остается сердечно тронутым вниманьем товарищей.

Крождеству Поэт уехал в Петроград.

И конечно сразу же очутился в штабной квартире петроградского футуризма у друзей Лили и Оси Брик (на Жуковской) а там встретил Маяковского, славную лэди Эльзу (сестру Лили), Хлебникова, Шкловского, Рюрика Ивнева, Ховина,—радиоактивная компания Нью-Йоркских замыслов.

Цитадель.

Директор—О. Брик.

Кассир—В. Маяковский.

Здесь Поэт встретил 1916 год сочной, виноградной, как выдержанная мадера, речью.

Глаза друзей блестили ярче, чем комнаты, иллюминированные фонариками.

Маяковский гремел гениальными стихами.

Все были накануне Чуда Слова.

Электрическая насыщенность дружеских душ увеличивалась нервным предчувствием грядущей революции, т. е. того великого смысла футуризма, во имя которого возникло возстанье творческого Духа.

Острая, как бритва молнии, и образновыпуклая, будто Эльбрус, поэзия Маяковского в Его упоенном исполнении всегда производила сокрушительное впечатление.

Камарджоба—салами—Мзэ.

(Маяковский, знающий грузинский,—это поймет. Мэ—гиноцвали).

В Петрограде Поэт виделся еще с Алексеем Ремизовым, Вс. Э. Мейерхольдом (вспоминали Николаев), Н. Н. Евреиновым, Н. И. Бутковской, Т. В. Жуковской, Фед. Сологубом, (гостил на елке, на именинах А. Чебатаревской) Н. А. Тэффи (у Н. А. Поэт бывал всегда на ее синих гостеприимных вторниках).

Критика встретила Стеньку Разина ярко-классово.

Торговая пресса шумнословно разносила автора вместе со Стенькой Разиным (принципиально по черносотенному).

Одно Новое Время двухаршинной статьей (под заглавьем—Матерый Сын) доказывало явный революционный вред книги и автора, называя Стеньку Разина мерзавцем-анархистом.

Демократическая пресса (особенно учащихся и провинциальная) торжественно поздравляла читатель с великой книгой.

Н. А. Теффи (Журнал Журналов) написала горячую, светлую, глубокую статью о книге Стенька Разин: Она заявила что это—даже не книга, а нечто большее, потому что она не просто читается, а горит, бьется в взволнованных руках, вызывая на иную судьбу—жизнь понизовой вольницы, величественного размаха за други своя.

Н. А. Теффи—единственная, кто так искренно и смело-открыто в печати восславил идею автора в черные дни—когда все другие боялись показать себя перед жандармами вольнолюбивыми.

Зато Новое Время снова взялось за автора Стенька Разина, грозя Ему нагайкой и перекладиной за бунт против царизма (в книге возносится хвала Стеньке Разину за святое дело сверженья царя и князей).

Н. А. Теффи—да здравствует.

Ведь книга Стенька Разин родилась Чудом в дни мировой скорби, когда душа истосковалась по вольной воле, а сердце устало биться без творческого смысла.

Стенька Разин расцвел желанным Солнцем на небе литературного безвременья и жалкой трусости.

Эта книга дает гениальное выражение сущности всенародной любви к своему великому бессмертному герою Степану Разину, выявляя его угрозорным борцом за Волю.

Эта книга—стихийное творчество.

Ужас русской критики всегда заключался в тупом неумении найти истинную книгу.

Поэтому критика никогда не пользовалась уважением и даже не читалась.

Из Петрограда Поэт уехал в Пермь, погостил у милого товарища Клани Везоной, взглянул на зимнюю Каменку и вместе с другом Своим Володей Гольцшмидт уехал в Крым читать лекции о футуризме, об Утверждении Свободной Личности и Свои Стихи.

Критик.

Знаменательно.

Только один из всех критиков Его Творчества— это Борис Гусман—в статье Василий Каменский чутко резко разделил Его на два лица, на два берега.

Опьяненный буйной радостью Земли Василии Каменский, под неумолчный говор леса, распевает на приволье волжском свои разбойные безшабашные песни.

Как будто два лица у Василья Каменского.

Одно—нежное, любовно-грустное, обращенное к „листочкам-шелесточкам,, „волнинкам,, „речушкам-дразненкам,, „говорливым „журчейкам,,.

Другое—злое, обращенное к пришельцам из города.

И два голоса у него.

Один гибкий и ласковый, как шептание веток между собой, нежный и звонкий, как голоса любимых птиц (землянка),

Другой—зычный, острый и резкий, как лезвие кривого татарского ножа, который он носит за поясом (Стенька Разин).

Старый разбойный клич „Сарынь на кичку!„ ожил в жестоких, суровых строчках Василия Каменского, ушедшего от людей в угрюмые дебри лесов, где так чудесно качаться на широких ветках сосен, видя над собой зеленые глазочки звезд.

Раскинул ловок и хитер
Я на сосне шатер!

И дальше:

Вчетыре пальца просвищу—
Шарахнется сова
Забьет крылом.

Этот грозный, молодецкий свист в четыре пальца, от которого дикий ужас объемлет лесных обитателей; и крик, разбойный, могучий, от которого стынет кровь у прохожаго по лесной дороге—вот что заменило ему слова.

И как непохож этот Каменский—дикий, лесной—на того который нес в своей душе такую нежную грезу об Утреннем Озере.

„Да, есть Утреннее Озеро—это здесь розовые лебеди собирают росинки радостинки и потом, в предсветный час, превращаются в туманы и плывут по раздольным лугам.

Да, есть Утреннее Озеро—это сюда спускаются голубокрылые Ангелы Радостей и собирают слезы Счастья, а потом уносят их к людям„!

Но эта разность, непохожесть только кажущаяся.

Василий Каменский ведь за той упрекает людей, что они растеряли на пыльных панелях улиц эту радостную мечту об Утреннем Озере.

И его голос резок и груб только потому, что люди нехотят слышать его радостного голоса.

Любите, любите, как любит вас Солнце.

И вечная радость Земли.

Эти два голоса—один нежный и радостный, другой грубый и зычный сливаются в один—мощный и выразительный, зовущий нас к вечной радости солнечной Любви.

И эти два лица—одно умиленное и любовное, другое—злое, полное ненависти—сливаются в один лик русокудрого, небогазого поэта Земли—Василья Каменского.

(Борис Гусман. Журнал — Очарованный
Странник.)

Лекции на Ай-Петри.

Снова Крым—Ялта.

Горы, бирюзовое море, корабли, тишина.

Февраль.

Розово женственно цветут яблони, миндаль.

Солнечно приливает весна.

Начался большой съезд.

Я с Володей Гольцшмидт сняли одну квартиру в Ялте, другую—в Новом Симеизе, в вилле Дельфин.

В Симеизе удобнее, ярче, интереснее жить и мечтать Поэту.

Мне же и футуристу жизни Володе для организации лекций необходимо иногда жить в Ялте.

В Симеиз ездили на автомобиле—это довольно дорого, зато скоро, красиво и безшабашно: уж все равно были готовы к тому, что много заработаем и еще больше проживем.

Я никогда неумел жить экономно, напротив—привык жить широко, безопасно, свободно, раз-машно.

Часто так, будто живу последний день, пью предпоследнюю чарку вина.

Ия свой кубок поднимаю
И улыбаюсь друзьям, врагам.
Куда я еду — сам незнаю
К каким пристану берегам.
(Девушки босиком.)

И пусть эта беспечность иногда заставляла огорчаться и досадовать на безденежье—эх, зато одних воспоминаний — еще неуспевших отзвучать — было достаточно для утешенья, а иногда необходимо— для отдыха.

Впрочем, в крайностях был виноват всегда Поэт, неужелимо влекущийся к пропасти, безумию, гибели.

Развернувшимся душам ненадобно
Меркантильных устройств:
Все равно на земле все разгадано
Весь исследован штат Иллинойс.

В ялтинском курзале состоялась первая лекция Поэта, вызвавшая энтузиазм весенних гостей.
Поэт призывал:

Гости Крыма! Будьте взрослыми детьми, возьмитесь за руки идите к морю, идите в горы.

Слушайте музыку прибойных волн Вечности.

Слушайте перезвучально-разливное пение птиц вокруг, слушайте сердце свое в созерцании—поймите весну жизни своей творчески вольно.

Радуйтесь. Смейтесь. Любите.

Горите яркими огнями возможностей. Ищите в себе новых откровений.

Бегайте весело. Пойте песни, читайте мои стихи— (Василья Каменского). Произносите тосты, поднимая полный бокал фантастического вина за звонкое счастье—красиво, свободно жить.

Трава и камушки, птицы и небо, море с медузами, дельфинами, чайками, и все люди вокруг—да будут верными друзьями вашими.

Гости Крыма. Здесь в солнцесточнике черпайте силы свои для творимой легенды дней Здесь в бирюзовом воздухе гор и море купайте души свои, чеканьте хрустальность восприятия красоты Крыма.

Главное удивляйтесь больше, удивляйтесь всему на свете существующему чудесно, славьте вольнотворческие размахи, торжествуйте опьяненные яркостью, Ждите от удивлений возрождения Духа. Вставая утром рано идите в жизнь как на желанный праздник. Помните вы гости Крыма и это ваше дело ответить на разлитую красоту вокруг—красотой своей поющей души.

Чаше всходите на вершину Ай-Петри, чтобы оттуда с орлиной высоты взглянуть на мир глазами мудреца, постигнувшего все величие и всю простоту жизни для жизни. В запахе роз и магнолий, в полете птиц, в солнцесточении, в пышном пространстве, в вольных дорогах и в каждом из гостей Крыма—ищите отражение своих желаний встретить истинный смысл устремления—вот как солнечно надо жить в Крыму.

Поэта засыпали цветами, подарками, приветами.

А когда Он читал из Стеньки Разина—ураган апплодисментов долго носился по театру.

Чуялось, что молодежь жаждет свободных дней.

Ряд других лекций Поэт читал вместе с Володей Гольцшмидт—в Ялте—Алупке—Симеизе.

Всюду с весенним успехом.

Знаменитые гости Алупки—артистка Алиса Коонен и А. Я. Таиров (создатель Камерного театра) удивлялись радостно, слушая как по аллеям дворцового парка Поэт и Володя, гуляя пели:

Эй невесты—девушки—сестры
 Братья—друзья—женихи
 Поднимем бокалы за вольную молодость
 Выпьем вино за стихи.

(Девушки босиком)

На протяжении 20 слишком верст по шоссе—начиная Ялтой и кончая Новым Симеизом всюду красовались наши футуристические афиши о лекциях.

Мы были окружены девушками и юношами, вызывая зависть и ревность у тоскующих пузанов, которым непомогала смена костюмов, даже непомогли (благодаря новой большой статье в Новом Времени о вредном пребывании Поэта в Крыму) откровенные доносы в полицию о явной революционности футуризма—вот где была сила буржуазии.

Много раз нас вызывали в полицию и с великими хлопотами через влиятельных лиц едва разрешали снова читать лекцию с условием—без стихов Стеньки Разина.

А Поэт не удержался—читал и славил вольные идеи Стеньки Разина — и лекции совершенно запретили.

Вообще во все кошмарные времена царизма Крымом—лучшими местами—владела жирная княжеская аристократия и ее лакеи—буржуазия и еще полиция.

Наглость произвола этой царской компании доходила до запустенья мерзости.

Демократическая—свободных профессий—часть преследовалась палачами жестоко.

Евреев здесь гнали, как чумных собак.

С политическими — если попадались — расправлялись зверски.

Ливадия действовала.

Что то там теперь: неужели до сих пор непользуются больные рабочие и беднота.

В Ялте Поэт часто бывал у знаменитого композитора П. И. Ребикова, слушал его музыку и бодрые яркие мысли о творческой звучальности, о шумовой гармонии.

Бывал на даче Чехова в гостях у гостеприимной славной Марии Павловны (сестры Антона Чехова), читал там в Вишневом саду стихи гостям, среди которых были—нежные почитательницы Поэта—Ирина Шаляпина (дочь Ф. И. Шаляпина), Катя Альтшуллер, брат А. П.—Михаил Павлович и постоянная молодежь.

Поэт за-просто бывал на даче Крестинских—где обиралась веселая молодая публика: играли, шумели, пели, читали, спорили, горели, гуляли.

Вообще в Ялте жизнь текла бурно: катанья верхом, рестораны, вино, чебуреки, фрукты, приключенья, кофейни, встречи.

Зато в Симеизе — полный отдых на цементной крыше пансиона Дельфина (арабский стиль) или — на идеальном пляже у скал Дива и Монах—солнечные волны.

Я—Поэт приехал с Камы
С мечтами грандиозными
А около купаются две дамы
Приучаясь быть грациозными.
Над головой чайки веют

Развивая мою музыкальность
 Дамы знают меня но несмеют
 Поверить в мою гениальность.

(Из ненапечатанного).

В Симеизе—бирюзовая тишина, четкость линий
 гор и белых вилл.

Чудесный мальцевский парк в розах.

Публика чопорная, важная, а всем так побаловаться и хочется.

Разлетевшимся соколом с Камы
 Я пригнал солнцезарно скитаться.
 Улыбайтесь симеизские дамы —
 Вам так идет улыбаться.

(Из ненапечатанного).

Володя Гольцшмидт восхищал Поэта рыцарской
 спортивностью: нырянем на дно большой глубины,
 хватая за хвосты блинообразных скатов.

В мае приехал в Алупку Аристарх Лентулов с женой, привез с собой только вышедший в Москве большой роскошный с цветными репродукциями журнал Московские Мастера, — где были стихи Поэта и Его повесть—Зима и Май.

(Издавал С. Вермель—у Левенсона).

Московские Мастера—книга—шедевр.

Один из замечательно ярких дней, проведенных Поэтом у моря,—был день — когда он с Лентуловым верхом уехали на Ай-Петри.

На огромной высоте всадники въехали в густые холодно-влажные облака, а с чистой солнечной вер-

шины была видна внизу кругом над Алупкой сплошная масса плывущих облаков, будто шло гигантское стадо белых баранов.

Картина напоминала хаос мироздания.

С Лентуловым ездить по горам приятно: всюду лезет в головокружительные места.

В Стране Нарзании.

После крымской весны 1916—многих лекций—выступлений со стихами — Поэт в мае вернулся на Каменку с гостьей—товарищем Лидой из Ялты — светлой, утренней птицей из гнезда Яйлы.

Лида прогостила две недели среди сосен Каменки и улетела домой, к морю.

Поэт работал над новыми стихами: закончил большую поэму в стихах — Моя Карьера, написал несколько статей по истории футуризма, о Давиде Бурлюке, В. Маяковском, А. Крученых, Хлебникове.

В эти дни Ему особенно хотелось горячо видеть своих друзей на Каменке: почитать стихи, поораторствовать об Искусстве, пофилософствовать о жизни Поэтов, пометчать о изданиях Своих книг.

На Каменке были все в сборе: Алеша с Марусей— с Лелькой, Соня, Витя, Саня, Тася, Фая и племянница Поэта Маруся Кибардина.

В середине июня Володя Гольцшмидт затеял в Перми лекцию о футуризме на бульваре, в новом Собрании, которое сдали нам для открытия Нового зала.

Лекция прошла успешно: наполнила только молодежь.

После лекции Поэт разом решил ехать на Кавказ, в Кисловодск.

Сел на пароход.

Володя Гольцшмидт проводил футуристически: он отъехал от пристани на пароходе вместе с Поэтом, а на середине Камы попрощался с другом и в костюме бросился в воду вплавь — пить кофе домой — и еще успел вытащить в воде из кармана платок и помахать.

Поэту очень понравилось (спасибо Тебе Володя за всё на свете заботливое.)

Публика конечно была в ужасе: плоские головы осудили Молодость, Пермские газеты выругались — зачем нарушать порядок установленных (полицией что ли) проводов.

Ах эта могильная тьма всяких пермских газет — безграмотное общество интеллигентов, союз плюющихся на Вольность неудачников.

Чорт с ними.

Какое до них дело Поэту — чьи небесные глаза цветут на Пароходе Современности.

Сердце звенит песней пролетающего.

Крылья хрустально-шелково шелестят.

В Кисловодске Поэт снял большую комнату с террасой у милых хозяев Зажницких.

Скоро приехал в Кисловодск Володя Гольцшмидт и начались гастроли — лекции.

Пятигорск — Кисловодск — Есентуки — Железноводск.

Газета — Кавказский Край — яркого журналиста Петросяна встретила Поэта празднично культурно.

Петросян — армянин, истый демократ вольной широкой души.

Другая газета — Пятигорское Эхо — отнеслась к гастролям тоже внимательно, но сдержанно — по стариковски.

Гастроли всюду одна за другом стали повторяться, обвеянные крупным успехом.

Спрос на книги Василя Каменского достиг великих размеров, но все издания уже разошлись давно и я—Его издатель—этому радовался, а тут загрузил; книг Его небыло.

Поэта замучили записываньем стихов с Его слов, особенно нравились: Железноводская лань, Полет, на Великий Пролом, Стенька Разин, Персидская, Крым, Кисловодск, Соловей, за вольную Молодость.

Отрывки из поэмы—Моя Карьера—знали и читали очень многие.

Оты судьба моя Поэта
Искусства русского артиста.
Ты слишком оперно воспета
Моя карьера футуриста.
И я нежалуюсь на Пермь свою—
На Каме трудно жить Культуре
Ведь все равно я первенствую
В Российской литературе.
Поэт—Мудрец и авиатор,
Помещик—лектор и мужик,
Я весь—изысканный оратор,
Я весь последний модный шик.
И ты цветы—Моя Карьера
Я неустал еще чудачить
Ведь—знаю—скоро для примера
Я от людей уйду рыбачить.
И где нибудь в шатре на Каме

Я буду сам варить картошку.
И—засыпая с рыбаками—
Вертеть махорочную ножку.
(Девушки босиком.)

Поэту на сцене подносили цветы, подарки, дорогое вино.

На лекциях перебивало народу тысячи.

Среди публики было очень много артистов Искусства приветствовавших Поэта.

Тогда Он встречался с М. Комаровой, Н. А. Тэффи, Дальским, Балиевым, Гнесиным, Рахманиновым, Качаловым, Гельцер, Дуровым, Сытиным.

Друзьями Поэта были девушки и вся молодежь.

Этот сезон блестяще показал Поэту и его друзьям, что Василий Каменский одна из вершин кавказского хребта Мирового Искусства и что имя Его вознесено, Крылопейно, раздольно, напевно.

Это говорю Я—вдохновенно и гордо—Его корабль, носящий Поэта но океану скитаний.

Каждую секунду я жду Его голоса:

— Дальше.

Поэт у колонн кофейни—в парке нарзанном—сидит за столиком, пьет кофе, докуривает сигару и грустинно—одиноким шепчет мне:

— Дальше.

Я понимаю этот жуткий, но четкий, но резкий, но освободительный жест футуриста:

— Дальше.

Я преклоненно чую.

В самом деле—во имя высшего сознания, во славу благодарности Мудрецу Духа я подвижнически взываю:

Вот перед нами—Великий Поэт—это Он подарил нам Карнавал творческих радостей, ярчайшую Карусель Преображенья, расцветность Вечной Весны, стремительную Волю к Полетам, энергичное ощу-

шенье Культуры, трепетную Любовь к Песням—это Он создал нас девушками и юношами и окрылил нас вдруг Молодостью, надеждами, возможностями.

Поэт—миллионер поющего Духа—роздал все свое духовное богатство и ждет.

Он ждет ответа.

А что Ему дали в ответ.

Одиночество, шум славы, разговоры, рецензии в газетах, улыбки, упреки, зависть, остроты, ревность, дешевую критику, безразличье, несколько новых знакомств, друзей и врагов моды футуризма, спрос на Его книги, деньги.

Словом все то, что окружает знаменитую личность.

Это все то, что Ему совсем чуждо и ненадо, совсем не то, не так, ложь, ерунда.

Гения Духа оскорбляет мещанство, угнетает невежество буржуазии в Искусстве, давит царящая пошлость, сжимает сердце беспросветный эгоизм окружающих.

Поэту нужны духовные друзья, чудачки, энтузиасты, орлы, урожайные таланты, рыцари гениальных возможностей.

Где их искать, как собрать: ведь Поэт знает, что они есть, может быть близко, Он зовет, кричит—как одинокий лебедь,—верит, горит, ждет.

И если не находит—тоскует нестерпимо—с тихим о отчаяньем говорит:

—Дальше.

Но никогда никого Он не осуждает, не осуждает, не осуждает, нет.

Межсловие Анонимного Автора.

И это только говорится—Анонимного Автора, а на самом деле (разоблачаю явочным порядком во славу Его Личности)

— Это — Николай Дмитриевич Филиппов, чьё поэтическое вниманье к Поэту Василью Каменскому гордо заставляет меня на этой странице дружески обнять и расцеловать Николая Дмитриевича.

О_н—из единственных—таинственных.
Он чувствует Его духовно—хрустально.
Он знает Его астрально.

И Поэт ультра-фиолевыми лучами глаз—когда в глубокой комнате Прасковьи Ефимовны поет

Стихи Свои—провидит кроткую душу Анонимного
Автора, душу взлетевшую до чудесного ожерелья
из напевных строк:

(ПОРТРЕТ С НАТУРЫ — АНОНИМНОГО АВТОРА)

В лазури взмахнула крылами
Серебристая чайка—мечтайка.
Мечты окрылились снами
И мчится лазурная чайка.
Из блеска нечаянных мечтаний
Несутся чудесные блески
Дым взмахов случайных взлетов
Дымится как дым папироски.
И чистые чайные розы
Становятся в странные позы
Как будто маркизы и лэди
Попарно на званом обеде.
С цветами и бальные платья
Бриллианты бокалы улыбки.
Но вот под напевом заклатья
Все лица становятся зыбки—
Становятся розами лица
Поют заливаются скрипки.
Летит белокрылая птица
Каменный на ней словно Будда
Недвижно и радостно мчится.
Веселое милое Чудо.

С глазами кобальто—жемчужными
Но светлыми словно ненужными
Он пристально белой улыбкой
С походкой спокойной но шибкой
Взял в руки звучаль семиструнную
Он песню запел огнерунную
Юнную
Лунную
Грустинную
Длинную,
А из песни рубиново—алыми
Сверх конями как золото чалыми
Огнегривыми
Игривыми
Выбегают напевы блистальные
Хрустальные
Чеканные
Благоуханные
Из лучей света сеть заплетается
Улыбаясь солнце качается
И Поэт его ловит любит
С нежным солнышком нежно целуется.
И берет его белым крылом
И уносится в небо орлом.
На землю он смотрит качаясь на радуге яркой
А радуга в небе легла семицветною аркой.
Он пляшет на ней и бросается в небо сразбегу
И ловит в объяття звезду лучезарную Вегу.

Похитив звезду он несет ее в свой кабинет
И бережно в синем футляре на полку кладет.
И снова летит он на белый речной Пароход.
Вот это Каменский—мечтательно звонкий Поэт.
Анонимный автор.

Славный Друг Поэт, я нежно взволнованно благодарю Тебя за этот звучальный порыв во имя Его вершинное.

Я ведь знаю:

В расцветных долинах грядущих дней Ты еще не раз в ответ услышишь о Чуде, посланном Тебе в подарок Васильем.

Тифлис—Иван Заикин.

Из Кисловодска мы дали одну гастроль во Владикавказе, а вернувшись мы—я с Володей Гольцшмидт—подписали контракт с дирекцией Казарова и Акопова гастролировать по Кавказу.

Трехмесячная нарзано-искристая жизнь кончалась.

Ах минеральные вы — светловодные
Вы жизнедатные источники сил
Соки земные нарзанно холодные
Вас до чудес каждый гость возносил.
Все у источников будто на празднике
Полные чары искристое пьют
И вспоминая о звонком экстазнике
Звонкие песни мои разольют.

(Девушки босиком.)

За это время Поэт побывал на Эльбрусе (верхом), Бештау, Бермамыте, Машуке, Джинале, Нарзанной Долине, на Казбеке—по военно-грузинской дороге.

Был на местедуэли Лермонтова—любимца Поэта в юности.

Он написал о Нем стих, напечатанный тогда же у Петросяна в Кавказком Крае, где впрочем были также напечатаны: Кисловодск, Есентуки, Железноводская лань.

В Железноводском парке

Я встретил девушку

Мечту грустинницу

Мечту венчалъ

В поэмах — ласках переливницу

В прикосновениях звучаль.

(Девушки босиком.)

В конце августа Поэт опьяненный не меньше Кахетинским, чем девушками оставил, Кисловодск.

Его несовсем трезвое состоянье облегчило отъезд.
Дальше.

На автомобиле от Владикавказа Он поехал по военно-грузинской дороге—вдоль шумного Терека—Дарьяльским ущельем—через Крестовый перевал—долиной Ярагвы—до аранжерейного Тифлиса.

В Тифлисе Поэт поселился зимовать.

Я снял уютную комнату на Кипиановской 8 в грузинской милой семье Кучихидзе, где Он немного научился грузинскому языку.

Салами артивепс

Салами футуризм.

Ряд гастролей в Тифлисе и вокруг: Баку, Кутаис, Батум (контракт) дали Поэту здесь горячее кавказское шумное вниманье.

Кавказское слово—послучаю приезда Поэта напечатало Его стихотворенье—Тифлис и ряд статей, посвященных Его выступлениям.

Такое же сердечное вниманье оказали Ему: Оризон, Сахалхо-Пурцели, Закавказская Речь, Тифлиский Листок и другие многие газеты столицы.

Конечно много и острили—особенно популярный А. И. Канчели, Н. Захарова, Букштейн, Н. Дундарова.

Критик Я. Камский в Закавказской Речи чутко, культурно, тонко писал о Нем фельетоны.

Согретый исключительным вниманьем Поэт решил напечатать здесь книгу стихов—Девушки Босиком, матерьял для которой имелся в изобилии.

В цирке Ефимова—выступал чемпионат лучших мировых борцов, среди богатырей был знаменитый борец и авиатор Иван Заикин: еще будучи студентом Поэт был его горячим поклонником в Петрограде.

Встреча двух чемпионов Тела и Духа—Ивана Заикина и Василья Каменского состоялась в духане за кахетинским с лезгинкой.

Вскоре они близко—два бурлака Волги да Камы—подружились и почти не расставались.

Поэт постоянно ходил в цирк и хорошо познакомился с товарищами Заикина: Иваном Поддубным, Алексеем Кельцовым (арбитр и талантливый яркий парень), Клеменсом Булем, Вахтуровым, Святогором, негром Ципсом, Яковом Лешим, Манькой со всеми артистами цирка, среди которых остро выделялся замечательный клоун—гимнаст Донато—всеобщий любимец.

Поэт чаще и чаще стал вспоминать Свою рыцарскую клятву в детстве—во что бы то ни стало послужить в цирке артистом.

Для пробы Поэт в день бенефиса друга Заикина неожиданно для всех появился на арене перед публикой в кругу чемпионата с хартией—Он сказал приветную речь бенефицианту Заикину и прочитал ему Свое стихотворенье—экспромт.

Ты весь рассейский парень ясный
 Своим могуществом ты пьян
 Своей стихийностью прекрасный
 Как Стенька Разин атаман.

(Девушки босиком)

Заикин во истину обладает изумительной интуитивной стихийностью—в его размахе чувствуется волжское раздолье бурлака—мудреца—поэта.

Искренность, внутренняя талантливость, сердечность Заикина очаровали Поэта—впервые встретившего в жизни феномена Интуиции, которая дает Заикину чудесную духовную широту и яркую образность.

И дружбу с Поэтом (известно также что Заикин давний друг Куприна)—Он сказал:

— Заикин—слон с душой поющей девушки.

Неожиданно в Тифлис приехал А. Куприн прочитать лекцию—Судьба Русской Литературы.

А. Куприн, Василий Каменский и Заикин дружно слились в Кахетинский триумвират и духаны расцвели и закружились в виноградных возможностях.

— Ай шени — чериме.

Осенний сезон в цирке Ефимова (ныне построен новый—зимний цирк) кончился, чемпионат во главе с Заикиным перешел в другой зимний цирк Есиковского.

Директор Есиковский—вероятно по совету Заикина—сделал предложение Василью Каменскому выступить у него в цирке рядовым гастролером: в costume Стеньки Разина верхом на коне исполнить песни из Его романа, а перед началом сказать речь о поэзии цирка—демократизации Искусства.

Мысль Поэту понравилась.

Он согласился на три гастролы.

Я переговорил об условиях и подписал контракт.

Дебют прошел славно.

Поэт много волновался и светло торжествовал: ведь Он сдержал рыцарское слово—клятву ребенка—Он выступил в цирке артистом.

Его цирковые товарищи трогательно Его обступили после номера и благодарили за речь, где возносилось демократическое искусство цирка римского—до сегодняшнего цирка, где цирковые артисты славились мастерством пластики и яркой любовью к круглой арене, где Поэт пророчествовал расцвет современного цирка с участием лучших сил Единого Искусства Синтеза.

Буржуазная пресса Москвы и Петрограда осудили Поэта за демократизацию поэзии, ничуть не предполагая революционного взрыва.

Еще бы: разве мол пристойно Поэту, хотя-бы и народному—автору Стеньки Разина—выступать в цирке, в котором уличная простая публика даже нераздевается, а артисты цирка все — клоуны. (Утро России, Театр, газ. Нов. Сатирикон, Ж.-Журналов).

А вот Поэт прикоснулся к цирковой публике, к цирковым артистам и искренно-трепетно полюбил цирк, где чуткости и культурности и мастерства, и соборности в сотню раз больше любого театра всегда пошлой драмы с пошлыми актерами—сплошь бездарными диллетантами.

Ведь когда то Поэт был близок к драматическому театру и с ужасом об этом вспоминает.

Цирк же преобразил Его, возродил, орадостил.

Поэт будто помолодел на 10 лет.

Вместо трех гастролей прошло восемь.

Последняя—Его бенефис.

Однако Поэт утомился гастрольями и я серьезно взялся за печатанье книги стихов Девушки бо-сиком с помощью Заикина.

Работа пошла энергично: нашлась типография, бумага, появилась корректура.

Я неспал ночи, исправляя корректуру.

Через месяц Девушки Босиком—2-я книга стихов Василья Каменского вышла.

Обычная пятница литературного собрания Салона Назаряна была посвящена новой книге.

Автор—Девушки Босиком—говорил речь о футуризме, читал стихи.

От лица новой армянской поэзии Поэта приветствовал Поэт Кара-Дэрвиш—светлая талантливая голова (автор Свирель Жизни).

Поэт стал часто выступать со стихами в благотворительных кафе, куда Он появлялся встречаемым обычно аплодисментами.

В газетах—журналах появились как всегда обильные и разнообразные рецензии.

Книга разлеталась стремительно: один только Тифлис разобрал пол-издания.

Нечаянно появился Д. Крученных и Поэты вместе с художником Кирилом Зданевичем (изумительный мастер динамических рисунков) затеяли альбомную книгу—1918—(цена 25 руб. экз.) и быстро выпустили.

Тогда же из Петрограда от издательства—Современное Искусство — Н. И. Бутковской пришла телеграмма, что—Книга о Евреинове вышла и авторский экземпляр выслан.

Таким образом вышла 5-я книга Василья Каменского.

— Мне кажется, что Сегодня пришла пора венчать достойных венцом любви, пришла святая пора восхвалять при жизни дела великих Духом. Поэтному Я с особенно строгой гордостью возношу венец любви на голову достойнейшего Н. Евреинова и от глубин чистагосердца восхваляю великие и богатые дела его.

(Книга о Евреинове)

Когда получилась—Книга о Евреинове—от культурной, энергичной издательницы Натальи Ильинишны Бутковской—Поэт возрадовался кахетински: Он схватил в охапку эту желанную—с любовью изданную книгу (яркая обложка А. К. Шервашидзе) и побежал в духан над Курой справлять свой автоторский праздник.

Легендой каждой—будто лаской
Я преисполнен благодарий—
Звучи ударно сазандарий—
Я весь звучу судьбой кавказской—
Играй Лезгинку.

(Девушки босиком)

И—эх—большой таши—зазвучала лезгинка в мыслях, в сердце, во всех радугах Саэро.

И не было Поэту удержу: так понравилась Ему кахетинская Книга о Евреинове.

Кяхетинские восторги переливались водопадно.

И кубок полный кахетинским
В руках моих орла Урала
Звенит кинжалом Кабардинским
И льется Терекон Дарьяла.

Пускай знают заботливые друзья: Н. И. Бутковская, Е. Я Молчанова, Н. Н. Евреинов, что в эти дни пробегающая с вершин Кура видела Поэта сияющим в облаках.

И неслабее сиял Иван Заикин—оба с сигарами, с песнями.

Где то напротив сидела Соня с Георгием Артемь-

евичем Харазовым—остроумным доктором математики или их небыло—Поэт непомнит.

Нина Дубченко—поэтесса и друг Поэта ушла на курсы.

Увлекайся Поэт увлекайся
Раздавай неземное свое.

А где друг Володя Гольцшмидт—в какие страны уаеропланил он ворочать человеческие души телеграфными столбами: кого он — рыцарь солнечных радостей — убедит истинно жить, а непроживать жизнь—эххх—ммма.

Уввв—бррррэ—мззз—
Ннна—трмб—баххх—
Щерркл—Бацк—
Тихо.
Где то плывут корабли.

Каменский расковырянный кистью Давида Бурлюка.

Старушка—Кремль (Карамель) новых дней под-
вергнут бичеванию:

Многие стонут, а я радуюсь.

Боюсь тишины, боюсь покоя.

При белом молоке электричества треск пулемета.

Нет первые страницы летят машины—живой, ве-
селой (дням нашим подобной)—я (когда пишу это)
еще не читал Его—Моя биография книги Василия
Каменского, но радости смех связал многие века
наши, но незабыто упоение Стенькой Разиным, но
Девушки Босиком еще звучат весенним бегом
этого предлетья и среди наивно—мудрых строк сво-
их поместив страницу опытного творчестве твоём
друга — на полку емлешь колесницу *прозы* твоей,
Вася,—цемент—цемент.

Ибо, благодаря оному отчетливей воспринимаем
формы, очертания камней отдельных, созидающих
вечный дворец творческой души Василия Каменского.

„**П**оэт мудрец и авиатор—
 Помещик лектор и мужик—
 Я весь—изысканный оратор—
 Я весь—последний модный шик.

Это сочинения Василия Васильевича—но это правда — это не сочинение. Как и это:

Необходимо Искусство Российское
 Футуристам спасать.

(В. К.)

И честная грудь Васи уже украшена двумя медалями за спасение утопающей погибающей **литературы** русской.

Бросает лазурнотворческого берега духа своего—
 книги свои — спасательные круги.

Круги спасатель.

Поэтам от резиновой „штемпелеванной калоши,,
 (№ Пушкина и др.) непонять Каменского. Канта поймают
 Россетский камень оригинальцитатствуют, а перед
 детьми приходящими станут недоуменно и протестующе.

И мимо них пройдет „странный странник Стран-
 ных Стран» мимо «белой с колоннами террасы,,

„**С**ложив футурные стихи
 В мешок крупчаточный,,
 „Уйдет на богомолье,,
 Или (с горя) „в канаве будет крапивой
 Расти”

Многие увлеклись „Паном,, (Гамсун)—Вася детски отдался со многими (Начало карьеры) Пану — но сказала черноеземная матка Русь—детки вылетели—дуги русскоразноцветные.

Детки взошли вывески провинциально размашистые (вся жизнь, весь день—Все) и Парижу не угнаться—книжки родились.

Открыватели стран—
Завоеватели воздуха—
Короли Апельсиновых рош
И *скотопрмышленники,,.*

Примечание: курсив наш—именно и ското—ибо поэт.

„Перекидывает мосты.

От слез
Бычачьей ревности
До слез
Пунцовой девушки,,.

Вася искренен—девушки становятся пунцовыми:
Поэт признается им:

Он признается той
Что „была одета в брюссельские кружева,,.
Что Его —
Жизнь течет
В мечтах сгорая
Для песен — женщин — и вина.

Но девушка становится пунцовой ибо Василий Васильевич — Истинный поэт „незнает к каким приста-нет берегам„.

Вот он подымает (истый цаловальник):

Чарку вина
 За здоровье Комет
 Истекающих бриллиантовой кровью.
 (пьет... настроение меняется—вдали гроза)
 „Или лучше — заведем грамофон.
 Ну вас — к чорту —
 Комолые и утюги„.

Послать к чорту „отель малиновый„, „девушку лань„, „Кисловодск мечтательный в долине„, „Углекис-лая ванны нарзана„ все к чорту послало Сердце земле-люба крестьянина Каменскаго и вот:

Последний модный шик„,
 „Чугунное житье.
 Ношу кривой татарский нож
 Индейское копье.
 Хочу — кричу — топор точку —
 И жгу смолье.
 В четыре пальца просвищу...
 Людей не вижу не ишу.
 И выплюнул слова.
 М—ммычу
 Ядреный вол лугов„.

Но конечно, пунцовые (от восторга) поклонники и „ицы„ Геня Каменского Васи—не бойтесь такое одичание поэта редко, чаще:

Знаю
Скоро для примера
Я от людей уйду рыбачить
И где нибудь в шатре
На Каме
Я буду сам варить картошку
И засыпая с рыбаками
Вертеть махорочную ножку.

Примечание друга поэта: картошку варить мастер, а насчет махорочной ножки—то врет.

Вот благодаря признаниям Василия Васильевича—Картошковара мы и знаем теперь откуда у него все это:

Цив—цинь—вью
Цив—цинь—вью
Чок—й—чок.
Цль—плю—ций.
Ций—тюр—лью.
Чурлюжурлит журчей
Чурлю—журль
Голубель сквозь ветвины молчаль
Эль—лё—лё.

Уже поздно—пора кончать.

Несердись Василий Васильевич, что кратко, но боюсь сбить тебя твоей книге (бросишь прозу—и кончишь книгу стихами).

А ведь поэт должен и прозу делать ибо кто же лучше поэта смыслит во всех тонкостях трудного искусства (чтобы небыло скучно).

Я еще: (моя последняя мысль) Василий Каменский пройденным своим творческим путем доказал, что Велимир Хлебников (*Великий Соотечественник и Современник*) может быть закончен (частично), дополнен (на путях словотворчества и. Жаль, что время такое трезвое а то бы).

Две реки сливаясь воедино
Великий вод разлив родят
Где парусам так вольно править спину
Где ветра вечно шумный сад.

Примечание: (Я тоже перехожу на стихи ибо писал о поэзии.)

Перо и кисть приложил:
Давид Бурлюк.

Благодарность.

Эй—кабаки, кафе, билиардные, базары, пристани вокзалы, курорты—величайшее благодарностью преисполнен вам Поэт за вольнотворческий приют.

У вас в гостях истинно отдыхал Он.

И отдыхая затевал удивительные затеи.

В кабаках — в общем стеклянном шуме—за бутылкой сочной виноградности—опьяненный—Он чуял Себя уплывающим облаком к берегам Цейлона или вспоминал песню арабианки:

— Ю мме коюн карайян.

Взбалмошная Его голова кричала:

— Дальше — еще одну.

Песнепьянство кружилось карусельно.

Что судьба моя—призрак на миг

Как звено пролетающей Птицы—

Пусть Василью Каменскому Памятник

Только любимой приснится.

В кафе (в Москве часто у Бома на Тверской) среди курящих и дамских шляп за чорным турецким кофе с сигарой Он затуманенно—прищурил правый глаз—просматривал Новый Сатирикон и Журнал Журналов где Аверченко и Василевский острили над Его выступленьями в цирке.

И непонимал Поэт: почему Это журнал и газеты брезгливо—высокомерно относятся к великолепно-му яркому Искусству Цирка (Поэт демократизирует Свое Творчество), а о гнилой похабщине барынь Вербицких (статьи Василевского) писать нестыдятся.

Поэт любит Цирк и пророчит ему сказочный расцвет теперь же, если в Цирк будут также привлечены Поэты, Художники, Певцы, Музыканты.

На базарах, пристанях, вокзалах, Ему нравится движенье пестрой толпы, смена лиц, торопливость, трепет, шум, звонки, свистки.

На базарах Он всегда ищет случая купить для Своего Музея какую нибудь вещь.

Курорты — ранневесной — Крым, май, июнь — своя Каменка, июль — минеральные воды — Поэт воспеваает за красочность слета гостей во славу общего отдыха, встреч, возможностей.

Главное — на курортах Поэт разливается истинной птицей и успех Его песен среди гостей опьяняет солнечным вниманьем.

Девушки, цветы, вино, юноши, друзья качают — раскачивают Поэта до сверх — футуризма.

Революция.

Через месяц всяческих увлечений Поэта известный антрепенер Федор Долидзе подписал со мной контракт на 15 гастролей по Кавказу и России с 1 февраля.

Это значило, что Поэта толкнула близость Движенья Весны:

— Дальше.

Последние дни Поэт пропадал в кофейнях у персов, закупил для Своего Музея много вещей, усиленно работал над новыми лекциями, грустил по России, по Каменке, по весенним полетам.

Замелькали Батум, Кутаис, Баку, Армавир, Екатеринодар.

В Армавире редактор—Отклики Кавказа—писатель М. Ф. Михайлов и известный критик—эмигрант В. Я. Перович встретили Поэта великодружески — запоили, закармлили, накурили.

И в Армавире Поэту на лекцию неожиданно пришел Н. Евреинов: он проезжал в Сухум—отдыхать.

Встреча была трогательной, нежной.

Две родные птицы встретились на острове нежданности в общем шумовом перелете.

В Екатеринодаре Кубанский Курьер и Кубанский Край светло по молодому поздоровались с Гостем от Грядущего.

Дальнейший маршрут: Ростов на Дону, Новочеркасск, Таганрог, Харьков, Москва.

На Ростовском перепутье у Бершадского Поэт встретился с Е. Чериковым и с композитором М. Гнесиным.

В Ростове как раз случилось величайшее из чудес мира: 26 февраля Поэт в редакции Приазовский Край узнал из телеграмм (тогда еще негласных) о Взрыве Российской Революции.

Поэт целые ночи стоял у окна своей комнаты и рвел от нахлынувшего счастья, метался, торжествовал, махал руками, напевно читал стихи, говорил свободные слова, готовился к речам.

Ведь настало рубиновое
 На улицах публика
 Флаги как маки горят—
 И Я рвусь
 Да здравствует родина Русь
 Счастливая наша Республика.

Народные революционные шествия с песнями и знаменами вызывали гениальное напряжение соборного энтузиазма.

Слезы Единого счастья горели утренними брильянтами отражая алые волны флагов.

Мысли, сердца и души слились в Единого Друга Воли—могучого, размашного, затейного, буйного, истинного.

Явился Человек—Брат—Товарищ—Гражданин.
Утвердилась Личность.
И царская шваль сгинула в свой черной зияющей
кровью Яме палачей.

Ухнула бездарная куча царского села.

Побледнела осиротелая буржуазия.

Народ стал Человечеством.

Интернационал возсолнился полднем.

Идеи анархизма расцвели победно.

Поэт ходил по улицам и вдохновенно—пророчески говорил слова — гимны абсолютного Равенства, возславляя красоту Революции и Совершенство свободной Личности, основанное высшим выявлением Творчества Духа.

Назначенные лекции—футуризма—Творческая Воля Жизни (об утверждении Свободной Личности) Поэт заменил революционными митингами.

В Новочеркаске—родина Стеньки Разина—студенты и курсистки устроили Поэту—автору Стеньки Разина—триумфальную встречу.

Переполненный театр ликовал.

Буйно славил Степан вольнолюбимый Дон за буйную Молодость, за разгульный ветер, за песни народные — что звали его надело великое и чуял Степан. И как сам Народ русский обиженный зверским гнетом государства московского, обездоленный властью жадных корыстных князей, озлобленный царскими палачами. — Степан — не за себя а за братьев своих полоненных решил сложить свою удающую голову за дело воли народной, за долю молодецкую, богатырскую, урожайную.

(Стенька Разин)

Эти строки Поэта—напечатанные в дни черной реакции и прочитанные в свободные дни—произ-

вели на новочеркасский народ (в театре на его митинге) торжественное впечатление.

Молодежь почуяла разом суть футуризма, рожденную революцией Духа.

Молодежь стихийно поняла истинную демократичность футуристов — единственных Поэтов из всей русской литературы — кто столько страдали от полицейских гонений, от доносов буржуазной прессы, от ненавистничества аристократии и кретинизма критиков, и кто—единственные — не боялись бороться открыто, широко за дело грядущей революции во имя предчувствия.

Разве еще в 1913 — Давид Бурлюк. Владимир Маяковский, Василий Каменский—когда разезжали по всей России с лекциями — разве не в десятки тысяч сердец Они влили вино возбужденья Бунта за Волю, за Вперед, за Культуру.

Пускай же помнят квалифицированные борцы за свободу что их великая революционная пропаганда небыла интенсивнее и ярче великой пропаганды анархических идей футуризма

Кафедра этих трех пророков—футуристов играла роль даже не буржуазной государственной думы в Искусстве, а роль демократического Учредительного Собрания (в Творчестве Вольной жизни) решившего возвестить Миру—Союз Единого Человечества под знаменем всеравенства Интернационала.

Эта ли кафедра—всегда окруженная тысячами чающих Движенья — вместе теперь с неотцветной Весной жизни не выявила Поэта со всей Его сущностью Великого футуриста-Открывателя.

Эй Колумбы Друзья Открыватели —
 Футуристы Искусственных Солнц —
 Анархисты—Поэты—взрыватели
 Воспоем Карнавал Аэронц.

Речи.

После яростных революционных выступлений—митингов Поэт в Харькове—здесь Он встретился с друзьями Н. И. Кравцовой—художницей и веселым Поэтом Петниковым—и в Москве—Эрмитаже (драм. театр Суходольского 26-го марта, где бурно выступали: Маяковский, Ар. Лентулов, Василиск Гнедов, В. Гольцшмидт, П. Пермяк-Субботин) Поэт уехал в Пермь.

Выступал в Мариинской гимназии на огромном митинге учительского съезда.

В середине апреля Он с В. Гольцшмидт устроил лекцию—митинг в Екатеринбурге.

Женственно чуткий, светлый рыцарь Поэзии—единственно честный критик — известный Сергей Виноградов в Уральской Жизни (когда то в этой газете Поэт печатал Свои стихи) искренно писал:

— 19 апреля Екатеринбург блестяще выдержал экзамен на футуризм: встреча была триумфально—восторженная. Речь Василья Каменского—пламенная поэма, вдохновенная проповедь поэта—пророка, гимн ярчайшей красоте ликующей солнечности, взмах крыльев, несущих в воздушную Вось от низин

жизни. Его стихи—песни—новое, счастливое светозарное, вольное, царство Грядущаго. Его голос—призывный огонь Поэта Сегодня, заженный Современностью. Его лучшие Книги—Стенька Разин, Девушки Босиком, Книга о Евреинове (С. Виноградов пишет по поводу этой книги: Если Евреинов во истину Колумб театральности—то Василий Каменский—Аме­риго Веспуччи, гениально описавший красоты и богатства Америки)

(Уральская Жизнь)

Славный рыцарь, нежный Друг Футуризма Сергей Виноградов—да будет благословен яркой памятью благодарного сердца Поэта.

Из Екатеринбурга Поэт едет перед отдыхом еще на две гастролы—митинга по заводам.

В Нижнем—Тагиле Он дружески встречается с уездным комиссаром—адвокатом Михаилом Николаевичем Ветлугиным—другом юношества—и заводской публикой, приветствовавшей Поэта в театре, на лекциях.

И наконец еще одна гастроль в Невьянске, где заводская публика сердечно апплодирует редкому гостю, и Поэт уезжает к Себе на Каменку, утомленный сплошными переездами и нервной напряженностью

Он изумительный оратор: Его горячая всегда страстная, живая речь длится по 4 часа с двумя маленькими перерывами, в которые Он едва успевает выпить по стакану чая.

И дальше.

Стремительным натиском Он летит все вперед, сгорая в радужных перецветностях, преображаясь все вновь и вновь.

Это—Его полетная воля.

Его перелетный путь.

Его Судьба.

Лето на Каменке.

Теперь раздольное лето на Каменке.

Поэт живет в Своем музее, охраняемый соснами, солнечными днями и мечтами.

Он спит у открытого окна и долго смотрит на звезды или в синий туман долины.

Встает с птицами, поет стихи, спускается с горы, умывается из Каменки, идет в нижний домик пить чай, а потом снова на верх, на балкон или в лес.

Пока часа в 4 Маруся—жена Алеши—незакричит снизу:

— Обед-а-а-а-ать.

А ее сын Лёлька по своему:

— Тип-тя-я-яп.

Я работаю: целый день пишу эту книгу, все припоминаю, разбираюсь в письмах, вещах, встречах, Его книгах, бесконечных рецензиях о Его стихах, романах, лекциях, речах, философии, полётах на аероплане, изобретениях, картинах, актерстве, (сцена и цирк), путешествиях, затеях.

Пишу же о немногом — о том только, что возможно и ярко—характерно для Его Личности, что—главное—создало Ему имя Великого Футуриста.

Ему 33 года—значит впереди у меня еще много работы.

Я пишу настолько о немногом (слушайте поклонники скромности), что говоря о Его 5 изданных книгах—я сознательно умалчиваю о 6 неизданных, но готовых уже к печати: 1-я Стихи, 2-я История Российского футуризма, 3-я Давид Бурлюк, 4-я Пьесы, 5-я Философия Современности, 6-я Поэмии.

Я молчу также о 13 написанных и всюду читанных лекциях—что составит еще 3 книги—неизданных.

Эти 9 книг неизданы оттого, что все издательства крупные находятся в грубых руках невежественно-некультурной коммерции, издающей всякую дешевую дрянь ради дешевого матерьяла или чаще во власти представителей старого искусства неудачников и завистников, которые откровенно—цинично душат Искусство Молодости, а рынок наполняют своими бездарными книгами во имя корысти.

Этот кошмар—и в живописи, и—в театре, и в кинеме: Экран замазан сплошной похабщиной.

Раз я был в атэлье московской большой фабрики и режиссер, ставивший картину, произвел удручающе безграмотное впечатленье базарного издателя шерлок хольмщины.

Во всех кинеме пахнет кретинизмом.

На выставках живописи богатые художники—старики гнут талантливейших пролетариев—молодых левых художников.

В театрах режиссеры ставят грязную пошлость и дурацкие водевили известных благонадежных драматургов.

Вся эта компания старого искусства—сгнившая вместе с царским строем—еще жива и многочисленна: вот отчего трудно дышать истинным гениям.

Вот отчего неиздано 9 книг Василья Каменского.

У—а как эксплуатируют издатели авторов—не стерпимо говорить.

А если издает сам автор, то одни книжные магазины за комиссионную продажу берут 30, 40 и 50 процентов и расплату задерживают, затягивают.

У меня много пропало денег за книжными магазинами и—думаю—у—каждого—кто издавал сам.

И еще сейчас валяются квитанции — неоплоченные магазинами старые долги: просто противно ходить получать.

Приходишь в книжный магазин или в издательство получить свои деньги за свои книги и тебе их выдадут—далеко несразу—в самой оскорбительной форме.

Будь они прокляты.

Вот отчего лежат неизданные книги (теперь вот за Эти строки бойся мести издателей и книжных магазинов—о как трудно издавать),—книги, спрос на которые огромен и растет.

Я пишу эту новую книгу и стараюсь недумать об ее издании, иначе тяжко.

Я убежден, что и Эта книга разойдется стремительно—как все Его книги—однако издавать—отчаянное мученье.

Все же я пишу, работаю, напрягаю силы и знания, чувства и творческие возможности, широту внутреннего размаха и Волю духовной мудрости.

Он неищет, неждет, нежелает никакой награды, ни похвалы, ни шумного успеха, ни упреков, ни славы, ни денег, ни памятников, ровно ничего.

Потому я пишу свободно, как поет сердце и творит разум, как разворачивается панорама жизни под летящим аеропланом Сегодня с криком мотора:

— Дальше.

Я—только авиатор Времени с пассажиром Вечности—Поэтом.

Только—наблюдатель, собиратель, инструктор, исследователь, организатор, ученый.

Я—поступательная сила, земное.

Он—небесное—Он Гений Духа.

Я—как многие из феноменов.

Он—Единственный—будто солнце на небе бирюзовых возможностей.

Я энергично гордо работаю над этой книгой, а Он каждую минуту отвлекает меня: Он кругло смотрит в светлодальный простор, безпокойно шевелит крыльями, вдыхает ветер, поёт.

Бирюзовыми зовами

Взлетая и тая

В долины лучистые

Покоя земли—

Раскрываются крылья

Быстрины взметая

Стаи цветитистые

Птиц—корабли.

(Девушки босиком)

Что Ему моя работа над книгой—суета, скорбь, узда, условность, заблужденье.

Я это знаю и всетаки пишу: я болен воображеньем крайняго оптимизма — будто кому то, где то зачем то нужна Книга—вообще.

Чую: Он переполнен стремленьем к Полету а я задерживаю, останавливаю.

Он—с песнями, звездами, утренними дорогами, необузданной волей, яркоцветным размахом, друзьями, девушками, вином.

Я мешаю, недаю осуществлена, даже протестую, потомучто некончена книга и очень нехватает Поэту здорового покоя—здесь среди сосностройной тишины гор.

Струистая, бегучая Каменка, охрани мне Поэта,
как умеешь, как можешь.

Помоги мне, Каменка, я устал, утомился от борьбы
и одиночества, от мечтаний и почти напрасности.

Помни: ведь если не я и не ты—сгинул бы наш
Поэт.

Он всегда был и остался накануне отлета в иное
переселенье, Его всегда влекло к земному крушенью
и люди всегда толкали Его на погибель.

Может быть мы спасем.

Крылья.

Эй Ты разудалая отчаянная головушка—сокол
Поэт.

Куда в неведомые страны какие потянуло Тебя
обиженного буднями и мелочью, непониманьем и
одиначеством.

Куда из дому.

Эх чорт немешай—

Надавить что ли

Лбом на стекло окна

Да крикнуть—Извозчик

Вези на вокзал.

Да взять с размаху

Билет Пермь—Севастополь.

А там закатиться в гавань—в греческую кофейню—
где играют в кости—выпить густого черного турец-

кого кофе, закурить сигару—привезенную персами контрабандой и—обхватив голову—обдумать, что дальше.

Забраться ли в горы—в татарский аул поохотиться на диких коз.

Может быть сесть на корабль и укатить в Ялту—утешиться на качелях змеинноветвистой араукарии.

Али кинуться в раздолье волжское, бурлацкое широченное, размашное.

И гармонью русскую взять с собой.

Устроиться где нибудь у Жигулевских гор у рыбака в шалаше, ухи похлевать у костра, чайку попить, пошататься, помотаться, пожить босиком, в рубахе без пояса, с открытым воротом, с засученным рукавом.

На гармонье поиграть, попеть.

Вспомнить молодецкую вольную жизнь Стеньки Разина, разгуляться с песнями.

В Самаре, Саратове, Царицыне, Астрахани побывать, поболтаться по базарам.

И делом первым по циркам походить: нет ли тамЗпоискать славного богатыря несокрушимого, друга любимого Ивана Заикина (кто единственный авторитет—в пьяной драке его с Г. на крестинах у директора цирка Есиковского—свидетель Куприн—в Тифлисе зимой 1916 — оценил мою хватку оран-утанга, когда я кинулся в качестве тамады разнимать львов).

И по пристаням конечно потолкаться вдоволь—в чайных чайку заказать с изюмом, дальше тронуться—куда потянет.

Али разом вертануть на Кавказ.

Маленький таши.

Эй лезгинку, Гость Тифлиса
 Я приглашаю в пляс грузинку
 Со стройным станом кипариса
 Сам стану стройным. Эй лезгинку.

Большой таши.

Камарджоба Духан.

Мэ всвам гвинос у цхклот.

Пью кахетинское без воды.

Хочу куда рвутся шелестящие Крылья.

Или Поэту неблизка голуборогая Грузия.

Или Поэту неродна черноласковая Армения, чьи
пути—подвиги, чья судьба—священна, чьи призывы—
Песни.

Кара—Дэрвиш помни:

Стекцир Айоц футуризм

И еще: Вортег Э им

Ерджанкутюн

Куда—же—куда, Поэт.

Дальше.

Ах Ты кудрявая солнцевеющая голова а и где
Твой перелетный покой, перелетная птица.

Дальше.

И Сам незнаешь, неведает.

Только бы раздольнее Неба—стремительнее По-
лет—ярче, сочнее, ядренее Жизнь—да больше Друзей,
Чудаков, Футуристов—да чтобы и всем вокруг
Вольно—Буйно жилось во все колокола.

И всетаки в Час Созерцанья Ты скажешь:

Дальше.

От гор Алтайских до Уральских

От Камы—Волги до морей

До гор—ущелий—рек Дарьяльских

До звездолинных фонарей—

Я вознесу Судьбу Поэзии
К балконам бала по коллонски
У берегов—у Полинезии
Я поцелую по цейлонски.

Поэт готовится к Отлету: Он целый день бирюзово смотрит на горизонт юговосточного зова—Он слышит.

Дальше.

Сейчас—вижу по солнцу—около семи.
Воскресенье. Июль—2-е. 1917.

Каменка.

Я сажу—около дома—в лесу у костра.

Кипячу чайник.

Около в наберушке земляника—ждет.

Я подкладываю в огонь сучья, ворочаю угли.

У меня болит правый бок и левая лопатка; вчера метал сено, упрел, устал, в баню потом ходил—сразу легче стало.

Я плохой работник—у меня много природной силы, гибкости, ловкости, смекалки, но я пасую перед выносливостью мужика.

Быстро задыхаюсь, таю, нервничаю.

Ныне я много косил, но не днем когда захлестывает овод, а под вечер, как отзанимаюсь.

Ныне же в первый раз видел, как славно пахала пол озимое пар Маруся—жена Алешина.

Конечно плугом гена.

Скоро Маруся будет еще пахать—продолжать — ей нравится—легко, нужна сноровка.

Женщины—аристократки и крестьянки (у нас крестьянки пахать небудут) приезжайте смотреть: Маруся пашет и ей нравится

Я еще могу емко колоть дрова.

У нас гостит брат Петя—матрос.

Петя служит матросом—мотористом радио телеграфа в Гельсинфорсе—вот уже восемь лет.

у Всю свою молодость, красоту дней, энергию, душу, надежды, возможности — весь смысл своей судьбы отдал казарме, запаху отхожого места, скверной каше, дурному обращению начальства, общей нестерпимой тоске таких же, как он, товарищей.

За что кому—во имя какое.

Ох—страшно—кошмарно об этом мыслить.

Нет человеческих сил слушать рассказы Пети о службе своей, перед которой каторга ему кажется желанным отдыхом.

В едком дыме костра—отмахиваясь преувеличенными движениями—я ищу отвлеченья.

Дальше.

Около меня лежит блок-нот, подниму, стану писать еще биографию Великого Футуриста дальше.

Поэт—Иог—и загорелый от солнца—полуголый будто индус—неотрывно смотрит в огонь костра: может быть Он видит Себя на берегу священного Ганга у истока проникновенно повторяющего божественное имя Сиддарта Гаутемы — просветленного Творца буддизма.

Я пою Его Индию:

Трава. Песок. И плеск морей
Венчают Мир вечно.
В гостях у медных дикарей
Гостить я буду вечно.

Рубины глаз в кустах тигриц
 А меткость рук упруга
 Прилеты перелетных птиц
 Умеет петь подруга.
 В шатрах из пальмовых ветвин
 Дымится ужин дружный
 И песню трав—пахучих вин
 Развеет ветер южный.
 А на поляне у костра
 Откроется вдруг дверка
 Змеинно выбежит сестра
 Нагая баядерка
 Ан—нэо—хатсу—хмау—ниса
 Я позову на Врамипутр
 Укрыться в радостях маиса
 Над звездолинами для утр,
 Я русский—в Индии Игогов
 Поэт Земель—Небес—Морей
 Приехал мудрости учиться
 У солнцекожих дикарей.

Теперь Он смотрит на небо.

Я снимаю вскипевший чайник, завариваю чай,
 пью с земляникой, иногда пишу.

Сейчас Он думает о полученном только письме
 Своего славного друга—Марии Комаровой, знамени-
 той певицы — удивительной, чуткой, яркой, талантливой.

Мария зовет Его:

— Приезжай на Кавказ. Хочу слышать, чуять
 твои мысли, твои стихи. Я знаю тебе нехочется
 расставаться с милой Каменкой, но мы должны петь
 свои песни. Жду здесь—в Пятигорске.

Я еще наливаю чашку чаю.

Каменка, сосны на горе, костер, земляника.

Небо безоблачно, птицы, запах скошенной травы, творческий покой.

Один.

А где то там в Пятигорске—пестрая суета гостей, симфонический день в Цветнике, театр дорогого товарища—П. И. Амираго (Его антрепренера), чудесных импрессарио Юзика Казарова, Володи Снарского, Басманова-Волынского.

Поездки Кисловодск—Ессентуки—Железноводск.
Съезд знаменитостей.

И там — на балконе Бристоля — Его друг Мария Комарова—нежная, поющая, грустная.

И всегда нервная, мятущаяся.

Поэт сердцем слышит ее волненья, вопросы.

Чудесный она товарищ.

Ему хочется поехать, Он готов, Его крылья вздрагивают.

Но я останавливаю: мне необходимо работать сейчас—закончить книгу—Его-моя биография Великого Футуриста,

Я также знаю: Его тянет к Песням, к движенью, к друзьям, к любви.

Дальше.

Я понимаю, чувствую, сознаю.

А Его здоровье — ведь на Каменке лучше.

О я слишком Его знаю; Поэт ничуть никогда небережет Своего здоровья—как денег—как славы—как общественного мнения — и тратит все это—земное—во весь Свой размах.

Если б отдаться воле Его хоть раз без контроля
в жизни—Он сгинул бы быстро.

И всем было бы просто безразлично.

Ах—не все ли равно всем: есть Он или нет.

Все на свете эгоистично—условно.

Пусть Он воображает, фантазирует, увлекается,
любит, творит, поет.

Он—Поэт.

Я наливаю медленно чаю, кладу земляники, успо-
каиваю Поэта: ехать на Кавказ еще нельзя.

Ялта зовет.

В комнате ветка оранжевой рябины.
Поэт потерял покой.

Он каждую ночь видит во сне море в Крыму, рыбаков из Балаклавы, корзины с виноградом, девушек в белых платьях, солнце на берегу у волн, корабли, дельфинов, крепкий турецкий кофе.

Просыпаясь кричит мне.
— Дальше.

А я работаю и упорно молчу: мне осталось совсем мало, еще несколько страниц, несколько слов.

Ведь Ему 33 года и мой труд впереди.

Я потом когданибудь напишу вторую часть Его Дней и моих минут.

Теперь же Он начинает меня побеждать—кажется снам Поэта суждено осуществиться.

Скоро снова—Пермь—Ялта.

Так было много раз.

На пароходах по Каме—Волге до Саратова, там по дороге в Симферополь, оттуда на автомобиле в Ялту.

Этот маршрут я повторяю, пою, пишу, декларирую, чтобы только успокоить Поэта.

Быть может через 10 дней придется расстаться
с Каменкой, с Его музеем, родными.

И в путь—дальше.

Все—к лучшему, к совершенному.

Мой вольный бег
Мой путь привольный

Где солнце и где Май

Вчера—Казбек

Сегодня—волны

У моря Черного мой рай.

(Девушка босиком)

Счастливым утروهующий час да встретит юношеские глаза Поэта, сияющие счастьем осенняго перелета с севера на юг, с Цингала на Ай—Петри.

К снегу—в Москву—стану там издавать Эту книгу, но как—еще не знаю.

Изменила ли революция теперь условия издательства или предстоит борьба с прежним ужасом—увидим. Если будет нужно — возьмем свое силой молодости, надавим упругими бицепсами Духа и Тела, но неуступим тьме.

Наша закаленность в борьбе за святое дело Истины, наша загорелость от солнца культуры, наша радиоактивная энергия, наша гениальная футуристичность — верная порука за наше победное шествье —

— Дальше.

Революция Духа — за нами.

За нами — все молодое Человечество со всей своей красотой вольнотворческого бунта.

Революция дала великое благословенье нашему Футуризму на океанский размах.

За нами подвиги гениальных парней — Достойных сынов своего пророческого искусства.

Имя Великого футуриста Василя Каменского еще много тысяч раз будет алошелково развеваться сокрушительным знаменем над молодецкими головами юношей и девушек.

Тише.

Сейчас Поэт будет читать Стихи.

Он совершит чудо.

Василий Каменский—Живой Памятник.

Комитрагический моей души вой
Разливлен будто на Каме пикник
Долго ли буду стоять я—Живой
Из ядрёного мяса Памятник.

Пожалуйста—
Громче смотрите
Во все колокола и глаза—
Это я—ваш покоритель
(Пожал в уста)
Воспевающий жизни против и за.
А вы—эй публика—только
Капут
Пригвождали на чугунные памятники.
Сегодня иное—Живой гляжу на толпу—
Я нарочно приехал с Каменки.

Довольно обманывать Великих Поэтов
Чья жизнь пчелы многотрудней—
Творящих тропическое лето
Там—где вы стынете от стужи будней.
Пора возносить песнебойцев
При жизни на пьедестал —
Пускай таланты еще утратятся
Чтобы каждый чудом стал.

Я верю—когда будем покойниками
Вы удивитесь
Святой нашей скромности—
А теперь обзываете футураразбойниками—
Гениальных Детей Современности.
Чтить и славить привыкли вы мертвых
Оскорбляя академиями памятниками—
С галками.
А живых нас—
Истинных, Вольных и Гордых
Готовы измолотить скалками.

Какая вы публика—злая да каменная
Несогретая огнем футуризма
Ведь пророк—один пламенный я
Обожгу до идей Анархизма.
Какая вы публика—странная да шаршавая—
Знаю что Высотой вам наскучу—
На аероплане взнесенный в Варшаве я

Часто видел внизу муравьиную кучу.
И никому небыло дела
До футуриста—летчика
Толпа на базарах—в аллее
Галдела
Или на юбилее
Заводчика.
Разве нужна гениальность наживам—
Бакалейно-коммерческим клубам.
Вот почему перед вами Живым
Я стою одиноким Колумбом.

Вся Судьба моя—
Призрак на миг—
Как звено пролетающей Птицы—
Пусть Василью Каменскому Памятник
Только Любимой приснится.

Эхх и мма и ну.

Эхх-и летит Поэт
 Мма — и купается в лебединых облаках.
 Ну-и что ж.
 Памятник ли, судьба ли, любимая ли, один ли.

Взлетел Поэт—крылья в небесности.
 Незнает, неведает, неждет.
 Все есть, все с Ним.
 А зачем Памятник, ненадо.

И нетакой Он: где нибудь будет стоять на тропинке в горах у моря или на Каменке (у часовни Своей) с посохом, с мешком (сухари, чай и стихи) за спиной—это и будет—памятник.

Это и приснится любимой—и может быть у стога свежего сена накошенных мечтаний о солнце.

Помнится Ему: белый домик, ограда церковная и месяц молодой, четкий.

И летит Поэт к счастью.

Я кончаю книгу и думаю о восковой свече—о кротости во имя Его перед иконостасом судьбы.

Меня осудят все—ивы, чье сердце чутко только для себя и немного для близких,—и вы, чья дружба ограничена и условна,—и вы—и даже вы—чья любовь гордо называется любовью.

И меня будут судить: ведь я сохранил Поэта до этой Книги, а теперь пусть Он—полетает—согреется.

Эхх—голова—голова.

Я еще огненнее верю: я молюсь о Его голове.

Только бы удержалась голова.

А судьи кто.

Ну ничего, пустяки, ненадо, трава.

Он летит и если увидит озеро счастья, и если будет надо—опустится.

Я желаю Ему творческого покоя.

Он кажется ищет успокоиться.

Я кончаю книгу—я устал работать, мне трудно писать, и писать, и видеть как мимо проходит жизнь, полная ошибок, сомнений, горений, борьбы, порывов

А где—Чудо.

В чем—Истина дней на земле.

Я незнаю.

Знает только Он—ведь Он так сейчас—эхх и мма и ну высоко.

Что вопросы Ему, когда Он—весь ответ, весь песня, весь любовь.

И весь Он—Чудо, великое Чудо.

И Чудо настолько, что сейчас я печатаю (а еще недавно я не знал буду ли печатать эту книгу о Нем) и мне неверится в расцветающее счастье: Он встретил чудесных друзей П. Е. и Н. Д. Филипповых и эти Трое основали книгоиздательство Китоврас.

И эти Трое чуют Великий Пролом, собирая Единую Стаю Гениев.

Перелётный крик Лебедя.

Святая—кроткая—напевная—южная.

Зовно грустит в Камышах Поэт о Тебе, когда вечером видит на дне озера упавшие звезды.

Или это Глаза Ее изумрудные.

И глубина—глубина—глубина.

Ах, детка—любимая.

Ведь только Он знает, как надо подойти к изголовью кровати Твоей, чтобы уходя—улетая в ночь оставить Тебе тихую теплую сказку—как свет лампы в углу у икон.

Он с тобой — в Единой Душе.

Он — рыцарь истинный.

Это Он в печном Завтра—когда приходил вечерами в гости—видел в картине Георгия Якулова призрак Лебедя,—склоненную голову в грустинной изгибности.

Один—потомучто и полон любви, и полетов, и песен, и встреч.

Ах, детка, детка.
 Разве забудет Он Солнце.
 И разве не вспомнишь Ты:
 Я—Поэт—и хочу чтоб жемчужная
 Набегала волна за волной—
 Чтобы ты неизменная южная
 Неразлучалась со мной.

(28-го октября)

Это—горсточка из океана трепетного созерцанья.
 А я—что я.
 Пастух поющий на свирели Его Поэмию о Соловье.
 Поющий в глубокой комнате Прасковьи Ефимовны.
 (Сейчас я вспомнил вечер на Каменке весной:
 хоркают вальдшнепы—поют соловьи, а я лежу у
 окна в часовне своей тишины—в соснах—и звездно
 мечтаю о друзьях—где—кто—зачем).

Может быть ненадо томиться так о друзьях —
 тогда скажите мне.

Детка, детка.

Я—Мудрец—я от Мира, но я—Ребенок—я кем то
 оставлен.

У меня большие аквамариновые крылья Лебедя.

И утренние дороги — подруги мои.

И я—к Тебе, и я—к Тебе.

Ты святая для бога Его.

Тебе он отдал ветку с поляны горноуральской
 рощи чудесных Дней—Тебе посвятил эту Книгу с
 благословеньем на Великий Пролом—Тебе кротко—
 по океански сказал:

Где то плывут корабли.

Детка.

В Крыму—в Ялте—когда все мы—рыцари Духа—
 мы открыватели стран—мы фантазеры—все соберемся

в Единую Семью для Творчества—нам всем будет
мудросолнечновеликопроломно.

Послушай еще:

Будет—что станет—
За песнями с песнями.
Судьба неустанет
Встречать Чудесами.
Под небесами—
Встречать друзей
Крыловейными стаями—
Вот мои радости детские
Дни молодецкие.
Встречать и кричать:
Эй разсердешные
Друзья открыватели,
Искатели вечные,
Фантазёры летатели—
В стройных венчальностях
Душ и Сердец
Давайте построим Мы
Стройный дворец
Для Единой Семьи
Безшабашных затейщиков.

(Девушки босиком)

И Он летит, и летит, и на крик Лебеда походят
Слова Его.

Сейчас Утро в Горах Дней.

Все Просто, Мудро и Ясно.
Как трава: Ему ничего ненадо.
Только бы вот удержалась Его солнцeveющая
Голова, только бы удержалась.

Но мы спасем, как-нибудь.
И вы помогите чуть.
Эй, Рыцарь оглянись — озари.

А М И Н Ъ .

(Если Господь пошлет еще горсть Жизни Ему и мне — биография развернется без берегов. Все — от Счастья, — от Любви, — от Друзей. Досвиданья. Я тороплюсь).

КНИГИ ВАСИЛИЯ КАМЕНСКОГО:

- 1-я **Землянка**. Роман. (распродано)
- 2-я **Танго с коровами**. Стихи. (распродано)
- 3-я **Стенька Разин**. Роман. (распродано)
- 4-я **Девушка босиком**. Стихи. (распродано)
- 5-я **Книга о Евреинове**. Монография. (распродано)
- 6-я **Его-моя биография великого футуриста**.

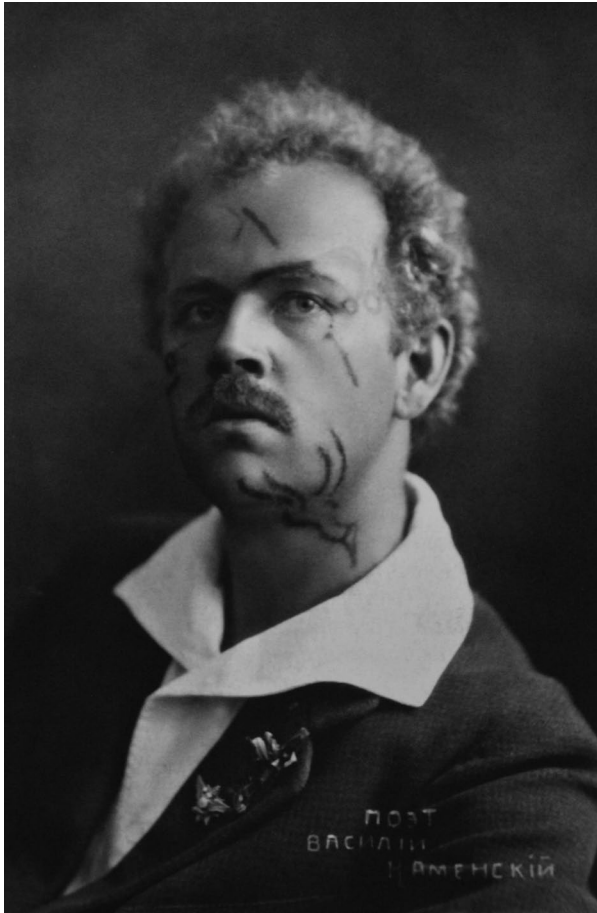
ЦЕНА 5 РУБЛЕЙ.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

МОСКВА,

Воздвиженка, 9

Книгоизд-во КИТОВРАС.

В. В. Каменский. 1910-е гг.

Государственный музей В. В. Маяковского, Москва

Почтовая карточка «Авиатор Василий Каменский». Варшава.
1912 г. Государственный музей В. В. Маяковского. Москва

Э. Г. Шиман. **Поэт Василий Каменский в котелке.** 1917.
Х. на дереве, м., 46,5х38. *Частная коллекция*

Железобетонная поэма «Дворец С. И. Щукина» // Василий Каменский.
Танго с коровами. Железобетонные поэмы. — М., 1914 г.

О. Д. Коровин. **Василий Каменский**. 1992. Бум., акв.
Пермский краеведческий музей, Пермь
(Мемориальный дом-музей Каменского, с. Троица)

А. Жунёв и К°. Стена почёта. Василий Каменский. Стрит-арт, 2015. Пермь, ул. Каменского, 4

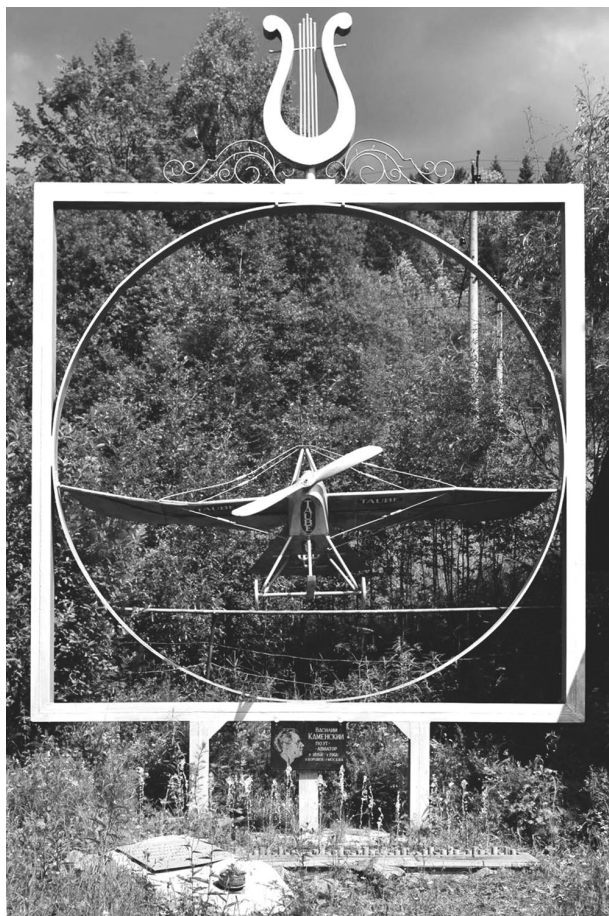

Д. Д. Бурлюк. **Портрет песнебойца футуриста Василия Каменского.** 1917. Х., м., бронзовая краска.
Государственная Третьяковская галерея, Москва

В. В. Каменский (сын). **Мой отец — пилот-авиатор.** 1970-е гг. Х., м.
Пермский краеведческий музей, Пермь
Мемориальный дом-музей Каменского, с. Троица)

Памятник лётчику-поэту Василию Каменскому.
Этнографический парк реки Чусовой, Чусовой

ОПИСАНИЕ ФОТОГРАФИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В КНИГЕ

- с. 2 В. В. Каменский. 1910-е гг. ГММ¹
- с. 2. В. В. Каменский. Казань. 1914 г. ПКМ²
- с. 43. В. В. Каменский. 1916 г. ПКМ
- с. 75 Евстолия Гавриловна и Василиф Филипповчи Каменские.
1880-е гг. ПКМ
- с. 81 Василий Каменский в раннем детстве. 1989 г. ПКМ

---

¹ ГММ — Государственный музей В. В. Маяковского, Москва.

² ПКМ — Пермский краеведческий музей, Пермь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Произведения (1884–1961)

- 27 приключений Хорта Джойса: Роман. — М.-Л.: Макиз, 1924. — 128 с.
- Автобиография: Поэмы. Стихи. — Тифлис: Заккнига, 1927. — 64 с.
- Девушки босиком: Стихи. — Тифлис: Прогресс, 1917. — 143 с.
- Его—Моя биография Великого Футуриста. — М.: Типография Т. Ф. Дортман, 1918. — 228 с.
- Емельян Пугачев: Поэма. — М.: Госполитиздат, 1937. — 123 с.
- Емельян Пугачев: Поэма /Рис. Б. Титова. — М.: Федерация, 1932. — 157 с.
- Емельян Пугачев: Поэма /Гравюры на дереве Н. И. Дмитриевского. — Л.: Молодая гвардия, 1931. — 138 с.
- Жизнь с Маяковским: Воспоминания. — М.: Гослитиздат, 1940. — 212 с.: ил.; 4 вкл. л. портр.
- Звучаль всснейки: Стихи. — М.: Китоврас, 1918. — 161 с.
- Землянка: Роман. — СПб: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1911. — 172 с.
- Иван Болотников: Поэма /Худ. Б. Щергин. — М.: Советский писатель, 1934. — 159 с.: ил.
- Избранное /Предисл. С. Гинца; краткая биограф. справка. — Молотов: Молотовгиз, 1945. — 88 с.
- Избранное: Стихи и поэмы (1909-1945 гг.). — М.: Советский писатель, 1948. — 174 с.
- Избранные стихи /Вступит. статья А. Ефремина. — М.: ГИХЛ, 1934. — 248 с.
- Колхозная честь: Стихи. — М.: Гослитиздат, 1937. — 55 с.

- Лето на Каменке: Избранная проза /Вступит. статья С. Гинца. — Пермь: Кн. изд-во, 1961. — 216 с.: ил.
- Могущество: Роман в стихах. — М.: Гослитиздат, 1939. — 266 с.
- Мой журнал. — М., 1915. — № 1.
- Отечественная война: Партизаны: Поэма /Рис. В. Каменского. — Молотов: Молотовгиз, 1941. — 64 с.
- Поэмы. — М.: Гослитиздат, 1934.-175с.
- Поэмы /Предисл. Н. Степанова. — М.: Гослитиздат, 1958. — 175 с.
- Поэмы /Предисл. Н. Степанова. — М.: Гослитиздат, 1961. — 215 с.
- Поэмы об Урале и Каме. — Молотов: Кн. изд-во, 1947. — 232 с.
- Путь энтузиаста. Автобиогр. книга /Послесл. С. Гинца. — Пермь: Кн. изд-во, 1968. — 240 с.
- Путь энтузиаста. Автобиографическая книга. — Издательство Орфей (Orpheus), Нью-Йорк, 1986. — 250 с.
- Путь энтузиаста: Воспоминания. — М.: Федерация, 1931. — 272 с.
- Пушкин и Дантес: Роман. — Тифлис: Заккнига, 1928. — 312 с.
- Родина счастья: Стихи. — М.: Гослитиздат, 1937. — 96 с.
- Сарынь на кичку: Стихи. Избранное. — М.: Федерация, 1932. — 112 с.
- Сердце Народное — Стенька Разин: Поэма. — М., 1918. — 32 с.
- Стенька Разин: Роман. — Типография А. К. Миесеровой «Культура», 1916. — 194 с.
- Степан Разин: Поэма. — Тифлис: Заккнига, 1929.
- Степан Разин: Поэма. — М.: Гослитиздат, 1939. — 36 с.
- Степан Разин: Привольный роман. — М.-Л.: Земля и фабрика, 1928. — 154 с.
- Степан Разин. Звучаль Веснеянки. Путь энтузиаста. — М.: Книга, 1990. — 591 с. — (Из литературного наследия)
- Стихи /Предисл. Б. Слуцкого, с. 5-23. — М.: Худож. лит., 1977. — 270 с., 1 л. портр. — (Библиотека советской поэзии).
- Стихи /Ред.-сост. С. Гинц; Худ. В. Вагин. — Пермь: Кн. изд-во, 1967.
- Стихи и поэмы /Вступит. статья: Б. Корнеев. «Творческий путь Василия Каменского». — Тбилиси: Заря Востока, 1945. — 85 с.
- Стихи о Закавказье. — Тифлис: Прогресс, 1916. — 143 с.
- Стихи о Закавказье: — Тифлис: Заккнига, 1932. — 43 с.

- Стихотворения и поэмы /Вступит. статья, с. 5-48; подгот. текста и прим. П. Л. Степанова. — М.-Л.: Советский писатель (Ленинград, отделение), 1966.
- Танго с коровами: Железобетонные поэмы /Рис. В. и Д. Бурлюков. — М.: Издательство Д. Д. Бурлюка, 1914. — 36 с.
- Танго с коровами. Степан Разин. Звучаль Веснеянки. Путь энтузиаста. — М.: Книга, 1990. — (Букинистическая литература)
- Три поэмы: Степан Разин. Емельян Пугачев. Иван Болотников. — Л.: Гослитиздат, 1935. — 330с.
- Уральские поэмы. — Свердловск: ОГИЗ, Свердловское Областное Государственное издательство, 1935. — 235 с.
- Уральские поэмы. — Свердловск: Свердловгиз, 1935. — 238 с.: 1 л. портр. Футуристы. — М. 1914.
- Цувамма: Поэма. — Тифлис: Куранты, 1920. — 10 с.
- Юность Маяковского: Воспоминания. — Тифлис: Заккнига, 1931. — 34 с.

Пьесы

- Емельян Пугачев: Картина 2-я /Из либретто оперы «Емельян Пугачев».
- Козий загон: Пьеса в 3-х действ. — М.-Л.: Долой неграмотность, 1926. — 48 с.
- На посту: Пьеса в 3-х действ. — М.-Л.: Долой неграмотность, 1927. — 40 с.
- Сборник пьес: Емельян Пугачев. Стенька Разин. — М.: Театральное издательство, 1925. — 119 с.
- Селькор. — М., 1927.
- Скандальный мертвец: Пьеса. — М., 1932.
- Стенька Разин: Коллективное представление в 9 картинах. — Харьков: Государственное издательство Украины, 1923. — 96 с.
- Стенька Разин: Коллективное представление в 9-и картинах. — П.-М.: Театральное отделение Наркомпроса, 1919. — 92 с. — (Русский театр).

Рукописные тексты пьес, хранящиеся в РГАЛИ¹ (ф. 1497, оп. 1)

Степан Разин: Пьеса-легенда в 7 картинах. — Опубликовано в П.-М., 1919. — Ед. хр. 63. — 67 л.

Женщина у колодца: Пантомима. — Ранее 1917. — Ед. хр. 65. — 70 л.

Жизнь авиатора: Драма в 4-х действиях. — Ранее 1917. — Ед. хр. 66. — 48 л.

Лестница на небо: Сказка в 4-х переменах / Два варианта. — Ед. хр. 67. — 213 л.

На площадке 4-го этажа: Пьеса в 1-м действии. — Ранее 1917. — Ед. хр. 68. — 13 л.

Сон великого лодыря: Буффонада в 4-х действиях. — Ранее 1917. — Ед. хр. 69. — 24 л.

Титан: Драма души. — Ранее 1917. — Ед. хр. 70. — 12 л.

Хоть есть нечего, зато жить весело: Водевиль в 1-м действии. — Ранее 1917. — Ед. хр. 71. — 12 л.

Здесь славят разум: Мистерия в 4-х актах. — Ранее 1921. — Ед. хр. 72. — 203 л.

Паровозная обедня (Мы строим мир): Пьеса в 3-х [служениях] с уличной демонстрацией перед началом. — Ранее 1922. — Ед. хр. 73. — 81 л.

Степан Разин. Пьеса в 9 картинах. — Опубликовано в Харькове: Госиздат Украины, 1923. — Ед. хр. 74.

Пушкин и Дантес: Драма в 4-х действиях. — Ранее 1923. — Ед. хр. 75. — 172 л.

Пушкин и Дантес. — Окончательный вариант 1925. — Ед. хр. 77. — 194 л.

Актерия (Смотр актерии); Сатирич. феерия в 3-х действиях. — Закончено 22.08.1922. — Ед. хр. 79. — 56 л.

Емельян Пугачев: Пьеса в 5 действиях. — Ранее 1925. — Ед. хр. 80.

Степан Разин: Былинный сказ для театра в 5 действиях и 8 картинах. — Опубликовано в М.: Театральное изд-во, 1925. — Ед. хр. 81. — 165 л.

Скандальный мертвец: Сатирическая комедия. — Закончена 3.12.1927. — Ед. хр. [82]. — 125 л.

Селькор. — Ранее 1927. — Ед. хр. 84. — 37 л.

Арбуз: Комедия / 2 варианта. — Закончена 2.02.1929. — Ед. хр. 85. — 236 л.

¹ Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.

Женитьба совработника: Комедия в 3-х действиях. — Ранее 1929. — Ед. хр. 86. — 152 л.

Бумеранг (Любить или не любить): Комедия в 3-х действиях /2 варианта. — Ранее 1932-1933. — Ед. хр. 87. — 210 л.

Комик семнадцатого столетия: Обработка комедии А. Н. Островского. — Ранее 1935. — Ед. хр. 89. — 153 л.

Емельян Пугачев: Либретто оперы. — Позднее 24.01.1940. — Ед. хр. 90.

Ермак Тимофеевич: Драматическая поэма. — Окончательный вариант 1944. Действия I и П. — Ед. хр. 92. — 190 л.; Действия III и IV. — Ед. хр. 93. — 122 л.

Мы стали другими: Пьеса в 3-х действиях /2 варианта. — Ранее 1.01.1947. — Ед.хр. 96. — 239 л.

Гений случая (Роковая наездница. Любовь наездницы). Мелодрама в 4-х действиях. — Ед. хр. 97. — 145 л.

Золотая банда: Американская буффонада. — Ед. хр. 99. — 54 л.

Каменский В., Свечков Н. Золотая невеста: Комедия в 3-х действиях. — Ед. хр. 100. — 94 л.

Иван Болотников: Пьеса в 5-и действиях. — Ед. хр. 101. — 161 л.

Корабль из Цуваммы: Словопластическая феерия. — Ед. хр. 102. — 35 л.

Любовь управдома: Комедия в 3-х действиях. — Ед. хр. 103. -1 10 л.

Магазин людей: Сатирическая комедия в 3-х действиях. — Ед. хр. 104.

Патриарх Тихон: Пьеса а 4-х действиях. — Ед. хр. 105. — 54 л.

Слезы неисполненного желания: Пьеса в 1-м действии. — Ед. хр. 106. — 12 л.

Соколиный путь: Пьеса в 4-х действиях. — Ед. хр. 107. — 161 л.

Счастливый жених: Комедия в 1-м действии. — Ед. хр. [108]. — 47 л.

Счастливый лоцман: Комедия в 3-х действиях. — Ед. хр. 110. — 167 л.

Поэмы и стихи, напечатанные в журналах и газетах

Алый звон: Весна деревенская: Стихи //Ленинское знамя. — 1969. — 17 апреля.

Аэропланы будут: Стихи //Звезда. — 1923. — 23 июля.

Будущая деревня: Стихи //Звезда. — 1924 — 24 мая.

- Вам за ГЭСы и Волховстрой: Стихи //Грузия: Поэты и писатели СССР. — Тифлис, 1931.
- Венеция: Из поэмы «Иван Болотников» //Октябрь. — 1934. — № 4.
- Весенняя (Девушкам): М. П. Лентуловой //Московские мастера: Журнал искусств. — М.: Типография товарищества А. А. Левенсон, 1916.
- Возвращение Андрея //Звезда. — 1926. — 10 окт.
- Воздушный бой: Один из эпизодов: Стихи //В бой за Родину. — Молотов, 1941.
- Воздушный бой: Стихи //Звезда. — 1941. — 26 июля.
- Вокруг света: Из романа «Могущество» //Год двадцать первый. — Альманах. — М., 1938.
- Газеты СССР: «Звезда». Привет, «Звезда» //Звезда. — 1925. — 5 мая.
- Гимн многополюю: Стихи //Звезда. — 1924. — 7 июня.
- Двенадцать великанов: Стихи //Звезда. — 1929. — 7 ноября.
- День Победы: Из поэмы «Колхозная честь. Смотришь на Каму» //Родина: Сборник стихов молотовских поэтов. — Молотов: Молотовгиз, 1947.
- Десять: Стихи //Октябрь в советской поэзии. — Л., 1967.
- Жить чудесно: Звени, день. Полдень. Развеснилась весна. Чурлю-Журль. Ростань. Сельский звон //Садок судей. — СПб: Журавль, 1910.
- Их не любить нельзя: Из романа «Могущество»; Стихи //Самолет. — 1939. — № 9.
- Камстрой: Стихи //Звезда. — 1935. — 17 мая.
- Комсомольцы: Стихи //Звезда. — 1938. — 24 окт.
- Крестьянская: Стихи //Взял барабан футуристов. — М.: Типография З. Соколинского, 1915. — Лит. худ. альманах 1912-1917.
- Любовь всенародная — Сталин: Стихи //Заря Востока. — 1938. — 12 янв.
- Максим Горький: Отрывок из поэмы //Звезда. — 1936. — 10 авг.
- Марш мая: Стихи //Звезда. — 1925. — 1 мая.
- Медвежий ров: Отрывок из поэмы //Звезда. — 1933. — 5 авг.
- Медвежий ров: Отрывок из поэмы //Новый мир. — 1933. — № 4.
- Могущество: Отрывок из романа в стихах //Звезда. — 1940. — 8 дек.
- Могущество: Отрывок из романа в стихах //Заря Востока. — 1939.
- Мы встретились случайно и нежданно, так радостно-нежданно...: Мелодекламация для фортепьяно и голоса Н. Снальмана //Венок: Альманах под

ред. Я. Г. Шебцова. — М.: Типография Московского товарищества Н. Л. Ка-
зецкого, 1909.

На Каме: Поэма //Звезда. — 1935. — 14 апр.

Новый год: Стихи //Звезда. — 1941. — 1 янв.

Нырой: Из поэмы «Золотой фонд»: Стихи //Звезда Севера. — 1934. — № 3.

Один //Простор: Маленький литературный альманах для каждого. — Си-
бирская типография «Россия», 1909. — Лит. худ. альманах 1900-1911.

Она не верит... Крик сердца; Стихи //Весна; Альманах. — Сибирская типо-
графия товарищества художественной печати, 1908. — Лит. худ. альманах
1900-1911. — С. 128.

Осень: Стихи //Звезда. — 1925. — 25 авг.

От иероглифа до А. Небвесную песнопьяный: Стихи //Дохлая луна. Футу-
ристы: Стихи, проза, статьи, рисунки, офорты. — 2-е изд., доп. — М.: Первый
журнал русских футуристов, 1914. — Лит. худ. альманах 1912-1917.

От дарвинизма в лет: Стихи //Библиотека поэтов. — М., 1923. — № 2.

Отдых: Отрывки из поэмы «Чкалов» //Прикамье. 1942. — № 4.

Парень вроде Эдисона (Письмо): Стихи //Звезда. — 1924. — 7 июня.

Первый: Стихи //Звезда. — 1929. — 21 мая.

Пермскому университету: Стихи //Звезда. — 1936. — 26 окт.

Песня дружины: Из уральской поэмы «Ермак Тимофеевич» //Литератур-
ный Урал. — 1943. — 12 июня.

Песня шпал: Из «Паровозной обедни» //Звезда. — 1923. — 10 февр.

Письмо уральцам: Из поэмы «Здравствуйте» //Звезда. — 1936. — 15 июня.

Победа будет за нами: Из цикла «Кама»: Смотреть на Каму. Если Кама и
Урал... //Прикамье. — 1944. -№ 1.

Победа будет за нами: Стихи //В бой за Родину. — Молотов, 1941.

Победа будет за нами: Стихи //Звезда. — 1941. — 27 июня.

Поэма о Каме: Отрывок //Урал. — 1970. — № 11. — С. 131-132.

Поэма о Хасту: Колыбайка: Н. Н. Евреинову //Стрелец. — Сб. 1. — Пг.:
Стрелец. — Лит. худ. альманах 1912-1917.

Предчувствие победы: Отрывок из новой поэмы: Ермак Тимофеевич: Отрыв-
ки из новой поэмы //Звезда. — 1944. — 18 апр.

Призрак: Закован сладостным молчаньем... //Жатва. Лето 1912. — Кн. 3. —

- М.: Жатва, 1912. — Лит. худ. альманах 1912-1917. — С. 11-12.
- Пушкин: Из поэмы //Известия. — 1937. — 4 февр.
- Пушкин: Поэма; публикуется впервые //Звезда. — 1936. — 4 июля.
- Пушкин: Стихи //Новый мир. — 1957. — № 1.
- Рабкор: Стихи //Звезда. — 1929. — 15 ноября.
- Разбойные-бесшабашные: Сарынь на кичку. Я ли тебе, ты ли...: Стихи // Стрелец. — Сб. 1. — Пг.: Стрелец, 1915. — Лит. худ. альманах 1912-1917.
- Разговор с поэтами старой Москвы: Стихи //Звезда. — 1936. — 10 марта.
- Рождение поэта в 1910 году: Стихи //Штурм. — 1935. — № 4-5.
- С новым годом: Стихи //Звезда. — 1945. — 1 января.
- Сарынь на кичку: Из поэмы «Степан Разин»: Стихи //Сборник стихов. — М., 1943.
- Северная рождествель. Чугунное житье. Ночь. Словоиско. Одеяния. В блестящей тьме: Стихи //Молоко кобылиц. Футуристы «Гилея»: Сборник; рисунки, стихи, проза. — М.: Литературная К^о футуристов «Гилея», 1914. — Лит. худ. альманах 1912-1917.
- Сегодня-солнышко: Песни закатные. Я устал //Весна: Альманах. — Сибирская типография товарищества художественной печати, 1908.
- 7-й Октябрь: Стихи //Звезда. — 1924. — 7 нояб.
- Сельская ярмарка //Звезда. — 1929. — 21 июля.
- Слово Молотова //Звезда. — 1939. — 21 сент.
- Слушай, мир: Стихи //Уральский рабочий. — 1936. — 26 ноября.
- Солнцень-ярцень (Застольная) (Давиду Бурлюку — великому парню); Прощаль лебединая (Соне Труцовой); Вино (Мар. Георг. Браше); «Ниночка-ночка над нивой...» (Нине Александровне); Успокойся (Е. А. Молчановой); Моменто (В. Маяковскому во славу); Поэзия о соловье (Георгию Золотухину во имя его яркое) [Стихи]//В кн. «Четыре птицы. Сборник стихов». — М.: Изд-во К., 1916. — С. 57-74.
- Сталин //Прикамье. — 1940. — № 1.
- Сталин с нами и в кино //Звезда. — 1942. — 7 нояб.
- Стамбул: Из поэмы «Иван Болотников» //Октябрь. — 1934. — № 3.
- Солнцелей с аэроплана [Стихи]: Полет («Бирюзовыми зовами...»); Полет («Сквозь соснострой...»); Полет («Солнцецветением...»); Полет («Лети цве-

тинностью лучистой...») //Весеннее контрагентство муз: Сборник /Под ред. Д. Бурлюка, С. Вермель. Худ. А. Лентулов. — М.: Издательство Первого Журнала Русских Футуристов, 1915. — 1107 с.

Строевая истребительная: Песня //Вечерняя Пермь. — 1971. — 7 нояб.

Творцы новой жизни: Речь поэта, делегата чрезвычайного второго областного съезда Советов, посвященного обсуждению проекта Конституции Союза ССР (Почти вся речь произнесена в стихах) //Уральский рабочий. — 1936. — 22 нояб.

Тифлис //Тбилиси в поэзии. — Тбилиси: Заря Востока, 1958.

Топор //Звезда. — 1927. — 3 апр.

Торжество печати СССР //Красное Прикамье. — 1925. — 5 мая.

Три пожелания Калинина М. И. //Звезда. — 1925. — 24 мая.

Три сестрички Малявины //Очарованный странник: Альманах зимний, 1915 (9). — Пг.: Эго футуристов, 1915.

Улетай; Перед беременными львицами...; «Я. Голый юноша...»; Колыбайка; Стиховореша [Стихи]//Футуристы. Рыкающий Парнас. — Сиб.: Журавль, 1914.

Цувамма: Поэма //Библиотека поэтов /Под ред. В. Каменского. — М., 1922. — № 1. — С. 3-8.

Чувство полета: Отрывок из веселой поэмы //Звезда. — 1955. — 18 авг.

Рассказы и очерки, напечатанные в журналах и газетах

Бал в гунне: Рассказ //Звезда. — 1924. — 10 сентября,

Большой масштаб: 9-я глава новой книги «Записки охотника» //Звезда. — 1924. — № 6 (23 авг.). — С. 12-16.

В высоту, в полет!: Песня, текст с нотами /Музыка М. Коваля //Советское искусство. — 1940. — 17 авг.

Возвращение Андрея: Рассказ //Звезда. — 1926. — 10 окт.

Деревенский театр: Рассказ //Звезда. — 1925. — 3 окт.

Железная кобыла: Очерк //Звезда. — 1925. — 12 авг.

Зима и май: Рассказ //Московские мастера: Журнал искусств. — М.: Типо-

графия товарищества А. А. Левинсон, 1916. — Лит. худ. альманах 1912-1917. Золото на подметках: Рассказ с Алдана вернувшегося //Звезда. — 1925. — 28-30 мая.

Китайцы в порту //Звезда. — 1925. — 21 июля.

Крест и серп: Рассказ //Звезда. — 1925. — 30 авг.

Лето на Каменке: Записки охотника //Звезда. — 1928. — 15, 17-22, 24-29, 31 июля; 1, 4, 8, 9, 14-16 авг.

Марийка, дочь рыбацкая: Рассказ //Звезда. — 1925. — 23 авг.

На корме пароходной: Очерк //Звезда. — 1925. — 26 июля.

На тяге: Рассказ //Звезда. — 1926. — 12 сент.

Пахнет апельсинами: Рассказ //Вечерняя Пермь. — 1969. — 17 апр.

Первый аэроплан в Перми. Из прошлого: Очерк //Звезда. — 1936. — 18 окт.

Пермь в 1950 году: Фантазия //Звезда. — 1925. — 3-4 июня.

По Советской земле (По Пермским деревням) //Новый мир. — 1925. — Кн. I.

Победа будет за нами //Звезда. — 1941. — 27 июня.

Пьяница: Рассказ //Звезда. — 1927. — 18 сент.

Селькор № 1: Очерк //Звезда. — 1923. — 4 авг.

Фейерверк в вагоне: Рассказ //Звезда. — 1925. — 27 сент.

Щучьи истории //С удочкой и сетью: Очерки и рассказы. — Свердловск, 1936.

Ярмарка в Насадке: 7-я глава из новой книги «Записки охотника» //Звезда. — 1924. — 19 июля.

Яшка-председатель школьников: Очерк //Звезда. — 1925. — 9 авг.

Оратория «Чкалов» /Тексты В. Каменского; музыка М. Коваля //Звезда. — 1942. — 6 нояб.

Литературно-критические статьи

Два вечера памяти Маяковского //Звезда. — 1930. — 18 авг. — С. 4.

Большевицкий поэт-трибун (В. В. Маяковский) //Пищевая индустрия. — 1940. — 14 апр.

Великан русской литературы: Статья о встрече поэта с А. М. Горьким //

- Звезда. — 1936. — 22 июня.
- Встречи с Репиным: Воспоминания //Звезда. — 1940. — 27 сент.
- Жизнь с Маяковским: Отрывки из новой книги //Звезда. — 1940. — 14 апр.
- Книга о Евреинове: Монография. — Товарищество «Современное искусство» И. И. Бутовского, 1917. — 181 с.: ил.
- Маяковский В. Облако в штанах. Вермель Сам. Танки: Лирика //Московские мастера: Журнал искусств. — М.: Типография товарищества А. А. Левинсон, 1916. — Лит. худ. альманах 1912-1917.
- Маяковский в Киеве (1914 г.) //Советская Украина. — 1941. — 11 янв.
- Маяковский в Харькове (1913 г.) //Красное знамя. — 1941. — 27 апр.
- Мир торжествует: Статья о Дне Победы //Звезда. — 1945. — 10 мая.
- На родине Маяковского: Воспоминания о поездке вместе с Маяковским В. В. в Кутаис в 1914 году и впечатления от посещения с. Багдади в 1940 г. //Правда. — 1940. — 31 марта.
- О В. В. Маяковском //Шахтер. — 1970. — 16 апр.
- Первая встреча с Маяковским //Тридцать дней. — 1939. — № 4.
- Первая к миру книга поэзии: Творческий опыт железобетонной постройки поэмы //Каменский В., Кравцов В. Нагой среди одетых. — М.: Издательство российских футуристов, (без года). — 9 с.
- Сам. Вермель. Танки: Лирика //Московские мастера: Журнал искусств. — М., 1916. — С.92.

Литература о жизнедеятельности В. В. Каменского

- Абашев В.* Василий Каменский: Пермский текст и проблема авторской идентичности //Пермь как текст. — Пермь, 2000. — С. 138-201.
- Баталина Ю.* Железный футуризм Рустама Исмагилова /Ю. Баталина //Компаньон. — № 2, 2011. — С. 129-131.
- Бурдин В.* Кама сделала его поэтом /В. Бурдин//Вечерняя Пермь. — 1984. — 16 апр.
- Вайсфельд И. Об одной псевдонародной поэме /И. Вайсфельд //Литературное обозрение. — 1938. — № 5.

- Гинц С. Василий Каменский //Пермь. — 1984. — 220 с.
- Гладышев В. Пылкая радость жизни /Предисловие о В. Каменском и первая публикация очерка поэта о художнике П. И. Субботине-Пермяке /В. Гладышев //Молодая гвардия. — 1982.
- Гладышев В. След поэта на земле. Репортаж из дома-музея В. Каменского /В. Гладышев //Молодая гвардия. — 1982. — 11 июня.
- Гладышев В. Колоколь в свою молодость. К 100-летию со дня рождения В. Каменского /В. Гладышев //Молодая гвардия. — 1984. — 15 апр.
- Гладышев В. Человек неистощимого жизнелюбия //Яков Шведов: поэт о поэте /В. Гладышев //Звезда. — 1984. — 17 апр.
- Гладышев В. Стихи, пахнущие яблоками. Репортаж к 100-летию поэта /В. Гладышев //Молодая гвардия. — 1984. — 1 июня.
- Гладышев В. Поэт с кистью в руке. В московской квартире В. Каменского /В. Гладышев//Вечерняя Пермь. — 1984. — 3 июля.
- Гладышев В. Привет от Песниана! Новое о В. Каменском /В. Гладышев //Вечерняя Пермь. — 1989. — 20 янв.
- Гладышев В. Я знаю, что высотой вам наскучу /Петлю Нестерова он готовился сделать в поднебесье, а совершил ее в поэзии /В. Гладышев //Молодая гвардия. — 1992. — 13 июня.
- Гладышев В. Сочувствующий. Репрессии песнебойца /В. Гладышев //Пермские новости. — 1992. — 20 и 27 июня.
- Гладышев В. Тайное становится явным. Генеалогия футуриста /В. Гладышев //Местное время. — 1993. — 29 июля.
- Гладышев В. Загадка Василия Каменского: О письмах неустановленных лиц в архиве В. Каменского. Первая публикация фрагмента поэмы «Любовь капитана» /В. Гладышев //Местное время. — 1994. — 21 июня.
- Гладышев В. Бог явно не любит Троицу. Кто поможет возрождению дома-музея? /В. Гладышев //Пермские новости. — 1994. — 10 июня.
- Гладышев В. Волга — долгая, жизнь — короткая. О рок-опере «Степан Разин» Вл. Калле //Пермские новости. — 1995.
- Гладышев В. Разрушитель мифов /О рассказе Л. Юзефовича /В. Гладышев //Вечерняя Пермь. — 1996. — 18 янв.
- Гладышев В. В нем чувствовалась порода /О В. В. Каменском-младшем,

- прототипе героя романа Н. Вагнера «Белые камни» /В. *Гладышев* // Местное время. — 1996. — 13 авг.
- Гладышев В. И все-таки — король! /О передвижной выставке В. Каменского /В. *Гладышев* // «Пермские новости». — 1997. — 2 окт.
- Гладышев В. Меня замолчали насмерть. Неизвестное письмо В. Каменского из московского архива /В. *Гладышев* // Российская газета. — 2002. — 6 сент.
- Гладышев В. Испытываю эту жестокую беду. Портрет В. Каменского Петра Оборина /В. *Гладышев* // Вечерняя Пермь. — 2002. — 5 сент.
- Гладышев В. Назаровский о Каменском /В. *Гладышев* // Звезда. — 2004. — 27 нояб.
- Гладышев В. Катастрофа в Ченстохове. О польских маршрутах В. Каменского /В. *Гладышев* // Сб. «Поляки Прикамья». — Пермь, 2004.
- Гладышев В. Небесный Василий. Почему летописец В. Верхоланцев допустил ошибку /В. *Гладышев* // Сб. тезисов областных юношеских чтений. — Пермь, 2004.
- Гладышев В. Солнце с ресничками. Воспоминание поэта Я Шведова /В. *Гладышев* // Сб. тезисов областных юношеских чтений. — Пермь, 2004.
- Гладышев В. Аэро-грезы. Неизвестное стихотворение В. Каменского /В. *Гладышев* // Сб. тезисов областных юношеских чтений. — Пермь, 2004.
- Гладышев В. Мы познакомились на пароходе «Наталья»: Воспоминания В. Н. Козловой /В. *Гладышев* // Сб. тезисов областных юношеских чтений. — Пермь, 2004.
- Горький М. Письмо В. Каменскому // В кн. М. Горький «Письма рабкорам и писателям». — М.: Огонек, 1936.
- Гумилев Н. Письма о русской поэзии. — Пг. [Петроград]: Мысль, 1923. — С. 111-112.
- Гусман Б. Василий Каменский: Характеристика // Очарованный странник: Альманах осенний (8). — Пг.: Эго футуристов. — 1915.
- Гусман Б. По новому руслу. О Василии Каменском / Молодая Русь. — Н.-Новгород, 1921. — 78 с.
- Гусман Б. Василий Каменский // Гусман Б. Сто поэтов. — Тверь: Октябрь, 1923.

- 25 лет творчества В. Каменского //Звезда. — 1913. — 1 апр.
- 25 лет творчества поэта (пермяка) В. В. Каменского: Отмечалось в Москве //Звезда. — 1933. — 26 марта.
- Евреинов Н. О Василии Каменском //Мой журнал Василия Каменского. — 1922. — № 1.
- Ёжиков И. «Неизвестный Каменский» /2-е изд. — Пермь, 2011. — 192 с.
- Ёжиков И. Василий Каменский: Жизнь с Маяковским //Личное дело. — 2003. — № 5.
- Ёжиков И. Две струны — две струи... У истоков творчества В. Каменского // Отчий край. 1987. — 28 февр.
- Ёжиков И. С Камы — в заоблачную высь /Вступ. ст. в кн. В. Каменского «Путь энтузиаста». — Пермь: Пушка. 2011. — С. 4-15
- Ёжиков И. Две струны Серебряного века /Вступ. ст. в кн. В. Каменского «Жизнь с Маяковским». — Пермь: Пушка. 2014. — с. 6-22.
- Ёжиков И. Аэроплан как первая любовь //Московский журнал. — 2011.— № 6.
- Ёжиков И. Его вдохновляли Кама и Урал: К 120-летию В. Каменского // Луч. — 2004. — Апрель.
- Ёжиков И. Жизнь с Маяковским: К 120-летию со дня рождения Василия Каменского //Пермские новости. — 2004. — 23 апр.
- Ёжиков И. Из «Архивов бытия»: По страницам дневников и писем В. Каменского //Урал. — 1984. — С. 184-189.
- Ёжиков И. Из «Архивов бытия»; По страницам дневников и писем В. Каменского //Вечерняя Пермь. — 1984. — 9, 11-14 апр.
- Ёжиков И. Из «Архивов бытия»: По страницам дневников и писем В. Каменского. — Челябинск: Рирфей, 1990. — С. 89-111.
- Ёжиков И. К легендарному берегу Сылвы: Об открытии в доме-музее В. Каменского в Троице литературной гостиной //Луч. — 2001. — Май.
- Ёжиков И. Лейся, моя кумачовая молодость: К 95-летию В. В. Каменского //Звезда. — 1979. — 17 апр.
- Ёжиков И. О вершинных полетах думать не смей: По страницам дневников В. Каменского //Звезда. — 1994. — 13 мая.
- Ёжиков И. Он шел, за собой увлекая ряды... О дружбе поэтов В. В. Камен-

- ского и В.В. Маяковского //Звезда. — 1983. — 22 июля.
- Ёжиков И. Пароход жизни — «Василий Каменский» //Большая Кама. — 1969. — 18 апр.
- Ёжиков И. Певец Урала и Камы: К 90-летию со дня рождения В. Каменского //Звезда. — 1974. — 17 апр.
- Ёжиков И. Пермь и пермяки в творческой судьбе В. Каменского //Третьи Смышляевские чтения. — Пермь, 1993.
- Ёжиков И. Стала Кама его колыбелью... Наш город [Пермь] в судьбе В. Каменского //Вечерняя Пермь. — 1998. — 14 авг.
- Ёжиков И. Статья навеки поэтом: О В. Каменском //Звезда. — 1985. — 22 дек.
- Ёжиков И. Щедрый пламенем души: К 85-летию поэта В. В. Каменского // Молодая гвардия. — 1969. — 18 апр.
- Ефремич А. Василий Каменский: К 25-летию литературной работы /А. Ефремич //Октябрь. — 1933. — № 11.
- Награждение В. В. Каменского орденом Трудового Красного Знамени // История русской советской литературы: В 3-х т. /Отв. ред. А. Г. Дементьев. — Т. 3. — М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- К предстоящему юбилею [60-летию] В. В. Каменского //Звезда. — 1944. — 6 февр.
- Каменский В. Во славу чудесной Родины: Поэт о своей работе //Звезда. — 1942. — 31 дек.
- Каменский В. Всё для Родины: Заметка писателя о своих творческих достижениях и планах //Звезда. — 1941. — 1 янв.
- В. В. Каменский (К приезду в Пермь): Краткая характеристика творчества //Звезда. — 1933. — 27 июля.
- В. В. Каменский (1884 — 11 ноября 1961): Некролог //Литература и жизнь. — 1961. — 15 ноября.
- Кафанова Л. Поэт-авиатор (В. Каменский) //Ленинское знамя. — 1964. — 27 авг.
- Киселева Н. Комсомольцы в гостях у поэта В. В. Каменского //Звезда. — 1947. — 21 янв.
- Коваль М. О либретто «Емельян Пугачев» и недобросовестной критике //

Звезда. — 1943. — 17 апр.

Краткая биографическая справка //Каменский В. В. Избранное. — Моло-
тов, 1945.

Круглова М. У В. В. Каменского в Троице //Звезда. — 1937. — 18 апр.

Лежневский В. Памяти земляка //Вечерняя Пермь. — 1984. — 16 апр.

Лерс Я. Г. Русский футуризм: О В. В. Каменском. — М., 1922.

Литературный вечер поэта В. В. Каменского //Звезда. — 1945. — 28 окт.

Литературный вечер поэта-орденоносца В. В. Каменского //Звезда. —
1939. — 10 апр.

Ломидзе Г. Прикамье: О В. В. Каменском /Ломидзе Г. //Литературное
обозрение. — 1941. — № 1.

Луначарский А. В. Каменский В. В.: К 25-летию литературной деятельности
/Луначарский А. В. //Собр. соч. в 2 т. — М., 1964. — Т. 2. — С. 538-543.

Луначарский А. В. Каменский В. В.: К 25-летию литературной деятельности
//Известия. — 1933. — 26 марта. — с. 4.

Массы должны знать творчество поэта-земляка: Трудящиеся Перми отмеча-
ют 25-летие поэта В. В. Каменского //Звезда. — 1933. — 5 авг.

Материалы областных юношеских чтений: К 120-летию В. В. Каменского. —
Пермь, 2004.

Меньшутин А., Синявский А. Д. Поэзия первых лет революции (1917-1920)
/АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. — М.: Наука,
1964. — 442 с.: ил.

Михайлов Е. В гостях у поэта [В. В. Каменского] //Звезда. — 1940. — 1 сент.

Михайловский Е. Русская литература XX века: О В. Каменском. — Учпедгиз,
1939.

Над чем работает Василий Каменский //Уральский рабочий. — 1937. —
11 апр.

Над чем работает поэт В. Каменский //Звезда. — 1934. — 16 окт.

Незнамов П. На пути к реалистической поэзии. — М.:Худож. литература. —
1935. — № 4.

Никитин А. Варшавская катастрофа //Вечерняя Пермь. — 1990. — № 211-
213 (сентябрь).

Никитин А. Ветры предвестий: Жизнь и проза футуриста В. Каменского //

- Василий Каменский: Художественная проза и мемуары. — М.: Правда, 1991.
- Никольская Т. Л. Каменский // Русские писатели (1800-1917). — Т. 2. — М., 1992.
- Новые работы В. В. Каменского // Звезда. — 1944. — 7 июля; 26 нояб.
- О В. Каменском // Шапирштейн-Лерс Я. Общественный смысл русского литературного футуризма: Неонародничество литературы XX в. — М.: Издательство Миронова, 1922.
- О книге «Мужество» // Красная Звезда. — 1939. — 17 авг.
- О награждении писателя Каменского В. В. орденом Трудового Красного Знамени: Указ Президиума Верховного Совета СССР 17 апреля 1944 г. // Литература и искусство. — 1944. — 22 апр.
- Ожегова М. За высокую идейность Уральской литературы: О В. Каменском // Звезда. — 1946. — 6 окт.
- Павлов С. Жизнь с Маяковским: О В. Каменском / Павлов С. // Литературное обозрение. — 1940. — № 19.
- Пермяков Г. Поэт, авиатор, жизнелюб: К 80-летию со дня рождения В. В. Каменского // Молодая гвардия. — 1964. — 19 апр.
- Писатели Пермской области: Биобиблиографический справочник. — Пермь, 1996.
- Поляков Н. Василий Каменский и русский футуризм // Каменский В. Танго с коровами: Степан Разин. Звучаль веснянки. Путь энтузиаста. — М., 1990.
- Поэт В. В. Каменский в Перми // Звезда. — 1934. — 9 окт.
- Поэт В. В. Каменский в своей оранжерее // Звезда. — 1936. — 9 июля.
- Поэт В. В. Каменский на новостройках и заводах Перми // Звезда. — 1933. — 1 авг.
- Поэт Прикамского края: К 85-летию В. В. Каменского // Ленинское знамя. — 1969. — 17 апр.
- Поэт с берегов Сылвы: О В. В. Каменском // Путь Ильича. — 1970. — 23 мая
- Поэт-летчик: О поэте В. В. Каменском // Звезда. — 1959. — 19 апр.
- Приезд Василия Каменского // Звезда. — 1927. — 27 июля.
- Прикамье славит поэта // Звезда. — 1977. — 17 апр.
- Пробные полеты В. В. Каменского // Пермские губернские ведомости. — 1911. — 24 июня.
- Произведения В. В. Каменского // Трифонов Н. А. Русская литерату-

ра XX века (Дореволюционный период): Хрестоматия для пед. ин-тов / Сост. Н. А. Трифонов. — М.: Учпедгиз, 1962. — (Библиографическая справка о В. В. Каменском на с. 590).

Роднянская И. Б. Каменский //Краткая литературная энциклопедия. — Т. 3.

Севрюк Ю. Фальшивые стихи //Красная звезда. — 1939. — 17 авг.

Серьезные ошибки издательства «Советский писатель» //Литературная газета. — 1949. — 9 февр.

Слуцкий В. О Василии Каменском //Каменский В. Стихи. — М., 1977.

Со стихами по Советской Украине: Поездка В. В. Каменского //Звезда. — 1941. — 11 июня.

Сосновский Л. О якобы революционном словотворчестве (В. Каменский) //На посту. — 1923. — Кн. 2-3.

Степанов Н. А.. Василий Каменский //Каменский В. Стихотворения и поэмы. — М.-Л., 1966. — С. 5-48.

Степанов Н. А. Певец уральской вольности Василий Каменский //Литературный Урал. — Молотов, 1943. — 12 июня.

Степанов с. Певец родного края: Поэт В. Каменский //Звезда. — 1945. — 3 янв.

Стриженов с. Ночь на Сылве: Очерк о работе М. Ковалья и В. Каменского над оперой «Емельян Пугачев» //Звезда. — 1940. — 4 июля.

Трапп И. Прикамье (№ 1): О В. Каменском //Большевицкая смена. — 2 авг.

Трофимов Г. Поэт-авиатор (В. В. Каменский) /Трофимов Г. //Нева. — 1969. — № 4. — С. 220.

Центральный театр водников в Перми //Звезда. — 1934. — 7 окт.

Челионати [Вермель С.]. Лирики: О В. Каменском /Челионати [Вермель С.] //Московские мастера: Журнал искусств. — М., 1916.

Чуковский К. Футуристы: О В. Каменском. — П., 1922.

Юбилейная дата В. В. Каменского //Звезда. — 1935. — 15 авг.

Юбилейный вечер В. В. Каменского //Звезда. — 1933. — 7 авг.

Юзефович Л. Визитные карточки века: О литературном наследии поэта В. В. Каменского //Молодая гвардия. — 1967. — 5 апр.

Janecek c. The Look of Russian Literature //Avant-Carde Visual Experiments (1900-1930). — Princeton, 1984. — P. 123-149.

Markov V. Russian Futurism: A History. — London, 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Ёжиков.

Святой разбойник из ковчега Грядущего 8

Василий Каменский.

Его-Моя биография Великого Футуриста 39

Описание фотографий, использованных в книге 284

Библиографический указатель 285

Литературно-художественное издание

Василий Васильевич Каменский

ЕГО-МОЯ БИОГРАФИЯ ВЕЛИКОГО ФУТУРИСТА

Репринтное издание текста
и страниц издания (частично) 1918 года.
Текст печатается в авторской редакции.

Верстка С. Э. Неведомская